

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Исследования
по общей
теории
грамматики

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1968

В книге рассматриваются наиболее актуальные проблемы грамматического строя языка, соотношение грамматики и лексики, структура грамматических форм и их значение в аспекте системы и функционирования. Даны сведения по истории трактовки отдельных спорных вопросов лингвистики.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор филологических наук

В. Н. ЯРЦЕВА

7-1-1

118-68(II)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы грамматического строя языка, структуры грамматических форм и их значений всегда представляли собой один из важнейших участков общей теории языка. Практическая работа по составлению грамматик отдельных языков, так же как и сравнение языков различного строя между собой, не может быть осуществлена без наличия определенной теоретической базы и выработки методики анализа языкового материала.

Авторский коллектив предлагаемой книги ставил себе целью осветить те узловые вопросы общей грамматики, разработка которых позволит дать всестороннюю трактовку формы и содержания грамматической системы языка. Работа не является систематическим курсом общей или теоретической грамматики; особое внимание в ней уделяется дискуссионным и трудным вопросам грамматического анализа, по-разному решаемым представителями различных лингвистических школ.

Существенным вопросом теории языка является разграничение различных сторон языковой системы и определение тех форм их взаимодействия, которые существуют между ними в статике или проявляются в динамике функционального использования языка. Если необходимо отделять лексику от грамматики ввиду наличия у каждой из этих сторон языка присущих им черт, то тем не менее можно наблюдать такие типы языковых структур, при функционировании которых раскрываются определенные формы взаимодействия лексического и грамматического уровней языка.

Центральным понятием лингвистического исследования является понятие структуры, которая определяется как упорядоченная система противопоставлений, или оппозиций, обнаруживаемых как между единицами плана

выражения, так и между единицами плана содержания. Исследование противопоставленности языковых единиц и использование противопоставленности как приема лингвистического анализа теснейшим образом связаны с пониманием языка как системы.

Несмотря на то, что первостепенная роль, принадлежащая понятию оппозиции в науке о языке, со времен Ф. де Соссюра общепризнанна, сущность и характер лингвистических оппозиций, особенности их функционирования до сих пор являются не вполне выясненными. Особенно важно выяснить роль грамматических оппозиций в связи с проблемой значения грамматических форм, в частности содержания, присущего различным грамматическим категориям, выявляемым в парадигматических и синтагматических построениях языка.

Система типов предложения стоит в центре учения о синтаксисе. В языке предложение предстает как единство, воплощающееся в весьма большом числе разных типов (моделей), каждый из которых обладает как своими формальными особенностями, так и особенностями своего обобщенного грамматического значения и своей функции. Для того чтобы разобраться в этом многообразии, необходимо установить те стороны предложения (аспекты), по которым идет выделение этих типов, их противопоставление друг другу. Однако в трудах по синтаксису (как в исследовательских работах, так и в работах, учебных и обзорных) типология предложения обычно не рассматривается достаточно углубленно и систематично. Авторы ограничиваются чаще всего лишь указанием на несколько критериев, по которым выделяются некоторые типы предложений, без необходимой аргументации. В связи с этим представлялось целесообразным заново пересмотреть и обосновать сам реестр аспектов предложения, по которым выделяются типы предложения. Не претендуя на полное решение поставленных вопросов, авторы книги стремились тем не менее дать их позитивную трактовку, высказывая свое понимание той или иной грамматической проблемы и намечая пути ее дальнейшего исследования. Поэтому лингвистическая традиция в решении той или иной проблемы грамматики не излагается как «история вопроса», а дается либо в плане полемики, либо служит опорой развиваемой концепции.

В. Н. ЯРЦЕВА

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

I

Взаимоотношение лексики и грамматики следует различать применительно к «грамматике языка» и к «грамматике языков». Анализ отношений лексики и грамматики во втором из упомянутых планов тяготеет к типологическому исследованию языков. Можно привести многочисленные примеры, когда значения, передаваемые в одном языке средствами лексики, в другом языке облекаются в грамматическую форму. Разумеется, последнее обстоятельство не может не отразиться и на самом характере передаваемого значения. В одном случае оно коррелирует полностью или частично с другими лексическими явлениями, а в другом случае вступает в ряды отношений грамматического порядка. Важным в последнем случае является включение категориальной формы в ряды грамматических отношений, а не сам факт передачи данного значения грамматическими средствами.

В русском языке начало действия — ингрессивный вид — передается префиксацией (*за-пел*), так же как и многие другие значения видового характера. Противопоставление префиксальной формы глагола и формы простой (*запел — пел*) входит в общую систему передачи видовых значений в глаголе русского языка. Эквивалентные по значению словосочетания в английском языке используют средства лексики, т. е. передают необходимые значения описательным путем (*he started singing — he began to sing*).

К области лексики вышеуказанные английские словосочетания относятся постольку, поскольку в них использованы в качестве связочных такие глаголы, в лексическом значении которых содержится указание на начало действия. Однако лексическая корреляция (*started — stopped, began — finished*) всегда менее отчет-

лива, чем грамматизованные виды противопоставлений, так как лексемы обладают сложной семантической структурой, вследствие чего по одним семантическим линиям лексемы могут вступать в отношения корреляции (безразлично по сходству или по противоположности их значений), по другим, наоборот, лексемы оказываются неопоставимыми.

В области описательных способов выражения видовой характеристики действия, применяемых во многих языках, вышеуказанное свойство лексем проявляется, в частности, в том, что антонимы довольно редко встречаются в качестве связочных глаголов и обычно только одна половина антонимических словосочетаний идет дальше по пути грамматизации: конструкции *he began to sing* так же, как и *он начал петь*, более узуальны грамматически, чем *he finished to sing* или *он кончил петь*, для передачи эгрессивного вида.

Можно было бы в этой связи указать также на своеобразии синонимических конструкций и коррелятивных отношений между ними в каждом отдельном языке. В русском языке отношение *пел к начал петь* выглядит схожим с английскими формами *sang* и *began to sing*; однако наличие в русском языке пары *пел* и *запел*, отсутствующей в английском, а вместе с тем наличие в английском языке грамматической формы, передающей ограниченно-длящееся действие (*was singing*), создает в каждом из этих языков особое членение видовой микро-системы.

Корреляция выраженного и нулевого аффикса (суффикса или префикса) создает относительно четкую схему противопоставлений и с тем большей степенью последовательности, чем «грамматичнее» применяемое средство передачи данного значения. Поэтому при сравнении префиксации и суффиксации мы обнаруживаем, что суффиксация в целом более грамматична, а следовательно, и более единообразна в своем применении. Под грамматичностью в данном случае мы подразумеваем не только возможность для суффикса отнестись образованное с ним слово к определенному ряду, грамматическому по своему содержанию, но и однородность, узость, в известном смысле бедность, значения суффикса — ведь префиксы значительно чаще, чем суффиксы, обременены дополнительными лексическими значениями.

Другой стороной вышеописанных свойств суффиксации в сравнении с префиксацией является меньшая лексическая избирательность суффиксов при их сочетании с корнями или основами. Суффикс, придающий глагольным основам значение многократности, лексически почти не ограничен в русском языке. То же можно сказать о суффиксе- *dir* (с его фонетическими вариантами), образующими понудительные формы глагола в турецком языке. Из префиксов по отсутствию лексической избирательности, моносемантичности и грамматической направленности в языках, применяющих оба типа аффиксального основообразования (т. е. и суффиксацию и префиксацию), выделяются немногие, ср. русск. *пере-*, англ. *re-*, нем. *be-*.

Следовательно, ввиду градаций существующих внутри самих средств выражения грамматизованных и неграмматизованных отношений в языке, нет адекватности плана выражения и плана содержания между различными языками. В целом содержание, передаваемое в одном языке, может быть полностью передано средствами другого языка. Однако если обратиться к контурам семантических полей и их внутреннему членению, то не только между разными языками, но и между различными уровнями одного и того же языка обнаружатся существенные расхождения. Сферы лексики и грамматики каждого языка имеют между собой не только различия, но и известные элементы сходства, выражаемые в виде возможных синонимических замен.

Следовательно, то, о чем мы говорили в начале настоящего раздела по поводу отношения лексики и грамматики при сравнении разных языков, относится в значительной мере и к сопоставлению лексики и грамматики в пределах одного языка. Многоярусность средств выражения по отношению к плану содержания создает в каждом языке не только сложные формы связи между лексическими и грамматическими явлениями, но и приводит к специфическому для данного языка расчленению самого плана содержания. Что же при этих условиях может быть извлечено из «грамматики языков» для «грамматики языка»?

Многочисленные попытки построения универсальной грамматики терпели неудачу главным образом потому, что исходили в своих построениях из наличия общего

«универсального» значения, передаваемого в языках различными приемами, но не уделяли достаточного внимания вопросу, как моделируется само это общее значение, выражаемое в формах языка. Обычно даже само понятие формы не раскрывалось в его специфически языковой части, сводясь лишь к перечню примеров из арсенала техники языковых средств. В лучшем случае говорилось о различном удельном весе того или другого средства в языке или о комбинировании различных средств для выражения одного категориального значения.

Важным для понимания различий и сходств между разными уровнями языка является не сам набор тех или иных средств передачи значений, выражаемых в языке, а отношение тождества и различия, синонимии и полисемии, различных форм противопоставленности (см. об этом стр. 10), раздельности и частичного перекрещивания. Здесь может быть найдено то, что разделяет лексику и грамматику как различные стороны языковой структуры. В теории универсальной грамматики была правильно подмечена возможность извлечь (или отвлечь) план содержания из многообразия языков мира, но на то, как формируется это содержание благодаря специфическим особенностям различных сторон (или «уровней») языковой структуры, не было обращено внимания.

Для построения «грамматики языка» необходимо извлекать из «грамматики языков» не только повторяющееся в тех или иных формах выражения содержание грамматических и лексических категорий, но и типизированные свойства самих этих категорий, определяемые внутрискруктурными особенностями каждого из уровней языка. При таком подходе можно устанавливать изоморфность разных уровней языка, не рискуя свести их к неправильному отождествлению.

Проблема «уровней» или «ярусов» языковой структуры, характер их взаимоотношений, тип единиц, входящих в каждый «уровень», не раз служили предметом споров среди лингвистов¹. Если некоторые языковеды безоговорочно признавали организацию языка «по уровням», то другие сомневались в правомерности сопостав-

¹ С. Д. Кацнельсон. О теории лингвистических уровней. «Вопросы общего языкознания». М., 1964.

ления столь различных областей языка, как фонология и лексика или лексика и грамматика. Достижением современной лингвистики явилась, на наш взгляд, не столько попытка отождествить различные стороны языка, исходя из их изоморфности, сколько понимание системной организации языка и каждой из составляющих его частей.

Сложность языка как объекта научного описания заключена, в частности, в том, что различные стороны языка связаны между собой. Об их «иерархии» не раз писали за последние годы. Однако остаются неуточненными вопросы: 1) что дает при исследовании явления, принадлежащего одному «уровню», учет его связей с другим уровнем; 2) какие связи при этом необходимо учитывать, а какие можно игнорировать; 3) есть ли различия в учете этих связей при синхронном или диахронном анализе.

Сама методика анализа языка, выдвинутая дескриптивистами, вызвала к жизни теорию «уровней» в языке как результата стремления «непосредственного, непредвзятого» наблюдения и описания языка. Впоследствии эта теория, связанная с методикой наблюдения языка, была перенесена на само понимание структуры языка. Однако строение языка не может быть определено как механическое соединение уровней, ибо даже сам этот термин вызывает представление о наложении плоскостей, в последовательности идущих одна над другой (ср. термины «единица низшего уровня» и т. д.). Скорее можно говорить о плоскостях, так как последние могут не просто идти одна за другой, но пересекаться друг с другом под различным углом.

Когда современные лингвисты возражают против использования лексических значений в процессе грамматического анализа языка, они стремятся сохранить единство объекта исследования и строгость применяемых процедур. То обстоятельство, что в реальном процессе общения грамматические формы не существуют вне их лексического наполнения, само по себе не может снять возражений против смешения лексического и грамматического при научном анализе языка. Исследователь имеет право изолировать определенный участок изучаемого материала в целях его последовательного и полного описания, тем более, что частичные описания, будучи

проведены с одной определенной точки зрения, впоследствии могут быть синтезированы и сведены в одно целое.

Вместе с тем лингвистическая практика убеждает в том, что если на одних участках строя языка лексическое и грамматическое можно расчленить более или менее успешно, существуют области, где такого рода расчленение мешает плодотворности самого грамматического анализа. Точнее говоря, учет лексических значений необходим для некоторых грамматических структур, так как в противном случае однозначное и детализованное грамматическое определение этих структур не будет достигнуто. В дальнейшем изложении будет показано, как учет лексических значений помогает в решении задач, возникающих в связи с явлениями синтаксической полисемии, синтаксической омонимии и в некоторых трудных случаях членения синтаксических единств (см. стр. 45).

Важным моментом при анализе языка является учет системности языковых фактов и противопоставленности элементов системы. Противопоставленность элементов системы языка является вместе с тем формой их связи. Именно поэтому в лингвистической науке осознание наличных в языке противопоставлений возникло тогда, когда укрепилось понимание языка как системы. Луи Ельмслев указывал, что «со времен Фердинанда де Соссюра часто утверждалось, что между некоторыми элементами языка существует взаимозависимость такого рода, что язык не может обладать одним из элементов, не обладая другим»². Сам Ельмслев вышеуказанным положением пытается поддержать свое утверждение, что в языке важны только «зависимости», а не сами зависимые (друг от друга) объекты.

Как известно, Ельмслев приходит к заключению, что рассматриваемый объект и его части существуют только в силу этих зависимостей и данные объекты являются только пересечением отражений подобных зависимостей. Выводы, к которым приходит Ельмслев в результате своих рассуждений, сводятся к тому, что, во-первых, зависимости являются не вторичными, предполагающими существование объектов, а первичными и, во-вторых, что целое состоит не из вещей, но из их отношений и не суб-

² Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 283.

станция, а только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование.

Так, правильно подмеченные отношения между элементами системы языка гиперболизируются и поглощают в трактовке копенгагенского структурализма сами элементы и язык как их совокупность. Несостоятельность утверждений Ельмслева заметна потому, что они не объясняют, что же порождает эти зависимости, даже если считать, что они первичны по отношению к объектам. Кроме того, если стать на точку зрения Ельмслева, то логически следует, что зависимости, не будучи обусловлены природой объекта, должны быть одинаковыми во всех областях языка. Между тем наблюдаемые факты языка противоречат этому утверждению. Хотя противопоставления могут быть сведены к нескольким типам, их частотность, их взаимная соотносительность, и сама их вариантность непосредственно связаны с характером самих элементов языка, противопоставленных друг другу, т. е. со специфическими свойствами той или иной стороны языка. Поэтому, хотя можно говорить об изучении противопоставлений в языке как целом, практическое выделение различных типов противопоставлений должно проводиться в различных областях языка дифференцированно. Последнее вполне закономерно вытекает из положения, что противопоставленность элементов системы языка является вместе с тем формой их связи. Объединяются противопоставлениями только элементы однопорядковые, входящие в один и тот же ряд явлений. Противопоставляемые объекты наших наблюдений, как бы дробны они ни были, всегда характеризуются не одним, а несколькими признаками.

Противопоставление объектов наблюдения — это в известной мере их сравнение, поэтому эти объекты могут контрастировать по одному или нескольким признакам, но по другим признакам, им свойственным, должны входить в один ряд. Так, в языке может существовать противопоставленность гласных открытых и закрытых, что может сочетаться (или не сочетаться) с фонологическим различием их краткости и долготы. Но по другим своим признакам контрастирующие величины входят в один ряд, т. е. принадлежат к разряду гласных.

Нельзя говорить о противопоставленности (употребляя это слово терминологически) фонологии и морфоло-

гий, лексики и синтаксиса. Конечно, есть языковые явления (к ним обратимся мы несколько ниже), лежащие как бы на стыке различных сторон языка. Однако и в этих случаях дело будет сводиться к большему или меньшему количеству несходных признаков у сравниваемых объектов анализа. Следовательно, для вскрытия объективно существующих противопоставлений между элементами языка необходимо внимательное изучение свойств и признаков этих элементов. В итоге этого изучения каждый языковой факт, каждое явление, принадлежащее к области фонетики, грамматики, лексики, будут наделены формулой, в которой как бы регистрируются признаки, свойственные данному языковому факту.

Большее или меньшее несходство формул двух сравниваемых элементов показывает количество их совпадающих или несовпадающих признаков. Поясним это несколькими простейшими примерами. Если мы возьмем личные местоимения русского языка *я, ты, он*, то легко установим целый ряд их сходных признаков. Одинаковое отношение к числу (*я — мы, ты — вы, он — они*), одинаковая заменяемость вопросительными местоимениями (*я пришел — кто пришел, ты пришел — кто пришел, он пришел — кто пришел*), одинаковая заменяемость именами собственными. Деление по роду, вносящее дробность в местоимение личное 3-го лица, идет как бы внутри и не нарушает общего соотношения 3-го лица с другими личными местоимениями: на месте «единицы» (*я — мы, ты — вы*) стоит как бы «пучок» (*он, она, оно — они*) — и только.

Но, двигаясь дальше по пути изучения свойств данных местоимений, мы сейчас же обнаружим и их несходства. Так, в пределах одной модели их отношение к заменяемости указательными местоимениями различно: нормально *он пришел — тот пришел* и несообразно *ты пришел — тот пришел*. Следовательно, при принадлежности к одному ряду — личным местоимениям — и многим общим свойствам, по количеству сходных признаков местоимения 1-го и 2-го лица объединяются вместе и противоплагаются (вместе) местоимению 3-го лица. С другой стороны, при максимуме совпадающих структурно-грамматических и синтаксических черт, местоимения 1-го и 2-го лица контрастируют по своей лексико-семантической природе. Следует подчеркнуть, что

противопоставленность 1-го лица 2-му, с одной стороны, и 1-го (или 2-го лица) 3-му, с другой — разная: 1-е и 2-е лицо противопоставляются как элементы одной пары, внутри данной пары, а 1-е (или 2-е) противопоставляется 3-му как элементу, лежащему вне пары *я — ты*, но входящему вместе с 1-м и 2-м лицом в более емкий ряд — личные местоимения.

Подобные характеристики или признаки (как мы их выше назвали) элементов языка, а следовательно, и типы их противопоставленности всецело зависят от строя данного языка. Поэтому отношения внутри рядов, в целом сходных, в двух или нескольких языках зачастую оказываются резко отличными. Вместе с тем можно сказать, что сами признаки тех или иных элементов языка зависят от наличия или отсутствия коррелирующих с ними парных элементов. Поясним эту мысль следующим примером.

Как в русском, так и в английском языках имеются неличные формы глагола — инфинитив и причастие — совпадающие по целому ряду своих свойств и функций. И русский и английский инфинитивы могут выступать в роли подлежащего, дополнения, предикативного члена в составном сказуемом, обстоятельства (инфинитив цели). В ряде этих функций они соотносительны причастию I, и, следовательно, можно говорить о корреляте инфинитива — причастии I. Но наличие в английском языке еще одной неличной формы в спряжении глагола — герундия, по многим своим функциям дублирующего инфинитив, дает иной тип соотношений между неличными формами глагола в английском языке, чем это наблюдается в русском языке. Вместе с тем из-за морфологического совпадения герундия и причастия I в английском противопоставленность между ними в пределах словосочетания идет по другой линии, в отличие от противопоставленности русских причастий и деепричастий, хотя по многим своим признакам русское деепричастие сходно с герундием английского языка.

Следовательно, хотя мы и не разделяем точку зрения Ельмслева, считающего, что объекты существуют лишь как сумма, перекрещивание их зависимостей, и полагаем, что элементы языка — это материальные величины и объективно существующая реальность, приходится учитывать, что свойства языкового элемента связаны с

его местом в системе языка и даже уже, с его местом в языковом ряду и, следовательно, зависят и от свойств коррелирующих с ним «соседей» по этому ряду. Иного, собственно, и нельзя было бы ожидать, поскольку язык в силу своего коммуникативного назначения существует как упорядоченная система с большим, но все же конечным числом элементов.

Вернемся к случаям, когда факты языка, принадлежащие различным его областям, лежат в пограничных подсистемах. Признавая специфику различных сторон или областей языка, т. е. различая особые свойства его звуков, лексем и грамматических структур, мы считаем неверным изображение языка в виде восходящих «ярусов», преемственно связанных по типу сложности их единиц. Скорее можно представить себе систему языка в виде замкнутой цепи, где пограничные звенья, сцепленные друг с другом, частично обладают общими элементами, входящими по одним признакам в одно звено, по другим — в другое, соседнее.

Если это свойственно системе языка в синхронии, то еще яснее это выступает при наблюдении исторического развития языка, так как, собственно, только эта особенность языковой системы может объяснить процессы лексикализации или грамматизации словосочетаний, грамматизации фонетических явлений, т. е. переход явлений языка из одной области в другую. Лингвисты давно почувствовали эту особенность языка, стараясь выразить ее в комплексных терминах, особенно умножившихся в последнее время: «лексико-грамматический», «морфолого-синтаксический» и т. п.

Образ системы языка как замкнутой цепи, отдельные звенья которой связаны последовательно друг с другом, не противоречит тому, что разные стороны языка выступают как охватывающие, объемлющие друг друга. Действительно, фонетика охватывает все слова со всеми их формами, так как вне звучания языка не существует — любое письменное изображение его вторично. Можно также сказать, что язык — это язык слов, т. е. совокупность всех лексем, составляющих данный язык, покрывает все, что в нем существует, ибо «остатка», лежащего вне совокупности всех лексем языка, не может быть. Можно также сказать, что грамматический строй в его морфологических и синтаксических проявлениях охва-

тывает все слова, имеющиеся в языке, так как каждое слово «оформлено». Но именно тогда, когда мы начинаем рассматривать каждую из указанных сторон языка, стараясь определить свойственные ей закономерности, мы обнаруживаем различие и специфические черты звукового, лексического и грамматического материала данного языка.

Какие явления лежат на стыке лексического и грамматического звеньев языка? Естественно, что в первую очередь напрашиваются здесь вопросы, связанные со словообразованием. Оговоримся, что в данном случае мы понимаем словообразование как данность, а не как процесс. Зависимость словообразовательных типов от характера морфологической структуры языка — хорошо известный факт. Слабая морфологическая оформленность слова в современном английском языке, т. е. звуковое тождество основы слова и некоторых форм слова, привела к появлению в лексическом составе языка обширных пластов омонимичных глаголов и существительных, глаголов и прилагательных, существительных и прилагательных, иногда семантически близко связанных, а часто весьма различных. Является ли это фактом лексики или грамматики? Если мы берем *hand* и *set* и *to hand* и *to set* в ряду соотношений форм слова между собой, то обнаруживаем сходные и несходные модели форм слова *hand* — *hands* и *set* — *sets*, с одной стороны, и *hand* — *handed* и *set* — *set*, с другой. Таково рассмотрение фактов со стороны грамматики. Если же мы обращаем внимание на то, что значение предмета и значение действия связаны в обоих парах одинаково (*hand* 'рука', *to hand* 'передать'; *set* 'ряд', 'набор' и *to set* 'поставить', 'установить') — то это уже факты лексики. Важно другое: каждый раз сопоставление идет или по линии грамматики или по линии лексики. Таким образом, противопоставленность осуществляется в пределах однопорядкового ряда. Пограничность явлений, о которой мы говорили выше, сказывается в другом. Во многих случаях область лексики и область грамматики как бы взаимообуславливают друг друга. Тем не менее противопоставляются между собой только признаки входящих в одну сферу отношений, в данном случае либо грамматических, либо лексических. Из этого следует хорошо известное на практике положение, что один и

тот же «пример» (т. е. один и тот же языковой факт) может быть взят для показа целого ряда отношений. Будет меняться второй член формулы противопоставления, выявляя тем самым, какой из признаков рассматриваемого элемента языка берем мы в том или ином случае. Определенность качества в противоположность качеству входит в ряд *белизна* — *белый*; по линии отсутствия форм множественного числа в ряд *белизна* — *белок* (*белки*), имея тождественность с такими словами, как *желтизна* — *желток*, и вместе с тем непарность отношения проявляется в примере *глубина* — *глубокий* и *глубина* — *Ø*. Следовательно, явление противопоставленности, существующее в языковой системе, помогает исследователю языка глубже и полнее изучить элементы, из которых слагается язык.

Естественно, может возникнуть вопрос: а существуют ли на самом деле эти ряды отношений как объективная данность языка или это «порядок», который мы сами вносим в язык при его исследовании? Во-первых, можно было бы сказать, что даже если бы этим «порядком» мы были обязаны лингвистам, то все же что-то существует в самом языке, что подсказало создание этой, а не какой-либо иной схемы. Во-вторых, именно тот факт, что *все* стороны языка имеют ряды противопоставлений, доказывает, что существование отношений между элементами языка является свойством языковой системы. Множественность рядов противопоставлений объясняется множественностью признаков, которыми обладает каждый элемент языка, и тем, что в каждом элементе языка мы находим сочетание не только признаков однопорядковых (например, грамматических черт), но и разнопорядковых (т. е. и грамматических, и фонетических, и лексических). Следовательно, закономерные противопоставления пронизывают всю систему языка, скрепляя ее в процессе расчленения. Это свойство языка как системы имелось в виду при формулировке утверждения, что противопоставленность элементов языка является вместе с тем формой их связи.

Следует отличать два разряда противопоставлений: одни, основанные на взаимозаменяемости коррелятов (то, что можно было бы назвать чередованием в пределах одной модели), и другие, противопоставленные в системном ряду, но не связанные с обязательной взаимо-

заменяемостью элементов ряда. Эти различия в характере противопоставлений обусловлены, по-видимому, различиями языка, как системы элементов и их отношений, и речи как реализации элементов языка. Например, парадигма существительного дана как системный ряд противопоставления форм существительного, хотя не все они взаимозаменяемы в пределах одной синтаксической модели. В сказуемом русского языка невозможно чередование падежей именительного и винительного или именительного и родительного; с другой стороны, наблюдается чередование именительного и творительного (*Он был слушатель академии — Он был слушателем академии*).

Что же поддерживает единство и связанность однорядкового ряда при отсутствии взаимозаменяемости его членов? То, что по одному существенному признаку, имеющемуся у всех членов данного ряда, он противопоставлен другому ряду. В данном примере с существительными важно то, что парадигма склонения существительного контрастирует в русском языке с парадигмой спряжения глагола и с парадигмой склонения прилагательных.

Если мы обратимся к языкам с очень сжатой парадигмой склонения, например, к английскому языку, то там окажутся свои трудности в отграничении рядов противопоставлений, а вместе с тем возможны разные их разряды. В английском языке общий и притяжательный падежи взаимозаменяемы в атрибутивных словосочетаниях, а вместе с тем возможность атрибутивной функции для общего падежа и парадигматическая неоформленность прилагательного порождает бесконечные трудности с отнесением первого элемента в словосочетании типа *silver spoon* 'серебряная ложка' (или 'серебра ложка') к одной из частей речи — существительному или прилагательному.

Все это приводит нас к заключению, что при изучении системы языка и его отдельных элементов надо строить для каждого элемента множество рядов противопоставлений, заботясь о том, чтобы основание для каждого ряда было единым и простым.

II

Говоря об отношении грамматики и лексики, следует строго различать область морфологии и область синтаксиса. Подчиненность лексики морфологии сказывается

в том, что все лексемы включаются в определенные морфологические разряды, с присущими им показателями.

Грамматическая классификация, связанная с тем или иным категориальным значением, может охватывать лексический материал полностью или частично. В известной степени это зависит от емкости самой грамматической категории, но чаще связано с лексическими особенностями, не позволяющими данному разряду слов принять соответствующую грамматическую форму. Так складывается уже не взаимодействие лексики и грамматики, а как бы скорее противодействие лексики по отношению к грамматике.

Например, в языках, обладающих грамматической категорией рода, все существительные распределяются по родовым грамматическим классам, иными словами, не может быть существительного, не входящего в какой-либо один из существующих родовых классов. То, что в отдельных случаях могут наблюдаться колебания (чаще всего объясняемые исторически) в отнесении какого-либо существительного в тот или иной родовой класс и даже возможность употребления этого существительного с показателями то одного, то другого класса, не снимает вышеприведенного положения, так как все равно существительное будет подчинено родовой классификации и не может находиться вне ее.

Категория числа в существительном представляет собой обычно очень сильную категорию, формально выражаемую даже в языках со скудными морфологическими ресурсами. Однако при всеобъемлющем характере этой категории есть разряд неисчисляемых имен, для которых нет форм множественного числа, а если таковые имеются, то они употребляются для создания новых лексических значений. В русском языке категория множественного числа для существительных выступает не только как сильная и устойчивая, но и как семантически многосторонняя категория³. Как известно, далеко не всегда форма множественного числа противопоставляется форме единственного как выражение совокупности отдельных предметов в отличие от единичного предмета. Во всех случаях

³ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 147.

подобного изъятия из парных противопоставлений отклонения связаны с лексическими особенностями.

Прежде всего следует указать на те лексические разряды имен существительных, которые не имеют форм единственного числа, употребляются исключительно или преимущественно во множественном числе и, составляя для некоторых своих подвидов застывшие, замкнутые группы, продолжают пополняться в других своих звеньях. Среди *pluralia tantum* в грамматиках русского языка выделяются следующие лексико-семантические группы: 1) слова, обозначающие парные предметы (*очки, вожжи*); 2) слова, обозначающие составные предметы (*ножницы, вилы, жабры*); 3) слова, обозначающие массу, материал в его совокупности (*чернила, овощи, деньги*); 4) слова, обозначающие остатки, возникающие в результате какого-либо процесса (*опилки, очески*); 5) слова, обозначающие промежутки времени (*сутки, какикулы*), и целый ряд еще других семантических групп⁴.

Легко видеть, что четкая классификация в этих случаях сложна и выделение отдельных групп и подгрупп, а также отнесение конкретных лексем в ту или иную группу — вещь весьма спорная. Однако сама возможность наметить какие-то группы на основе лексико-семантических признаков слов, обуславливающих поведение этих слов в отношении грамматической категории, показывает на тесную связь в этих случаях грамматики и лексикологии, и, если можно так выразиться, воздействие лексики на грамматику. Сюда могут быть отнесены существительные абстрактные, не имеющие форм множественного числа.

Английские *wisdom* 'мудрость', *beauty* 'красота', *admiration* 'восхищение', *satisfaction* 'удовлетворение', и им подобные не имеют формы множественного числа, потому что значения этих слов не вызывают у нас представления о каком-либо предмете, имеющем определенную форму и точные границы⁵. Сюда же иногда грамматисты относят и названия вещества (*серебро, вода, воздух*), так же и в английском тот же состав слов (*silver, water*); некоторые лингвисты раздельно описывают группу абстрактных существительных и группу существительных, обозначающих вещество.

⁴ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 160—161.

⁵ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 229.

Количество классификационных рубрик здесь менее существенно, чем сама возможность их выделения на основе лексико-семантической характеристики описываемого словарного материала. В отдельных языках могут наблюдаться как совпадение, так и различие в трактовке одних и тех же понятий, передаваемых в лексике. Поэтому для каждого языка возможности использования категории числа для передачи смысловых или стилистических оттенков реализуются по-разному. Однако общим для всех языков остается то, что противопоставление формы единственного и формы множественного числа служит для дифференциации лексико-семантических вариантов слова, а зачастую и для дифференциации разных слов-омонимов.

Множественное число от слова *атмосфера* — *атмосферы* имеет узкотерминологическое значение² 'единица измерения давления газов'; *красоты* имеет узкое значение 'красота окружающей местности'. В английском языке *much experience* 'много опыта' и *many experiences* 'много переживаний' можно считать лексико-семантическими вариантами одного слова, реализуемыми в разных формах числа. Различия в названии массы и предметов, сделанных из этой массы, выраженные с помощью числовых форм, легко приводят к распаду полисемантического слова на слова-омонимы. В этом последнем случае грамматика (точнее — морфология) выступает как средство дифференциации лексических значений. Однако и здесь процесс морфологической дифференциации должен быть связан со «смысловым шагом» — семантически ощутимым сдвигом. Два слова должны быть разведены, отсоединены друг от друга не только морфологически, но и в отношении лексико-контекстуальных сочетаний.

Приведем для иллюстрации несколько примеров из английского языка: *cork* 'пробка' в примере *Cork is lighter than water* 'Пробка легче, чем вода' может быть скорее понято как обозначение массы вещества, хотя особое «противопоказаний» для понимания в данном случае пробки как единичного предмета в самом контексте не заложено. Форма множественного числа ясно указывает на отдельные предметы в примере *I want three corks for these bottles* 'Мне нужно три пробки для этих бутылок'. Грамматический контекст ясно указывает на значение вещества в примере *a little more cheese* 'немного

больше сыра' и на отдельные предметы в примере two big cheeses 'два больших сыра'. Можно согласиться с теми лингвистами, которые в этих случаях усматривают разное употребление одного слова, как, например, Есперсен, дающий вышеприведенные примеры⁶, или, как нам кажется, правильное видеть здесь лексико-семантические варианты одного слова.

Однако поставленные Есперсеном в тот же ряд примеры It is hard as iron 'Это твердо как железо' и a hot iron 'горячий утюг' вызывают серьезные сомнения. Грамматически это тот же случай, но смысловой разрыв между именем вещества и именем предмета, некогда делавшегося из этого вещества, очень велик. Слово обрастает новыми значениями, связанными с восприятием не вещества, из которого сделан утюг, а с функцией предмета (to iron 'гладить'). Лексико-семантические и ситуативные контексты употребления слов iron 'железо' и iron 'утюг' совсем различны. Только изучение и классификация всех контекстов употребления слова могут дать ответ на вопрос, имеем ли мы дело с полисемантическим словом или со словами-омонимами. Возможно, что после такого изучения обнаружится, что и случай с согk ближе к iron, чем к типу cheese.

Следует, однако, указать, что часто морфология выступает как решающий фактор в дифференциации слов-омонимов. Примеры этого хорошо известны во многих языках, но на них следует остановиться для извлечения некоторых выводов. В данном случае речь должна идти не только о противопоставлении форм единственного и множественного числа, но, что гораздо важнее, о разных парадигмах для омонимов, в том числе и для омонимов, принадлежащих к разным лексико-грамматическим рядам. Долг в значении 'взятое займы' имеет всю парадигму множественного числа (*долги, долгов*), но его омоним в значении 'обязанность' употребляется лишь в единственном числе (*чувство долга, общественный долг*), множественное число с другим ударением *дóлги*, видимо, надо считать архаизмом⁷.

На примере этого слова сразу можно показать другую сторону лексико-грамматического взаимодействия и единства. Не только относительно свободные синтакси-

⁶ О. Есперсен. Указ. соч., стр. 230.

⁷ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 155.

чешские модели словосочетаний различны для этих омонимов (в этих случаях бóльшую роль играет лексика, т. е. лексическая совместимость членов словосочетания, а не синтаксическая модель, поскольку оба омонима принадлежат к одному разряду — существительным), но, что гораздо показательнее, жесткие словообразовательные модели, дающие разные ряды к каждому из омонимов. Однако словообразование как процедура, пограничная между областью лексики и областью грамматики, не столь показательна для вопроса влияния грамматики на лексику, как парадигматика.

Если отдельные слова не обладают разветвленной системой форм, то тем не менее по своей морфологической структуре (строению основ) они все равно оказываются связанными с тем или иным лексико-грамматическим классом и входят в общую морфологическую систему языка. В тех случаях, когда данный лексико-грамматический разряд характеризуется наличием парадигмы, отдельные лексемы, к нему принадлежащие, могут иметь особенности, исторически объясняемые происхождением этих лексем (например, заимствованные слова) или условиями фонетико-морфологического характера (например, временные формы таких английских глаголов, как *to let, to cut, to set, to put* и им подобных). Тем не менее грамматические значения, свойственные данному лексико-грамматическому разряду, и в этих случаях будут выражены морфологически, так как «ущербность» парадигмы подобного слова восполняется его связями в общей системе.

Поскольку вопрос поставлен о парадигме как средстве дифференциации лексических значений, то случаи внутрипарадигматической омонимии (*взял* как форма глагола 1-го, 2-го, 3-го лица единственного числа, [bɔlʒ] как форма притяжательного падежа единственного числа и всех форм множественного числа), не должны здесь, естественно, учитываться. Зато характер межпарадигматической омонимии и достаточность морфологических критериев или, наоборот, их недостаточность и необходимость привлечения критериев синтаксических, непосредственно связаны со спецификой грамматического строя того или иного языка.

При сжатости парадигмы (малом числе ее членов) и невыразительности парадигматической характеристики

лексико-грамматических разрядов расширяются случаи межпарадигматической омонимии, и парадигма лишается способности быть достаточным средством дифференциации омонимов. Следствием этого оказывается необходимость синтаксических критериев, а в некоторых случаях и учета словообразовательных типов и фразеологизмов. Английские омофоны *miner* 'шахтер' (существительное) и *miner* 'шахтер' (существительное) — оба произносятся [ˈmaɪnə] — различимы отсутствием парадигмы у прилагательного и парадигматическими формами притяжательного падежа и множественного числа у существительного. Английские глаголы *to lie* 'лежать' и *to lie* 'лгать', неразличимые морфологические по всей парадигме настоящего времени, дифференцированы сразу в парадигме прошедшего времени (*to lie* — *lay*, *to lie* — *lied*) или в тех аналитических формах, в которые входит причастие II. Подобную омонимию иногда называют частичной, подразумевая, что лишь часть форм сопоставляемых слов является омонимами. В противоположность этому полная омонимия (чаще омофония) возможна только для слов, принадлежащих к одному и тому же лексико-грамматическому разряду, и включает слова, все формы которых омонимичны.

Б. Трнка приводит для последнего случая примеры *knight* 'рыцарь' — *night* 'ночь', фр. *louer* 'хвалить' и 'одалживать', англ. *die* 'умирать' и *dyer* 'окрашивать'. Б. Трнка полагает, что для полных омонимов содержание, которое вкладывает говорящий в омонимичное слово, может быть извлечено только из общего смыслового контекста, в то время как для частичных омонимов вкладываемое говорящим содержание ясно по синтаксическим связям, а не только по общему смысловому контексту (ср. *he rose* — *the rose*)⁸. Совершенно правильны наблюдения Б. Трнки об омонимах (омофонах) внутри одного лексико-грамматического разряда и об омонимичных связях между словами, принадлежащими к разным лексико-грамматическим разрядам.

Рассматривая эти явления в плане связи лексики и грамматики, можно сказать, что только для частичных омонимов, имеющих, следовательно, разные парадигмы,

⁸ B. Trnka. Bemerkungen zur Homonymie. «A Prague school reader in linguistics». Bloomington, 1964, стр. 303.

морфология служит средством лексико-семантической дифференцированности. Однако на деле, если включить не только парадигматику, но и синтаксические модели, релевантные для того или другого омонима, область полных омонимов окажется очень узкой, причем именно для языков с относительно бедной морфологией, в которых, зато, синтаксические способы выявления грамматических значений играют первенствующую роль. Конечно, именная парадигма для knight, night одинакова, но не только в широком, но даже и в узком синтаксическом контексте омонимы не взаимозаменяемы, т. е. данная синтаксическая позиция в определенной цепи может быть заполнена только одним из омонимов (ср. It was done during the night, It was done by the knight, It was done for the knight, It was done in the night). Именно сочетание морфологических и синтаксических данных ставит грамматику на службу лексике при дифференциации омонимов. Таких случаев большинство, и они действительно в той или иной пропорции для языков разного грамматического строя.

Примеры исторически объяснимой разницы в оформлении частичных омонимов типа английских cloth 'материя' как имени вещества, не имеющего множественного числа, cloth — cloths 'скатерть' — 'скатерти', и не имеющего единственного числа clothes 'одежда', сейчас превратившегося не только в отдельное слово pluralia tantum, но и выпавшего из омонимичного ряда (произношение [klaʊðz] или в просторечии [klaʊz]), не могут представлять интерес для синхронного исследования. Несомненно, что практически морфологические, синтаксические, словообразовательные и лексико-семантические критерии дают сложное переплетение в аспекте омонимии, что, например, прекрасно было показано В. В. Виноградовым на примере русского глагола *занимать* — *заниматься*⁹.

Говоря о полном или частичном охвате данной грамматической категорией определенного круга лексем, следует учесть некоторую разницу в том, что можно было бы назвать как «охват формой» и «охват категорией». Мы исходим из положения, что грамматическая категория представляет собой значение, систематизированно выраженное в формообразовании и в словосочетании. Однако

⁹ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 425—427.

грамматические категорий, которые находят свое выражение в словосочетании, должны рассматриваться не в разделе морфологии, а в разделе синтаксиса.

Морфологическая форма может иметь синтетическую или аналитическую структуру, но она всегда относится к разряду «жестких моделей» (см. стр. 26). Никто не сомневается, что синтетические формы степеней сравнения прилагательных в английском языке (white — whiter — whitest) составляют морфологический ряд. В данном случае даже несущественно, считать ли это словоизменением или формообразованием сообразно взгляду некоторых грамматистов на степени сравнения как близкие к процедуре словообразования. Однако случаи типа beautiful, more beautiful, the most beautiful гораздо более спорны. Если считать их аналитическими формами, т. е. расценивать more, most как служебные элементы в аналитической форме слова, тогда здесь мы имеем «охват формой» и можно сказать, что в английском языке прилагательные со значением качества на сто процентов включаются в формы степеней сравнения, но если расценивать more beautiful как неморфологизованное сочетание прилагательного со служебным по функции наречием «больше», то нельзя это образование включать в формы слова — прилагательного.

Тем не менее ясно, что значение сравнения качества, т. е. его характеристика с количественной стороны, не только выражено, но и закреплено в определенной модели, использованной для его передачи. Тогда следует говорить о наличии категории степеней сравнения, которая охватывает прилагательные определенной семантики, но эта категория передается как в формообразовании, так и в словосочетаниях, но относительно свободной («полужесткой») моделью¹⁰.

В этой связи следует остановиться на структурных типах моделей и формах соотношений этих моделей, принятых в данной работе. В языке многообразию содержания противостоит ограниченное число форм. Это противоречие снимается благодаря тому, что существует широкая возможность комбинирования этих форм и что, кроме того, большинство форм полисемантически. Реализация и

¹⁰ Аналогичные примеры можно найти в степенях сравнения прилагательных русского языка («Грамматика русского языка», т. 1. М., 1952, стр. 291—299).

уточнение одного из значений полисемантической формы создаются контекстом, следовательно, также комбинированием ряда форм. Типы сочетания языковых форм устойчивы и определены как по отношению к каждому отдельному языку, так и по отношению к различным сторонам языка.

Возвращаясь к вопросу о соотношении уровней в языке, следует заметить, что когда лингвисты говорят об «иерархии» уровней, они обычно приводят в качестве аргумента то, что единицы, принадлежащие одному уровню языка (например, фонемы), выступают как конституирующие элементы для единиц следующего уровня (например, для морфем как единиц уровня морфологии). Однако возникает серьезное сомнение в том, что следует считать подходящим эталоном для сравнения различных уровней языка: то, что их разъединяет, или то, что их объединяет.

Если предположить, что уровни объединяются присутствием им единицами, то тогда основой сравнения будет служить простейшая единица, типичная для данного уровня. Для фонематического уровня простейшей единицей является фонема, для морфологического — морфема, для синтаксического — бинарное словосочетание, для лексического — слово, т. е. отдельная лексема. Все эти величины сходны только в том, что выступают как простейшие для соответствующих уровней, однако они различны по типу своей внутренней организации, что делает их неподходящим мерилom для сопоставления уровней между собой.

Нам представляется более плодотворным сравнивать уровни языка, исходя из понятия модели, поскольку каждому уровню свойствен определенный набор моделей, а вместе с тем тип строения моделей в разных уровнях языка различен. Можно выделить «жесткое», «относительно жесткое» (или «полужесткое») и «нежесткое» строение моделей. Вместе с тем и соотносительность типов моделей в структуре данного ряда может быть более или менее «жесткой».

Для морфологического уровня характерен «жесткий» тип строения моделей. Морфемы как простейшие единицы, входящие в форму слова, могут подразделяться функционально на морфемы корневые и аффиксальные. Однако порядок их следования, формы их соединения,

само количество морфем (как корневых, так и аффиксальных) в составе формы слова ограничены и определены для каждого языка. Разумеется, можно выделить и некоторые общие черты в отдельных языках, по характеру своего морфологического строения относящихся к одному и тому же типу, что было уже давно подмечено при классификации языков на флективные, агглютинативные, инкорпорирующие.

Морфологии присущ также и «жесткий» тип соотношения моделей. Парадигматические ряды по их внутренней организации (т. е. по связи элементов парадигматического ряда), так же как и противопоставленность парадигматических рядов между собой, подчинены строгим правилам. Примером, иллюстрирующим важность противопоставленности форм внутри парадигматического ряда, может служить случай так наз. «нулевой флексии», когда отсутствие аффикса на фоне других аффиксально выраженных форм парадигматического ряда воспринимается как положительная маркированность данной формы. «Жесткость» в типе соотнесенности морфологических моделей может иллюстрироваться и тем фактом, что морфологические ряды (парадигмы) не могут быть расширены за счет инородных включений. Наоборот, в случае внедрения чужеродного элемента сразу начинает действовать закон давления ряда, абсорбирующего новообразование. Это сказывается, например, при охвате склонением и спряжением заимствованных слов, при восполнении недостающих членов парадигмы (последнее произошло при распространении категориальных признаков вида, времени и залога на неличные формы английского глагола, раньше не имевшие этих признаков) и т. д.

Синтаксический уровень характеризуется сочетанием как «жестких», так и «полужестких» типов строения моделей. Бинарма как простейшая модель синтаксического строения имеет для каждого языка вполне определенную организацию в отношении порядка следования составляющих ее элементов, способов их соединения (приемы примыкания, согласования по флективным показателям членов бинармы и т. д.), соответствия между их строением и функцией (примером последнего может служить примыкание в адвербиальных бинармах и согласование в адъективных бинармах русского языка). Вместе с тем бинармы поддаются расширению за счет включения

зависимых членов, могут изменять порядок следования своих элементов вплоть до их дистантного положения.

Тип соотношения моделей в синтаксисе также может быть охарактеризован как «полужесткий». Это особенно ясно видно при сравнении морфологии и синтаксиса. Морфологические формы противопоставляются одна другой в пределах однопорядкового ряда. Так, падежные формы существительного противопоставлены друг другу в парадигме склонения. Два парадигматических ряда, совпадая по внутренней дистрибуции своих форм, могут также противопоставляться друг другу по какому-либо одному содержательному признаку. Так, в спряжении глагола парадигматические ряды противопоставляются друг другу по признаку значения «настоящее — прошедшее» при сохранении одинакового строения парадигматического ряда, т. е. распределения личных форм. В синтаксисе возникают соотношения по признаку сходства или контрастности значения между моделями, различными по своей структуре. Иллюстрацией может служить: а) соотношение придаточных предложений и оборотов с неличными формами глагола, б) соотношение личных и безличных предложений в русском языке.

Тип строения моделей в лексике является «полужестким», что доказывается: а) лексикализацией сочетаний, очень разнообразных по своему строению, б) заимствованием лексем, имеющих строение, несвойственное лексике данного языка. По типу соотношения своих моделей лексика отличается от других уровней языка: тип соотношения моделей в лексике свободен. Последнее в значительной мере связано с самим количеством единиц, функционирующих в лексеме.

Ограниченность числа структурных типов, используемых грамматикой, приводит к «жесткости» в их соотношении из-за малого количества эквивалентных моделей. Лексическое разнообразие в наполнении этих моделей зависит от единиц другого уровня, т. е. лексики, и при анализе соотношений морфологических моделей между собой может игнорироваться. По сравнению с морфологией в лексике число возможных эквивалентных замен очень велико, а число единиц (лексем) в тех или иных рядах их объединения (синонимические ряды, семантические поля, этимологические гнезда и т. д.) практически не ограничено. Это свойство лексического

уровня замечали многие лингвисты, то называя лексику «открытой», или «незамкнутой», системой, то вовсе отказываясь признавать системный характер лексики, то говоря о «принудительности» или «обязательности» фонологии и грамматики и о «свободе выбора» в лексике. Остается сказать еще, как реализуются избранные нами критерии моделирования в фонологии. Следует считать, что в фонологии тип строения фонематической модели данного языка является вместе с тем типом соотношения частей этой модели. Фонема выделяется не только на основе бинарных противопоставлений, но и по всей совокупности своих множественных связей в фонематической системе языка.

Вопрос о различном характере строения моделей в разных уровнях языка важен не только для определения специфики каждого уровня, но и для выяснения их отношений между собой, в частности об отношении грамматики и лексики. При оценке отношений между лексикой и грамматикой вышеуказанные различия имеют тот смысл, что возможность охвата лексических единиц различного значения в рамках той или иной категории обычно шире, чем в рамках определенной формы; иными словами, морфология имеет большую избирательность по отношению к лексическим значениям, чем синтаксические модели, хотя и имеющие определенные категориальные значения. Проиллюстрировать это можно в рамках категории сравнения, приводившейся выше (см. стр. 25), где в английском языке в модель с *more*, *most* могут вовлекаться не только прилагательные качественные, но даже существительные, как бы представляющие данное качество: *a most wild-geese enterprise*¹¹.

Конечно, подобная «емкость» категории зависит не просто от ее морфологического или синтаксического оформления; уже не раз говорилось выше о том, что важнейшим элементом для грамматической категории, ее центром, является парадигма. Парадигматическое выражение данного значения иными словами, рамки «жесткой модели») снимают все сомнения в том, существует или не существует данное значение в языке как принадлежащее грамматике. Но сами грамматические

¹¹ O. Jespersen. A Modern English grammar on historical principles, p. II, v. I. London, 1936, стр. 320.

категории имеют градации и, кроме того, зачастую выступают как сопряженные.

Под «сопряженными» грамматическими категориями мы подразумеваем те случаи, когда одно грамматическое значение выступает в рамках другого, а иногда и через это другое. Например, в глаголе современного английского языка грамматизованное выражение вида как характеристика протекания действия (его длительности, законченности, интенсивности) выступает в рамках системы времен, где отнесенность действия к моменту речи выражена формой глагола. Значение побудительности тесно связано во многих языках с категорией транзитивности и т. д. Во всех подобных случаях отношение грамматики к лексике усложняется, так как отдельные грамматические категории могут быть более «лексичны», чем другие, а вследствие этого их степень зависимости от значения оформляемой лексемы может быть большей. Категория времени охватывает глагольное слово во всех его разветвлениях и словообразовательных модификациях. Ни один глагол не остается вне форм времен. Другое дело категория вида. Даже в языках, где она последовательно выражена в противопоставлении словообразовательных или парадигматических форм, она всегда имеет словарные ограничения.

Категория вида в глаголе русского языка издавна служила ареной острой борьбы мнений. Количество видов, их подразделения, вопрос о том, какие видовые формы объединяются в рамках одного глагольного слова, а какие следует считать отдельными глаголами, постоянно занимали русских грамматистов. В. В. Виноградов считает, что «соотносительные парные формы совершенного и несовершенного видов — при отсутствии различий в лексических значениях — являются формами одного и того же глагола»¹² (*возделать — воздѣлывать, делать — сделать, решить — решать*). Доказательство этому лежит, по мнению В. В. Виноградова, в наличии глаголов с общими формами для обоих видов (например, *казнить, наследовать, реквизи́ровать*).

Однако унифицирующая роль грамматического противопоставления соотносительных членов видовой пары наталкивается на сопротивление лексических значений,

¹² В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 498.

развивающихся на основе префиксального глагольного словообразования. Как пишет В. В. Виноградов: «Грамматика стремится внести стройный порядок в родственные связи слов, превращая подходящие слова в соотносительные видовые формы одного глагола... Лексические различия, основанные на словопроизводственных отношениях, напротив, оттягивают один глагол от другого, выстраивая их в цепной ряд (ср. *де́рнуть* — *выде́рнуть*)»¹³. В результате, хотя в русском языке всякий глагол подводится под категорию вида (так как эта категория типична для грамматического строя русского языка), далеко не все глаголы имеют формы обоих видов.

Еще яснее сопротивление лексики унифицирующему и нивелирующему воздействию грамматики проявляется в случае значений, ближе стоящих к лексике, чем к грамматике. Например, деление глаголов на предельные и непредельные основано на выражении в семантике глагола внутреннего предела направленности действия или, наоборот, отсутствия такового¹⁴. Во многих языках «поведение» глаголов этих двух типов лексического значения различается грамматически. С одной стороны, это может выражаться в отсутствии полноты парадигматических форм. Так, в древних германских языках непереходные глаголы непредельного значения не имели причастия II, поскольку категориальное значение этой формы глагола сталкивалось с несовместимым понятием¹⁵.

В известном смысле можно сравнить подобные лексико-грамматические подклассы внутри глагола (грамматические из-за их особенностей в отношении грамматики) с тем, что выше говорилось о подклассах или подразрядах внутри существительных, когда, например, не все типы существительных подводятся под категорию числа (существительные абстрактные). Во всех подобных примерах неполный (или частичный, как мы называли это выше) охват слов, подлежащих данной грамматической категории, объясняется тем, что было нами охарактеризовано как «сопротивление лексического материала».

Однако полезно в этом явлении различать два случая.

¹³ Там же, стр. 499.

¹⁴ Например, английские *to attain*, *to love*, *to live*.

¹⁵ М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964, стр. 107—108.

1. Как мы видели на примере абстрактных существительных, не имеющих форм множественного числа, грамматические категории, типичные для лексико-грамматического разряда существительных, не охватывают этот лексико-семантический подразряд. Вместе с тем абстрактные существительные, характеризующиеся особой семантикой, имеют кроме своего отношения к категории числа и целый ряд дополнительных грамматических особенностей: принадлежность к определенным типам родовой классификации (ср. немецкий язык), соотносительность с однокорневыми глаголами, с однокорневыми прилагательными, приводящую зачастую к смысловому и структурному единообразию соотносительных пар и т. д. В этом случае можно говорить, что наблюдаемый неполный охват данной грамматической категорией объясняется свойствами лексико-грамматического подразряда.

2. Близкое, но несколько иное явление наблюдается в английском языке, когда из-за своего лексического значения такие глаголы, как *to feel* 'чувствовать', 'ощущать', не употребляются в форме «длительных времен» (*Continuous Tenses*)¹⁶. Указывая на протяженность процесса, протекающего в определенный отрезок времени, «длительные времена» не имеют применения к глаголам, само лексическое значение которых указывает на протяженность состояния (например, *to contain* 'содержать', *to consist* 'состоять из'). Между тем «длительные времена» принадлежат к морфологическому уровню в английском языке, парадигматически полны и действуют без избирательности. Исключения в области охвата «длительными временами» глаголов единичны и продиктованы лексическим значением этих глаголов. Во всех же других случаях эти глаголы не имеют каких-либо специфических грамматических черт. Следовательно, для подобных примеров можно констатировать, что наблюдаемый неполный охват грамматической категорией объясняется лексико-семантическими свойствами данного слова.

В отдельных случаях можно наблюдать лексические ограничения в наполнении синтаксических моделей, в целом более емких и свободных, чем категориальные парадигматические ряды. Например, в немецком языке

¹⁶ R. Palmer. A linguistic study of the English verb. London, 1965, стр. 95—97.

конструкция «*man*+ глагол», а также безличный массив (тип *es wird getanzt*) наполняются только глаголами, указывающими на человеческую деятельность.

Степень градуированности грамматических категорий с точки зрения их большей связанности с лексикой (пример глагольного вида) или большей независимости от лексики (пример глагольного времени) может быть решен только с привлечением всех средств выявления данного грамматического значения и определения соотносительности этих средств с точки зрения последовательности их использования в целях грамматики. Куда, например, отнести такое грамматическое значение, как переходность — непереходность глагола? Хотя этот круг вопросов близко соприкасается с залоговыми отношениями, обычно находящими себе в системе глагола последовательное парадигматическое оформление, в целом классификация глаголов на переходные и непереходные далеко выходит за рамки категории залога.

Переходность и непереходность придется рассматривать с учетом морфологических различий между соотносительными глаголами (например, англ. *sit* — *set*, *lie* — *lay*, *rise* — *raise*), явлений словообразования, роли глагольных приставок и послелогов, отношений глагола в словосочетании с зависимыми от него словами, иногда даже с учетом строя предложения в целом (например, англ. конструкция *the book sells well*). Соотношение лексических и грамматических факторов здесь варьируется не только применительно к глаголу конкретных языков (что не может быть учтено общей грамматикой), но и в зависимости от удельного веса того или иного способа выявления этого грамматического значения в языке, а также его связи с другими грамматическими категориями. Значение непереходности может быть непосредственно связано с лексико-морфологическим типом глаголов. Например, в русском языке в непродуктивных группах глаголов на *-нуть*: *мерзнуть*, *киснуть*; на *-еть*: *лететь* и др. почти половина с непереходным значением, преобладающее количество бесприставочных глаголов, обозначающих перемещение в пространстве также непереходного значения (*плыть*, *идти*)¹⁷.

¹⁷ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 641—642.

Следовательно, грамматическое значение и употребление непосредственно ограничено лексико-морфологической структурой глагольного слова. В тех случаях, когда выражение переходности — непереходности выявляется в пределах глагольного словосочетания, зависимость этой категории от лексики значительно слабее.

Можно говорить о категории переходности — непереходности как принадлежащей синтаксису, т. е. части грамматики. Подобные примеры могут быть приведены из многих романских языков, а также из английского языка, когда рядом с *I ran along the street* 'Я бежал по улице' может стоять *I ran the car* 'Я вел машину'. Однако здесь может возникнуть вопрос, имеем ли мы дело с двумя значениями (из которых одно непереходное, а другое переходное) одного глагола, или с разным употреблением одного глагола, имеющим одно значение (лексическое), или с двумя глаголами-омонимами, обладающими различными грамматическими свойствами. Словосочетание как тип грамматической структуры допускает большие границы лексико-грамматических вариаций, чем парадигматическая форма. Поэтому для языков, где переходные и непереходные глаголы имеют разные парадигмы и где, таким образом, данное грамматическое значение принадлежит к области морфологии, вышеуказанные сомнения не возникают.

Необходимо указать на деление грамматических категорий по признаку, имеющему некоторую связь с возможностями полного или частичного охвата лексического материала. В парадигматическом строении находят отражение как категории «собственные» для данного лексико-грамматического разряда (например, категория числа, рода, падежа у существительных), так и категории, являющиеся «несобственными» (например, те же категории у прилагательного). В плане синтаксиса последние выступают как формы согласования. «Несобственные» категории гораздо меньше связаны с лексическим значением оформляемых ими слов, чем категории «собственные» (примеры чего приводились выше). В словосочетаниях, разумеется, могут встретиться ограничения, объясняемые лексической несовместимостью соединяемых слов, но в парадигме «несобственные» категории охватывают подлежащие им разряды слов без лексической избирательности.

Проблема «правильности» грамматических образований в плане соответствия грамматики и лексики волновала филологов с давних времен. Достаточно сослаться на спор об «аналогии» и «аномалии», который вели филологи Древней Греции и Рима. Не всегда учитывалось, что отношения между лексическим материалом и собственно грамматическим уровнем языка осложняются двумя обстоятельствами.

Во-первых, грамматические значения, данные в парадигматике, реализуются в словосочетаниях как синтаксических микроструктурах, где неизбежно вступает в силу фактор лексического взаимодействия сочетающихся слов. Во-вторых, между лексическим материалом как наполнителем грамматических моделей и грамматикой как выражением отношений в рамках парадигматики и синтагматики стоит систематизация лексики по лексико-грамматическим группировкам — частям речи¹⁸.

Известно, что классификация по лексико-грамматическим разрядам лишена внутренней однородности, поскольку нет противопоставления разных классов по одинаковым признакам. Внутри того или иного разряда всегда наблюдается разбиение на ряд групп и подгрупп, причем также по различным показателям. Однако эти показатели обычно соотносительны, и это проявляется тем более отчетливо, чем полнее («без остатка») они вбирают классифицируемые единицы. О недостатках в классификации частей речи так много писалось в истории языкознания, что нет необходимости останавливаться здесь на этой стороне вопроса¹⁹, тем более что в аспекте отношения лексики и грамматики нас должны интересовать не все стороны группировки слов по лексико-грамматическим разрядам.

Очевидным остается тот факт, что многие грамматические категории специализированы в своем применении к определенным лексико-грамматическим разрядам и зачастую служат как их выделительные признаки. В языках, обладающих разнообразными морфологическими показателями, для отдельных классов слов снимаются многие «трудные» вопросы в теории частей речи; однако в

¹⁸ F. S l o t t y. *Das Wesen der Wortart. Nimègue*, 1929.

¹⁹ О. П. Суник. *Общая теория частей речи*. М., 1966; М. И. Стеблин-Каменский. *К вопросу о частях речи*. «Вестник ЛГУ», 1954, № 6, стр. 147—169.

языках любого морфологического строя прослеживается связь лексического значения члена того или иного лексико-грамматического разряда с его синтаксическими потенциями, и вместе с тем зависимость лексического значения слова от его синтаксического использования.

Межпарадигматическая омонимия, о которой в другой связи мы писали выше (стр. 23), играет существенную роль для постановки последнего из указанных вопросов. При сходстве в морфологическом оформлении слов возникает настоятельная необходимость пользоваться иными грамматическими критериями для выяснения грамматического тождества или различия этих слов. Многие финноугроведы считают, что в современном финском языке имеется группа слов, выступающих как в качестве прилагательных, так и в качестве существительных: kylpiä 'холод', 'холодный', kuuma 'жара', 'горячий', pimeä 'мрак', 'темный', süvo 'чистота', 'порядок', 'прибранный', 'опрятный'. Л. Хакулинен объясняет это как пережиток древнейшей нерасчлененности имен²⁰, но важна здесь не столько правильность генетической гипотезы, сколько возможность лексической и грамматической дифференциации данных слов (или слова?) на уровне современного финского языка. Добавим, что словообразовательные элементы также могут быть общими: nuorukainen 'юноша' — jäinen 'ледяной'; kytkyt 'привязь' — ohut 'тонкий'; oiras 'проводник' — karvas 'горький'; mellakka 'шум', 'драка' — rumpakka 'румяный'.

Существительные могут иметь степени сравнения по образцу прилагательного räivemmällä 'позже днем' от räivä 'день'; keväätpäivä 'в разгар весны' от kevät 'весна'. Возникает вопрос: чем дифференцируются не только грамматические функции, но и лексические значения подобных слов? Еще Есперсен указывал²¹ на два возможных крайних типа языковой структуры: тип с отчетливыми формальными критериями для каждого разряда слов и тип без таких внешних показателей. Для последнего характерно, что значение слова в каждом конкретном случае должно определяться синтаксическими правилами и контекстом. В примере из английского языка, приводимом О. Есперсеном, ground является существитель-

²⁰ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I. М., 1953, стр. 66—67.

²¹ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 65.

ным, либо прилагательным, либо глаголом, либо наречием, либо предлогом в следующих контекстах: He took his daily round 'Он совершил свою ежедневную прогулку'; a round table 'круглый стол'; He failed to round the lamp-post 'Ему не удалось обогнуть фонарный столб'; Come round to-morrow 'Зайди завтра'; He walked round the house 'Он ходил вокруг дома'.

Есперсен справедливо замечает, что «если round, love и огромное количество других английских слов принадлежит более чем одному разряду, то это справедливо только в отношении изолированной формы: в каждом отдельном случае употребления слово относится к одному определенному разряду и ни к какому другому»²².

Таким образом, если нельзя вследствие омонимичности определить, к какому разряду относится слово по изолированной форме, то его синтаксические связи в контексте сразу помещают его в определенный класс. Происходит это потому, что (как было давно подмечено лингвистами) каждому лексико-грамматическому разряду присущ строго очерченный круг синтаксических значений, и следовательно, наоборот, видя синтаксическую функцию какого-либо слова, можно определить, к какому лексико-грамматическому разряду оно относится.

Правда, здесь возникает обширный круг проблем, весьма актуальный для многих конкретных языков и поэтому привлекавший внимание многих грамматистов. Например, если одни считали, что английское cotton в сочетании cotton dress 'хлопчатобумажное платье' является прилагательным, то другие полагали, что это существительное, перешедшее («конвертированное») в разряд прилагательных, а третьи думали, что это существительное, употребленное в функции прилагательного, т. е. в функции определения. Решение этого вопроса нас в данном случае не интересует, так как это относится к проблеме классификации частей речи; важно отметить лишь то, что само мнение о возможности «перехода» из одного разряда в другой при несвойственном данному разряду употреблении уже служит признанием закрепления за лексико-грамматическими разрядами определенных синтаксических значений.

²² О. Есперсен. Указ. соч., стр. 67.

Значение лексемы, принадлежащей к тому или иному разряду, не может быть определено из ее предметной отнесенности. Известно, что, например, понятие качества может быть передано как качественным прилагательным (*красивый*), так и существительным (*красота*). Для определения структурных связей членов какого-либо класса слов и, следовательно, для выяснения возможных структурных связей данного класса в целом, необходимо описать дистрибуцию лексемы, т. е. найти сумму всех контекстов, в которых она может встречаться²³.

В понятие контекста может войти как сочетание лексемы с морфологическими показателями (от флективного аффикса до служебного элемента в аналитической форме включительно), так и сочетание лексемы с самостоятельными словами. Ведь во всех случаях будет одна постоянная величина — взятая лексема — и меняющееся, варьирующееся окружение. Подходя к этому вопросу с другой стороны (рассматривая сумму возможных средств передачи грамматических значений), Вандриес имел некоторые основания объединить под понятием «морфемы» столь разноречивые на первый взгляд вещи, как флексия, ударение, порядок слов и т. п.²⁴ Все же резкое различие морфологического и синтаксического окружения объективно наличествует в языке. Оно состоит даже не в специфике парадигмы как принадлежности морфологии (по существу можно построить и «синтаксическую парадигму», дав модели минимальных синтаксических контекстов (окружений), в которых встречается данная лексема), а в принципиально иной связи грамматической структуры с лексическим значением и разной степенью «жесткости» структурной модели. Морфологическая парадигма (безразлично, синтетического или аналитического склада) помогает сохранению единства лексического значения. Именно на этом основана рассмотренная выше возможность дифференцировать омонимы с помощью разных парадигм (стр. 23).

Синтаксическое окружение может способствовать сохранению единства лексического значения или, наоборот, способствовать его изменению. Следует оговориться, что пока мы отвлекаемся от чисто лексического взаимодей-

²³ Г. Г л и с о н. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 141—142.

²⁴ Ж. В а н д р и е с. Язык. М., 1937, стр. 77—83.

ствия соединяемых лексем, хотя в условиях как постоянного, так и различного синтаксического контекста оно может иметь место. Речь идет в данном случае о чисто синтаксической модели, в первую очередь о позиции данной лексемы. Однако прежде чем исследовать влияние позиции на лексическое значение, рассмотрим примеры, иллюстрирующие лексическое взаимодействие в синтаксически одинаковых и синтаксически различных контекстах.

В минимальном (двучленном) синтаксическом окружении лексема, при чередовании в одной модели различных слагаемых, может удерживать постоянство своего значения. Например, *take books (apples, sheets, letters и т. д.)*. Вместе с тем в той же синтаксической модели «глагол+дополнение» лексическое воздействие прямого дополнения на глагол может вызвать сдвиг в значении этого последнего. На такого рода случаи обращает внимание Есперсен, приводя примеры: *roll a hoop* 'катить обруч' — *roll pills* 'скатывать пилюли', *hatch an egg* 'сидеть на яйце' — *hatch a chicken* 'высиживать цыпленка'. Еще разительнее случаи *pay six shillings* 'заплатить шесть шиллингов' — *pay the cabman* 'заплатить извозчику' или 'оплатить извозчика'; *fill a pipe* 'наполнить (набить) трубку' — *fill an office* 'занимать должность'²⁵.

Примеры подобного рода легко умножить, но из приведенных уже ясно, что, хотя глагол остается тем же самым, некоторый сдвиг в его лексическом значении объясняется содержанием прямого дополнения. Смысловой сдвиг может наблюдаться при синтаксически различных контекстах, поводом для чего служит различное содержание присоединяемых слов. Ср. *Peasants sell wheat* 'Крестьяне продают пшеницу', *The wheat sells well* 'Пшеница продается хорошо', *to walk the streets* 'гулять по улицам', *to walk the horse* 'выводить лошадь', наряду с непереходным значением *He walked daily for two hours* 'Он гулял ежедневно два часа', где переходность и каузативность создаются синтаксической конструкцией без каких-либо морфологических изменений самого глагола.

Синтаксическая позиция меняет не только функцию, но вместе с ней и значение слова: пример, приводимый

²⁵ О. Есперсен. Указ. соч., стр. 179—181.

Есперсеном²⁶, un sage sceptique est un sceptique sage 'скептический мудрец — это мудрый скептик'. Английский язык изобилует подобными случаями: test flight 'пробный полет', flight test 'полетное испытание'. Решающим фактором оказывается место, занимаемое словом, его позиция по отношению к другому. В этом отношении синтаксические модели отличны от морфологических: мена позиций между элементами морфологического единства, как правило, невозможна, отдельные примеры в агглютинативных языках представляют собой частное явление.

Употребляясь в различных синтаксических контекстах, лексемы, распределяющиеся по различным лексико-грамматическим разрядам, накапливают семантико-синтаксические признаки, становящиеся характеристикой данного класса слов. В диахронии легко видеть, как при передвижке из одного класса в другой данное слово не сразу приобретает все признаки нового класса, а иногда не приобретает их целиком, образуя вместе с себе подобными подгруппу среди лексико-грамматического разряда.

На богатство и разнообразие глагольного слова в русском языке обратил внимание В. В. Виноградов, указав, что «семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий»²⁷. Для русского языка В. В. Виноградов находит этому объяснение в словообразовательных особенностях, широко использовании префиксов, сообщающих глаголу богатство лексических значений. Вместе с тем В. В. Виноградов указывает, что «богатство значений глагола обусловлено также многообразием его синтаксических возможностей, его конструктивной, организующей силой»²⁸. То же самое можно сказать по отношению глагола в других языках²⁹. Действительно, возможность быть центром различных синтаксических структур, сочетаться с различными типами дополнений и обстоятельств, обладающих своими семантическими особенностями, создает для слов этого лексико-грамматического разряда условия

²⁶ О. Есперсен. Указ. соч., стр. 85.

²⁷ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 425.

²⁸ Там же, стр. 428.

²⁹ Б. А. Абрамов. Синтаксические потенции глагола (в сопоставлении с потенциями других частей речи). «Филол. науки», 1966, № 3, стр. 34—44.

для появления семантических вариантов, в свою очередь позволяющих расширить круг лексем, сочетающихся с глаголом (см. примеры из английского языка на стр. 39). Здесь, таким образом, появляется то взаимодействие лексики и грамматики (синтаксиса), которое является следствием распределения слов по лексико-грамматическим разрядам с их синтаксическими признаками.

Примером семантических (смысловых) вариантов различных подгрупп внутри одного лексико-грамматического разряда могут служить прилагательные краткой и полной формы в русском языке. Дистрибуция членов этого подразряда прилагательных дает довольно сложную картину. Не каждое качественное прилагательное имеет коррелятивные краткую и полную формы³⁰. В тех случаях, когда эти формы имеются, только полная форма может выступать в роли приименного определения, а краткая обычна в предикативной функции с нулевой связкой. В именном сказуемом со связкой в некоторых случаях могут чередоваться и краткая и полная формы с ощутимыми семантическими различиями³¹. В. В. Виноградов так определяет эту разницу: «Различия лексических и лексико-синтаксических значений и оттенков, связанных с предикативным употреблением одних и тех же прилагательных в членной и нечленной формах, очень велики. Краткие формы обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные — признак, мыслимый вне времени, но в данном контексте отнесенный к определенному времени»³².

Известно, что потенциально краткие формы прилагательных стремятся к отрыву от коррелятивных полных форм и к превращению в самостоятельный разряд — категорию состояния. Но если даже не учитывать этот процесс, то все равно различие в семантике полных и кратких форм, чередующихся в одной и той же синтаксической модели, является результатом того, что каждая из этих форм, кроме данной предикативной модели, имеет

³⁰ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 262.

³¹ «Грамматика русского языка», т. 2, ч. 1. М., 1954, стр. 445; об изменениях, происшедших в употреблении полных и кратких форм прилагательных в полупредикативной функции (при обособлении), см.: Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966, стр. 193—197.

³² В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 263.

круг своих, только ей присущих синтаксических позиций. Следовательно, здесь скрещиваются и переплетаются сложные факторы лексико-морфологической структуры и синтаксических позиций, возможных для каждой формы, что выражается в распределении смысловых оттенков для коррелирующих форм данной подгруппы в лексико-грамматическом разряде прилагательных.

В подобных случаях мы имеем как бы дополнительное подразделение внутри значений, присущих лексико-грамматическому разряду, на которое обратил внимание Матезиус³³. Он выделяет два ряда явлений. В одном случае, по терминологии Матезиуса, можно говорить о «видовой модификации». Значение в своей основе остается неизменным, несколько варьируясь в зависимости от своей реализации в той или иной рубрике субклассификации. В разряде существительных примером могут служить различия в числе (нем. Stein, Steine, Gestein) и вещественности (фр. un pain, du pain, les pains, des pains), в определенности (англ. man, a man, the man) и квалификативном признаке как отличие от чисто грамматического рода, т. е. когда в английском можно указать на различие пола в prince и princess, или когда коррелятом к baby будет to it, to he, she. В другом случае мы находим категориальные различия, когда разница между разрядами субклассификации влияет на значение слова и радикально изменяет его. Примером этого типа различий может служить соотношение категорий переходности и непереходности в глаголе английского языка, когда один и тот же глагол легко перемещается из одного подразряда в другой в зависимости от своего отношения к прямому дополнению (he sells the books) или только к подлежащему, причем сообразно содержанию этого подлежащего глагол может приобрести интранзитивно-пассивное значение, как в случае the book sells well³⁴.

Подходя к этому вопросу с точки зрения выражения грамматических категорий, можно сказать, что, с одной стороны, есть грамматические категории, сообщающие слову дополнительные модификации внутри одного категориального значения (например, категория числа у су-

³³ V. Mathesius. On some problems of the systematic analysis of grammar. «A Prague school reader in linguistics». Bloomington, 1964, стр. 311.

³⁴ V. Mathesius. Указ. соч., стр. 314–315.

ществительного) и, с другой стороны, грамматические категории, приводящие к созданию подклассов с контрастными значениями внутри лексико-грамматического разряда (например, группы переходных и непереходных глаголов).

III

Если отношение лексики к морфологии строится на основе подчиненности лексики морфологическим категориям, представленным в данном языке, со стремлением этих категорий действовать с максимальным охватом лексического материала, но вместе с тем и с ограничениями, определяемыми этим лексическим материалом, то отношение лексики к синтаксису несколько иное. Сама по себе синтаксическая модель всегда выступает как всеобъемлющая и стопроцентно охватывающая лексический материал языка. Невозможность употребления какой-либо конкретной лексемы в данном синтаксическом сочетании объясняется не свойствами синтаксической модели как таковой, а несоединимостью лексических значений сочетаемых слов. Сочетание «железное лицо» неудачно для русского языка не потому, что модель «определение, выраженное относительным прилагательным + определяемое существительное» имеет синтаксическую ограниченность, а потому что данные слова по своим лексическим значениям узуально не сочетаемы (ср. *железная решетка*, *железная маска*)³⁵.

Таким образом, синтаксическая модель изначально обладает свойством, обозначенным нами выше как «всеобщность». Несмотря на это, лексика имеет чрезвычайно большое значение для синтаксиса. Синтаксист хотя и изучает соединение форм слов, должен учитывать, что это соединение форм слов облечено значением. Если не сводить синтаксис к простому перечислению типовых конструкций, а ставить задачу распознавания этих конструкций и их взаимоотношений, то в ряде случаев оказывается невозможным игнорировать лексический материал.

³⁵ Разумеется, в художественной литературе, особенно в поэзии, в узуальных синтаксических моделях может встречаться необычное сочетание лексем, используемое как стилистически выразительный прием.

На наш взгляд, проистекает это из одной особенности синтаксического уровня языка.

Обладая большим разнообразием моделей, синтаксис в целом располагает очень небольшим разнообразием приемов. Не случайно поэтому для средств синтаксической связи немалую роль играет «опора» на морфологию. Такие хорошо известные синтаксические приемы, как управление и согласование, используют в синтаксических целях морфологические свойства языков.

Как первый и главный синтаксический прием, находящий свое обоснование в линейном характере языка, выступает последовательность элементов речевой цепи и как ее следствие не только синтаксические приемы примыкания и замыкания, но и все возможные варианты распределения элементов в моделях большой или малой протяженности. Порядок элементов в синтаксической модели является первым и важнейшим синтаксическим приемом потому, что он наличествует в любых синтаксических построениях и имеет место в языках любого морфологического строя. То, что этот синтаксический прием может встречаться как изолированно, так и в сочетании с другими приемами синтаксической связи, породило не совсем верное представление, что порядок слов для синтаксиса важен только при отсутствии других грамматических показателей. На самом деле порядок слов никогда не бывает безразличен, хотя функционально он может быть использован по-разному.

Естественно, что когда порядок следования элементов в синтаксической конструкции не сочетается с другими синтаксическими приемами, на него ложится вся тяжесть выражения основных синтаксических отношений. Это как раз происходит в языках, не обладающих разветвленными формами слова, т. е. в случаях, когда синтаксические приемы не имеют опоры в морфологии. На первый план здесь выдвигается взаиморасположение элементов синтаксических биномов, так как связи в словосочетаниях передаются примыканием. Очевидно, однако, что если число позиций для того или иного слова в многочисленных синтаксических моделях может быть достаточно велико, то в двучленных словосочетаниях (тех, что были выше названы биномами) оно практически ограничено двумя возможностями с контрастно противопоставленными синтаксическими значениями.

Так, в современном английском языке в двучленном словосочетании, состоящем из двух существительных, первое понимается как определение, а второе как определяемое. Отсюда такие хорошо известные противопоставления, как *garden flower* 'садовый цветок' и *flower garden* 'цветник'. Иными словами, мена позиций влечет за собой мену значений или, можно сказать, что желаемое значение требует определенной позиции элементов бинома. Возникает вопрос, как при этих довольно скудных позиционных средствах различить те семантические оттенки, которые, будучи содержательной стороной синтаксической связи, скрыты за стереотипным построением самой синтаксической модели. В подобных случаях на сцену неизменно выступает лексика как средство дифференциации значений той конструкции, которая в синтаксическом отношении оказывается полисемантической.

Употребление термина «полисемия» в применении к синтаксической модели допустимо потому, что та или иная синтаксическая модель передает определенное отношение, но так же, как и в области лексики, это отношение со смысловой стороны может иметь ряд вариантов. Это становится ясным при синонимических заменах, а именно в тех случаях, когда производные от одной и той же синтаксической модели оказываются различными. Известно высказывание Есперсена, что в современном английском языке *home life* подразумевает *life at home* 'жизнь дома', *home journey* равно *journey home* 'путешествию домой', в то время как *home letters* значит *letters from home* 'письма из дома'³⁶.

Во всех этих случаях синтаксическое отношение одно и то же: это отношение определения и определяемого. Различные значения возникают из сочетания лексического содержания слов, объединяемых этой моделью. Может возникнуть законный вопрос, являются ли эти значения вариантами синтаксического содержания указанной модели или синтаксис должен считаться только с отношением определения и определяемого и не учитывать внутренней дробности этого отношения. Мы полагаем, что подобные явления должны учитываться при синтаксическом исследовании именно потому, что наличие структур-

³⁶ O. Jespersen. *Essentials of English grammar*. London, 1952, стр. 19.

ных преобразований семантически эквивалентных модели «*home* + определяемое имя» характеризует ее как потенциально полисемантическую и, невзирая на однородность синтаксического отношения, как внутренне дробную.

Следует заметить, что степень идиоматической связанности компонентов данного определительного словосочетания различна при различном лексическом наполнении этой синтаксической модели и в некоторых случаях сочетание «определение + определяемое» граничит со сложным словом. Однако это не является свойством синтаксической модели как таковой, тем более, что составные части словосочетания, идущего по пути лексикализации, все равно продолжают сохранять то же отношение «определение + определяемое».

Можно заключить, что в подобных случаях роль лексики состоит в уточнении содержания синтаксической связи в пределах единой модели, что достигается соединением лексических значений сочетающихся слов и подтверждается наличием в системе языка соотносительных, но иных по структуре синтаксических моделей, передающих то же содержание. Поэтому можно говорить о роли лексики в разрешении трудностей, проистекающих из полисемантизма одной синтаксической модели.

Следующий случай, когда лексика помогает синтаксическому анализу, можно было бы назвать разрешением трудностей, проистекающих из синтаксической омонимии, т. е. внешнего совпадения различных синтаксических моделей. В английском языке это случай трехчленных моделей, включающих последовательность двух имен после глагола. Известно, что только позиция после переходного глагола определяет имя как дополнение к глаголу, поскольку флективными средствами это отношение никак не выражено. Однако при последовательности двух имен после переходного глагола могут возникнуть затруднения в понимании их синтаксической роли, так как модель «переходный глагол + имя, сопровождаемое приемным показателем (т. е. артиклем или притяжательным местоимением) + второе имя» может скрывать две конструкции. На это обращает внимание У. Н. Фрэнсис³⁷. Он указывает, что в отношении своего строения

³⁷ W. N. Francis. Resolution of structural ambiguity by lexical probability: the English double object. «American speech», 1956, № 2, стр. 102—106.

английские фразы *He wrote his brother a letter* и *He considered his life a failure* одинаковы, хотя первая содержит «косвенное дополнение + прямое дополнение» ('Он написал своему брату письмо'), а вторая — «прямое дополнение + предикативное определение» ('Он расценивал свою жизнь как неудачу'). Синтаксическая связь правильно понимается в каждом из двух приведенных выше примеров путем оценки соотношения лексических значений существительных, стоящих после глагола.

Следует указать, что важным является не столько лексическое значение каждого отдельного слова, сколько именно сочетание лексических значений синтаксически объединенных слов. У. Н. Фрэнсис справедливо указывает, что одни лексические классы глаголов, управляющих прямым дополнением, встречаются обычно в конструкции с косвенным дополнением (как, например, *to give* 'давать', *to send* 'посылать' и им подобные), в то время как для других глаголов характерна конструкция с предикативным определением (например, *to consider*, 'полагать', *to think* 'думать', *to classify* 'распределять'). Но существует большая группа глаголов, могущих в равной мере употребляться в предложениях обоих типов. Таковы, например, *to make* 'делать', *to call* 'называть', *to choose* 'выбирать' и т. д. В этом случае именно значение второго существительного в сочетании со значениями глагола и первого существительного помогает правильному восприятию синтаксической конструкции: *He called my brother a taxi* 'Он позвал моему брату такси' и *He called my brother a liar* 'Он назвал моего брата лжецом'.

Сравнение с русским языком особенно ясно выявляет причины синтаксической омонимии в английском языке. Не только морфологически выраженное (путем флексии) различие падежей прямого и косвенного дополнений в русском языке (*брата* и *брату*), но и словообразовательные варианты однокорневых глаголов (*позвал* и *назвал*) создают однозначность конструкции с двумя существительными в русском языке. Следовательно, подтверждается мысль, высказанная нами выше, что именно при отсутствии достаточной опоры в морфологии возрастает роль лексики в решении трудностей синтаксического порядка. Поэтому в языках, обладающих разветвленными морфологическими формами слов, случаи, подобные приведенным на материале английского языка, сравнительно

редки. Следует упомянуть справедливое наблюдение У. Н. Фрэнсиса, что когда значение второго существительного в последовательности «глагол + два существительных» может быть истолковано двояким образом, неясность синтаксической интерпретации остается. Не called my brother a friend может быть истолковано как 'Он позвал моему брату друга' или 'Он назвал моего брата другом'. Однако в реальной языковой ситуации подобных трудностей возникнуть не может, так как в конечном счете все будет решать более широкий языковой или ситуативный контекст.

Ч. Фриз, приводя примеры *The committee will accept the proposal Wednesday* 'Комитет примет это решение в среду' и *The Romans constructed the arches this way later* 'Римляне построили арки в этом направлении позже', правильно указывает, что нет сомнения в том, что *Wednesday* и *way* выступают как обстоятельства, так как в данной позиции они не могут быть замещены формой *it* 'это' (в то время как *proposal* и *arches* могут) и таким образом различие синтаксической функции существительных (которое Фриз называет словами класса I) ясно, несмотря на морфологическую невыразительность самих существительных. Однако для определения различий синтаксических значений двух имен, стоящих после глагола в предложении *The foreman gives the workman his machine* 'Бригадир дает рабочему машину', процедура замены не помогает, так как местоимение может заместить имя в обеих взятых позициях. Поэтому в рамках принятой им терминологии Ч. Фриз предлагает следующее решение: «В утвердительных предложениях, когда два слова класса I следуют за словом класса II и референты слов класса I различны (но референт не тот, что для слова класса I, предшествующего слову класса II), а также нет служебного слова группы E между двумя словами класса I, в этих случаях первое из двух слов класса I является косвенным дополнением, а второе — прямым дополнением»³⁸. Однако для того, чтобы найти референта, надо понять смысл предложения, т. е. все равно приходится обращаться к значению слов.

Указанные трудности невозможно разрешить, оставаясь на уровне чисто формального анализа, как бы ни

³⁸ Ch. Fries. *The Structure of English*. N. Y., 1952, стр. 136.

был он желателен. Метод «замен» и «подстановок», часто помогающий в определении синтаксической функции морфологически невыразительных слов, применим не для всех синтаксических конструкций.

Особый интерес представляют те случаи, когда разная валентность лексических значений слов, входящих в синтаксическую конструкцию, служит основанием для различий в членении этой конструкции, а иногда, наоборот, предполагает ее полную слитность. Получая грамматическую, а иногда и лексическую определенность только в языковом контексте, слово в английском языке весьма зависимо от своих сочленов в синтаксических группах³⁹. В результате иногда довольно большие синтаксические комплексы не могут быть расчленены на мелкие группы без нарушения грамматических и смысловых связей. Эта своеобразная «неделимость» английского словосочетания особенно ясно проявляется в предикативных группах, содержащих отглагольное имя: инфинитив, герундий или причастие. Широкое распространение в современном английском языке предикативных групп указанного типа связано, по-видимому, с явлением, которое В. Матезиус удачно назвал комплексной конденсацией⁴⁰. Те отношения, которые в языках флективного строя передаются обычно придаточными предложениями, в современном английском языке чаще выражаются в пределах простого предложения оборотами с неличными формами глагола.

В предикативных комплексах, состоящих из существительного или местоимения, выполняющих роль дополнения при глаголе, может употребляться причастие I, формально являющееся предикативным определением. Конструкция *I found him standing* 'Я нашел его стоящим' входит в общую цепь словосочетаний, в которых в качестве предикативного определения к дополнению могут выступать различные части речи (ср. *I found the cage empty*

³⁹ В. Н. Ярцева. Основной характер словосочетания в английском языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 6, стр. 501—508.

⁴⁰ Vilém Mathesius. *Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém*. Praha, 1961, стр. 171 и 178.— См. также статью И. Носека, исследующего дальнейшие виды комплексной конденсации на материале ряда конструкций с инфинитивом (J. Nosek. *Notes on syntactic condensation in Modern English*. «Travaux linguistiques de Prague», 1. Prague, 1964, стр. 281—288).

‘Я нашел клетку пустой’; I think this a shame ‘Я считаю это позором’; I found her gone ‘Я обнаружил, что она ушла’; I see him come ‘Я вижу, что он подходит’), а также целые предложные группы. Наименования, принятые для подобных конструкций, в грамматиках английского языка различны. Есперсен определяет их как зависимый пехус⁴¹. В большинстве грамматик английского языка причастие I в подобных конструкциях определяется как имеющее функцию объектного предикативного члена.

Не входя в решение разногласий лингвистов по поводу терминологии, укажем только, что предикативная связь между компонентами этих комплексов отчетливее ощущается в тех случаях, когда вторым компонентом является инфинитив, герундий или причастие.

Поскольку эти зависимые предикативные комплексы могут выступать в расширенном виде, т. е. каждый из их членов может быть распространен зависимыми от него словами, возникает необходимость определить: 1) связи между основными элементами внутри комплекса, 2) связи между основными элементами комплекса и глаголом главного состава предложения, т. е. тем глаголом, с которым комплекс находится в объектной связи.

Любая последовательность словесных элементов, т. е. то, что может быть названо речевой цепью, имеет определенное членение, так как без расчлененности составляющих ее элементов не могла бы осуществляться и их связь. Особо важно это в тех случаях, когда один и тот же элемент данной последовательности имеет как бы двойное отношение, что как раз и происходит в случаях, нами взятых. Очевидно, что в предложении I started the clock going ‘Я завел часы’ (букв. ‘Я заставил часы идти’) слово clock, являясь дополнением для глагола started, в то же время выступает в предикативном словосочетании the clock going как эквивалент субъекта действия. Что же касается причастия, являющегося предикативным определением к дополнению предложения, то его постпозитивное положение (нормально характеризующее в английском языке предикат), а также его глагольная природа не позволяют осмыслить его как простое определение. Оно образует с существительным слитое целое — предикативный оборот. Возникает вопрос, во всех

⁴¹ O. Jespersen. Указ. соч., стр. 309.

ли случаях этот оборот нерасчленим и что определяет возможность проведения границы между именем, дополнением к глаголу и причастием.

Чаще всего дополнение с причастием I встречается при следующих глаголах (расположенных по убывающей шкале частотности): to see, to hear, to feel, to find, to keep, to leave, to watch, to imagine, to think, to remember, to stop, to have, to get. Примеры с глаголами to look, to notice, to show, to realise, to send, to start, to approve, to mind, to insist, to prevent, to interrupt, to run, to risk были единичны. Особо следует выделить довольно многочисленные случаи дополнения с причастием I при обороте there is. Следовательно, хотя приведенные выше глаголы можно распределить по нескольким семантическим группам, их лексическое разнообразие довольно велико.

На первом месте по употребительности стоит глагол to see 'видеть'. Во всех случаях, несмотря на наличие предикативного отношения внутри оборота, можно провести границу между именем (или местоимением) и причастием I, выделив бином «личная форма глагола-сказуемого + дополнение» с известной законченностью смысла, причем особенно ясно это проявляется при распространении дополнения и причастия зависимыми словами. Например: John saw tears running down her face 'Джон видел, как слезы бежали по ее лицу'; I saw them looking at you 'Я видел, как они смотрели на вас'⁴².

Если обратиться к другому очень употребительному глаголу to hear 'слышать', то обнаружится, что членимость оборота зависит от лексического значения дополнения. Совместимость значений глагола-сказуемого и дополнения дает возможность их объединения без нарушения смысла целого предложения, т. е. положение вещей будет аналогично примерам с глаголом to see 'видеть'. But she heard a noise coming from the night somewhere. 'Но она услышала шум, доносившийся откуда-то из глубины ночи'⁴³.

Однако если дополнение выражено существительным, не передающим звука или звучащего предмета, то его объединение с глаголом-сказуемым обесмысливает

⁴² J. Galsworthy. To let. Leipzig — Tauchnitz, стр. 280, 54.

⁴³ J. Priestley. Benighted. Leipzig — Tauchnitz, стр. 134.

словосочетание и причастный оборот оказывается неделимым, так как только причастие I в таких случаях сообщает предложению необходимую полноту содержания (ср. *She heard his stick thumping* 'Она слышала, как его палка стучала')⁴⁴.

Аналогичные случаи различного членения словосочетания с причастием I можно привести и для других глаголов. Разумеется, это зависит от того, что можно было бы называть «лексической емкостью» глаголов, т. е. возможностью (без сдвига своего значения) принимать дополнения различных семантических групп. Однако, в целом, приведенные примеры свидетельствуют, что именно учет лексических значений дает необходимую дифференциацию смыслового содержания единообразной синтаксической конструкции.

Следовательно, если синтаксические модели «охватывают» лексику сообразно правилам синтаксической сочетаемости слов, подобно тому как морфология «охватывает» лексику, размещая ее по установленным парадигматическим рядам, то и лексика в свою очередь взаимодействует с синтаксисом, создавая внутреннюю дробность единообразных синтаксических структур. Во всех случаях для смысловой интерпретации модели существенную роль играет позиция данного лексического элемента в синтаксической структуре.

В целом в грамматике можно было бы говорить о «давлении», которое осуществляется системой, рядом и позицией. Давление системы осуществляется включением всех элементов в общую систему языка, в частности по линии противопоставлений (см. стр. 11).

Давление ряда не может быть приравнено к закону аналогии. Во-первых, закон аналогии в известной мере динамичен. Недаром в грамматической литературе с конца XIX в. говорят именно об «изменениях по аналогии с чем-нибудь». Во-вторых, давление ряда относится к синхронии и выражается в его тенденции к полноте, пропорциональности и законченности. Элемент, относящийся по какому-либо явному признаку к данному ряду, стремится получить все важнейшие признаки этого ряда и войти в него, создавая максимальную полноту в цепи форм.

⁴⁴ K. Mansfield. *The garden party*. Albatross, стр. 95.

Можно указать на положение инфинитива в развитой и многочленной глагольной парадигме, который, объединяясь с личными формами по признаку выражения действия, получает (будучи по происхождению *potina actionis*) формы вида, времени, залога. Объединение инфинитива с другими формами глагольной парадигмы выражается и в однородном с ними управлении прямым дополнением. По отношению к инфинитиву «давление ряда» в различных языках осуществляется с различной степенью полноты. Достаточно полно в английском: *to do — to be done, to have done, to have been done*. В русском языке положение инфинитива вызывало много споров, однако инфинитив неотделим от других форм глагола по управлению, по словообразовательным моделям вида (*делать — сделать*). В санскрите инфинитив морфологически примыкает к глаголу, но имеет синтаксически другое управление⁴⁵. В древнеирландском имя действия примыкает к глагольной парадигме лексически, но не входит в нее в морфологическом отношении, так как не имеет соответствующих форм, а в отношении синтаксическом несходно с глаголом, так как имеет другое управление, т. е. требует не винительного, а родительного падежа подчиненного ему слова. Вместе с тем функционально оно подобно инфинитиву других индоевропейских языков, так как может быть синтаксическим центром оборотов, равноценных инфинитивным оборотам с содержанием цели, следствия, причины и т. п.⁴⁶

Для лексики закон давления ряда сказывается в наличии омонимов, исторически явившихся результатом расщепления некогда единого слова. В синхронном плане это реализуется как соотнесенность двух омонимов, различающихся грамматически как в морфологическом, так и в синтаксическом отношении, но по своей связи с планом содержания могущих иметь известные «наплывы». Примером может служить отглагольное существительное на *-ing* и герундий в английском языке. Как известно, исторически герундий представляет собой отглагольное существительное, втянувшееся в парадигму глагола и получившее ряд его показателей. Несмотря на грамматическое различие (сопровождение артиклем и

⁴⁵ Подразумевается ведийский язык.

⁴⁶ В. Н. Ярцева. Синтаксис инфинитива в древнеирландском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1941, № 58, стр. 228—245.

Другими именными определителями для отглагольного существительного, с одной стороны, и сопровождение обстоятельственным наречием для герундия,— с другой, а также соответственно различием в именном и глагольном управлении по отношению к дополнению) в тех позициях, где могут чередоваться представители различных лексико-грамматических разрядов, разница в значении герундия и отглагольного существительного едва ощутима: ср. Reading books is useful — The reading of books is useful.

То, что было нами выше охарактеризовано как «давление позиции», выражается в том, что в языках с определенным порядком словорасположения место, занимаемое словом, функционально маркировано, и это в свою очередь может сказываться на его лексической модификации. Следует указать, что «давление позиции» может иметь и чисто грамматические последствия. Известно, что одно из объяснений утраты английским языком безличных конструкций, существовавших в древнеанглийском, сводится к тому, что существительное, стоявшее перед безличным глаголом и не имевшее морфологически выраженного косвенного падежа, воспринималось как подлежащее (т. е. как прямой падеж), так как позиция перед глаголом-сказуемым активного или пассивного значения стала признаком подлежащего при твердом порядке слов, установившемся в английском языке⁴⁷.

Закон «давления позиции» для лексикона сказывается сквозь сетку распределения лексем по лексико-грамматическим разрядам. Выше уже говорилось о том, что для каждого лексико-грамматического разряда имеется круг типичных синтаксических употреблений (см. стр. 37). То, что называется в грамматиках «переходом» слов из одного лексико-грамматического разряда в другой, связано в первую очередь с несвойственным им синтаксическим употреблением. Это может быть впоследствии закреплено приобретением определенных морфологических примет (например, артикль при субстантивации прилагательных в английском языке или при субстантивации инфинитива в немецком языке), но не всегда и не во всех языках члены разных лексико-граммати-

⁴⁷ W. van der Gaaf. The transition from the impersonal to the personal construction in M. E. «Anglistische Forschungen», 1904, № 14.

ческих разрядов морфологически достаточно дифференцированы.

Споры в интерпретации словосочетаний типа английского *a glass tube* или турецкого *cam bocu* 'стеклянная трубка' возникают потому, что первые члены, будучи определениями, дают повод рассматривать их в качестве прилагательных, поскольку синтаксическая функция определения является для прилагательного первичной и основной. Вместе с тем, так как в случаях конструкций вышеприведенного типа может происходить известный сдвиг значения слова, оказывается, что позиция, имеющая в первую очередь грамматическое назначение, воздействует и на лексику.

Структурные рамки для использования лексики существуют так же, как и для любых других элементов языковой системы. Именно благодаря известной изоморфности различных уровней языка можно говорить о наличии в языке в целом «жестких», «относительно жестких» и «нежестких» моделей. Распределение их по различным уровням языка зависит, конечно, от строя данного языка или лучше было бы сказать, что языковый тип слагается из применения в нем вышеуказанных разнохарактерных моделей.

Однако, отвлекаясь от «грамматики языков» и сосредоточивая внимание на «грамматике языка», можно сказать, что тот или иной характер модели связан с определенным уровнем языка. Так, «жесткость» модели в морфологии, о которой говорилось выше, сказывается также и в ограниченности, а большей частью в полной невозможности позиционной подвижности морфем, в ограничении числа типовых моделей (ср. явление межпарадигматической аналогии в пределах одного лексико-грамматического разряда, например, уменьшение числа разных типов склонений у существительных), в подведении всех новых членов под определенную классификационную схему. Вместе с тем в пограничной области лексики и морфологии, а именно при распределении лексем по лексико-грамматическим разрядам могут наблюдаться и «полужесткие» модели. Например, при субстантивации прилагательного в английском языке оно получает артикль, как категориальную примету существительного, т. е. включается в лексико-грамматический разряд существительных. Однако при форме *the poor* 'бедняк' нет

формы множественного числа *roogs, следовательно, модель данного имени должна расцениваться как «полужесткая».

Также можно сказать, что наличие «жесткой» модели в выражении категории переходности глагола путем обязательной постановки после него прямого дополнения в английском языке не обеспечивает в случаях некоторых глаголов для этой «жесткой» модели синтаксиса равноценного «жесткого» эквивалента в морфологии в виде формы страдательного залога для этих глаголов⁴⁸.

В целом, однако, можно думать, что большая «жесткость» моделей в грамматике объясняется сравнительно малым количеством эквивалентных структурных единиц (известно, что синонимика внутри одного морфологического уровня языка более ограничена, чем «межуровневая» синонимика), в то время как число замен в лексике довольно велико, а число самих единиц, вовлекаемых в лексическую систему языка, потенциально может считаться безграничным. Обратит внимание на три типа моделей для выяснения отношений между лексикой и грамматикой полезно потому, что по отношению к плану содержания различные преобразования (чаще называемые сейчас трансформациями) могут совершаться как в пределах модели одного типа (например, *my brother's house* и *the house of my brother* являются в равной мере «жесткими» синтаксическими моделями), так и в пределах соответствия моделей разных типов (например, англ. *he reddened — he turned red — he became red — his colour mounted* 'покраснел'). При использовании лексики в «относительно жестких» моделях кроются те возможности смысловых сдвигов, которые составляют основу отношений лексики и грамматики.

Нередко в языке одно и то же содержание может быть передано как средствами грамматики, так и средствами лексики. Хотя данное явление можно наблюдать и в пределах одного языка, особенно ярко оно выступает при сопоставлении типологически несходных языков. Разумеется, как уже указывалось выше, формы расчленения плана содержания связаны со всей системой лексических и грамматических ресурсов данного языка или

⁴⁸ В. Н. Ярцева. О двух приглагольных дополнениях. «Иностранные языки в школе», 1948, № 3, стр. 13.

данных языков. Поэтому вопросы «внутриуровневой» и «межуровневой» синонимии требуют отдельного и особого рассмотрения.

При сопоставлении уровня лексики и уровня грамматики можно наметить два вида соотношений, которые можно характеризовать как 1) соотношение сходства и 2) соотношение несходства. В современной лингвистике уделяется много внимания вопросам сходства различных языковых структур. Варьируя понятие изоморфности и применяя этот термин не только к соответствию между планом выражения и планом содержания, но и к соответствию между структурами самого плана выражения (разумеется, соотносительными с планом содержания), отдельные лингвисты склонны нивелировать различия, существующие между «уровнями» языка.

Действительно, во многом структуры, различные по своей «уровневой принадлежности», схожи друг с другом, и это дает возможность их непосредственного сравнения. Ведь если бы во внутреннем распределении элементов, составляющих разные уровни языка, не было бы никакого подобия, то их сравнение можно было бы проводить только путем транспозиции через план содержания. Подобная процедура, разумеется, имеет место при анализе синонимических замен и отчасти при анализе преобразований, однако в данном случае мы имеем в виду возможность непосредственно сравнивать внутреннее членение различных уровней языка на основе их относительного подобия.

Справедливо было замечено, что «подлинное дифференцирование предполагает одновременность сходства и различия»⁴⁹. Под знаком сопоставления сходных черт в моделировании лексики и грамматики при установлении черт сходства и различия в некоторых явлениях полисемии, омонимии и синонимии может быть достигнуто понимание взаимосвязи грамматической и лексической сторон языка.

⁴⁹ S. Karcevskÿ. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. «A Prague school reader in linguistics». Bloomington, 1964, стр. 83.

Н. Д. АРУТЮНОВА

О ЗНАЧИМЫХ ЕДИНИЦАХ ЯЗЫКА

По традиции принято открывать статью указанием на трудность, важность и неизученность (или нерешенность) выбранной темы. Подчиняясь этому правилу, мы хотим в подтверждение существенности и в то же время сложности проблемы лингвистических единиц привести слова Ф. де Соссюра, сказанные им более полувека тому назад.

Подчеркивая значение лингвистических единиц для синхронного изучения языков, Соссюр говорил, что «в статической лингвистике любая основная категория непосредственно зависит от того понятия, какое мы имеем о конкретной единице и даже сливается с ним»¹. И действительно, понятие лингвистических единиц лежит в основании многоярусной структуры языка и в то же время обеспечивает тот строительный материал, из которого сложена вся конструкция. Чтобы оценить роль лингвистических единиц в языковом моделировании, достаточно вспомнить, что это понятие определяет значимые оппозиции, организующие языковую систему, оно предполагает (или собственно включает) решение вопроса о языковых тождествах и языковых различиях, оно обуславливает совокупность синтаксических правил, от него, следовательно, зависит вся архитектура языковой модели.

Не укрылись от Соссюра и трудности поисков удовлетворительного решения указанной проблемы, равно как и опасности, ожидающие лингвиста на этом пути. В начале раздела о лингвистических единицах (для обозначения которых Соссюр употреблял термины *unité* и *entité*) женевский ученый подчеркнул их конкретность. Он говорил, что «входящие в состав языка знаки суть

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 109.

не абстракции, но реальные объекты; их именно и их взаимоотношения изучает лингвистика; их можно назвать конкретными сущностями этой науки»². Однако, рассмотрев методы разграничения языковых единиц и связанные с этой задачей практические трудности, Соссюр уже в конце раздела приходит к следующему пессимистическому выводу: «...язык является системой, исключительно основанной на противопоставлении его конкретных единиц. Нельзя ни отказаться от их обнаружения, ни сделать ни одного шага, не прибегая к ним; а вместе с тем их выделение сопряжено с такими трудностями, что возникает вопрос, существуют ли они реально»³. Язык, в отличие от прочих семиологических систем, обладает парадоксальным свойством, которое состоит в том, что «нам не даны различимые на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя, так как именно их взаимодействие образует язык»⁴.

В словах Соссюра подчеркнута и неизбежная необходимость выделения лингвистических единиц и практические трудности их разграничения, превращающие единицы языка, столь реальные в процессе их функционирования, в призраки, ускользающие от исследователя. И в самом деле, несмотря на «осязаемую» конкретность языковых элементов, явственно ощутимую в речевом общении, они оборачиваются бесплотными фантомами, как только к ним прикасается рука лингвиста. Чтобы «удержать» и «материализовать» эти призраки, лингвисту остается только придумывать для их обозначения все новые и новые наименования.

Желая избежать того, чтобы отождествление знаков (в частности, различных форм одного слова) повело к замене конкретных единиц абстракциями, Соссюр искал выход в отказе от слова как языковой единицы. «Понятие слова, — говорил он, — несовместимо с нашим представлением о конкретной единице языка»⁵. Вместо слова Соссюр стремился оперировать элементарным знаком, для обозначения которого позднее А. Фреем был предложен

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 108—109

⁵ Там же, стр. 107.

термин «монема»⁶. Однако и этот шаг, как мы будем иметь случай убедиться, не спас языковедов от тенденции к абстрагированию, которую предвидел Соссюр.

Мы позволили себе привести здесь обширные высказывания гениального ученого не только из удовольствия обратиться непосредственно к его идеям, не только потому, что в его суждениях уже заключена основная проблематика, связанная с поставленной темой — в первую очередь вопросы разграничения и отождествления единиц языка. Мы хотели также напомнить, что понятие конкретности применительно к значимым лингвистическим единицам нисколько не противоречит основам и принципам структурного языкознания. Более того, оно прямо согласуется с понятием о знаке, являющемся краеугольным камнем современной лингвистики. И тем не менее анализ лингвистических единиц всегда роковым образом уводил языковедов от конкретных сущностей к самым абстрактным схемам. Показателен в этом отношении путь, пройденный американскими дескриптивистами, которые начали свои исследования с сознательных поисков предельно конкретной единицы — речевого сегмента — и в процессе все более широкого функционального отождествления пришли к иерархической пирамиде абстрактных элементов. Может статься, что развитие идей дескриптивизма не было результатом логической ошибки, допущенной где-то посередине пути, а было предопределено с самого начала несогласованностью между собой некоторых исходных положений. Так могло оказаться несовместимым определение элементарной лингвистической единицы как двустороннего знака с представлением о ней как о термине языковой системы.

Приведенные выше слова Соссюра не оставляют, как кажется, сомнений не только в неизбежности обращения лингвистов к теме языковых элементов, но и в

⁶ H. Frei. Qu'est qu'un Dictionnaire de phrases? «Cahiers F. de Saussure», 1941, № 1, стр. 51.— Обосновывая необходимость введения понятия монемы, А. Фрей писал: «Заменяя ускользающее понятие слова, неуловимое в научном анализе, понятием монемы, лингвист получает удобное орудие, поскольку оно измеримо и численно наподобие химического атома, позволяя сделать более компактной формулировку и облегчая решение многих научных проблем» (H. Frei. Указ. соч., стр. 52). Дальнейшее изложение покажет, что оптимизм А. Фрея был преждевременным.

большой ее осложненности. Нам остается еще в этих вступительных заметках сказать несколько слов об актуальности проблемы значимых единиц для современного языкознания и ее основных аспектах.

Поиски критериев выделения и определения лингвистических единиц, хотя и встретили на пути много ценных находок, пока не пришли и, возможно, еще долго не придут к концу.

В свое время Соссюр справедливо сетовал на то, что «в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными»⁷. Сравнительно недавно, в середине 50-х годов, эти слова Соссюра почти буквально повторил ученик А. Фрея женеvский ученый Э. Сольбергер, который писал, что наука о языке находится в парадоксальном положении, не зная в точности, какими единицами она собственно оперирует⁸. За последнее десятилетие положение мало изменилось, тем более что самое популярное в этот период лингвистическое направление, ставящее своей главной задачей создание порождающих моделей языка, выдвинуло на первый план разработку теории отношений между лингвистическими сущностями и оставило в тени вопрос о самих единицах языка. Даже само понятие единицы (unit, entity) было заменено сторонниками трансформационных грамматик понятием prime, т. е. конечного продукта порождающей модели, в который конвертируются цепочки символов⁹.

Если прежнее поколение американских лингвистов, развивавшее идеи Л. Блумфилда, считало своей основной задачей выявление системы языковых единиц и на достижение этой цели была направлена их эвристическая техника, то более молодые американские ученые заняты преимущественно созданием различных теорий отношений между единицами языка. Однако непосред-

⁷ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 111.

⁸ E. Solbergger. Note sur l'unité linguistique. «Cahiers F. de Saussure», 1953, № 11, стр. 45.

⁹ См.: F. Householder. On linguistic primes. «Word», 1959, v. XV; P. Laskowski. Words as grammatical primes. «Language», 1963, v. 39, № 2.— Сравнительная характеристика взглядов на грамматические единицы дескриптивистов и сторонников трансформационного метода дана в статье: K. Inoue. Grammatical unites and their ordering in the study of syntax. «Studies in descriptive and applied linguistics». Tokyo, 1965, v. III, стр. 50—64.

ственная связанность и взаимообусловленность этих двух опорных понятий языковой структуры очевидна, и попытки их независимой разработки едва ли могут оказаться успешными. Но даже понимание этого несомненного факта, как показал опыт исследований, еще не является залогом создания эффективных методов в интересующей нас области. Оценивая взаимодействие лингвистических единиц и отношений между ними в языковой структуре, можно заметить, что оно создает порочный круг в методике анализа. Нам даны только комбинации единиц, писал в этой связи Р. Годель. Чтобы выделить и описать единицы, необходимо прежде установить различные типы их сочетаемости, а чтобы выполнить эту задачу, надо заранее знать, из чего состоит анализируемая конструкция¹⁰. Р. Годель отметил одну из существенных трудностей, мешающих созданию ясной методики выделения языковых единиц: взаимообусловленность понятий единиц и отношений между ними, невозможность вычленения функциональных единиц без обращения к синтаксической структуре (на этом, в частности, строится метод непосредственно составляющих) и невозможность определения этой последней без данных о ее составных элементах. Ч. Хоккет прямо писал, что синтаксический критерий является мерилем адекватности морфемного анализа и выделение единиц языка невозможно без обращения к синтаксису¹¹. Зависимость и даже вторичность понятия единиц от понятия отношений между единицами иногда сквозит в самом определении лингвистических сущностей как тактических элементов, обеспечивающих наиболее целесообразное описание синтаксических структур¹².

Вопрос о первичности — вторичности различных категорий и понятий, разрешение которого кажется необходимым не только для создания последовательной и непротиворечивой методики лингвистического анализа, но и для самого определения этих категорий и понятий,

¹⁰ R. Godel. Homonymie et identité. «Cahiers F. de Saussure», 1948, № 7, стр. 5.

¹¹ Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis. «Language», 1947, v. 23, № 4, стр. 332.

¹² См., например: S. Lamb. The sememic approach to structural semantics. «American Anthropologist», 1964, v. 66, № 3, p. 2, стр. 77, примеч. 3.

оказывается на деле столь же безнадежным, как известный парадокс о курице и яйце. Отмеченная выше антиномия составляет не единственное и даже не главное препятствие в изучении языковых элементов. Основным из такого рода «проклятых» вопросов языкознания, почти неизбежно создающих заколдованный круг в методике исследования любого лингвистического факта, является, по-видимому, проблема соотношения плана выражения и плана содержания, означающих и означаемых, формы и функции. Если достаточно давно понято и четко сформулировано, что анализ языковых планов следует производить в их отношении друг к другу¹³, то сами процедуры исследования не могут быть названы безукоризненными. Вопрос о степени и характере участия сторон знака в лингвистическом моделировании представляется нам кардинальным и именно с этой точки зрения будет ниже рассмотрена проблема единиц языка и методики их выделения.

Чтобы уже сейчас показать читателю, что определение значимых единиц прямо зависит от той роли, которая отводится в анализе языковым планам, приведем следующую иллюстрацию.

Для того чтобы простейшая единица могла стать реальным инструментом анализа и описания языка, необходимо установить критерий ее элементарности, т. е. отделить простую единицу от составной, и принципы идентификации значимых сегментов, т. е. отделить функциональные единицы от их вариантов. Целостность значимой единицы определяется обычно нечленимостью ее означающего. Так, элементы *-y* (в *пиш-у*), *-им* (в *говор-им*) признаются одним простым знаком, так как их нельзя разделить на более мелкие морфологические сущности, хотя содержание этих морфем не элементарно. Проблема нечленимости была решена, таким образом, в терминах плана выражения. Принцип нечленимости со стороны формы стал общепризнанным свойством

¹³ «Хотя в настоящее время стало аксиомой,— писал в 1949 г. К. Бейзел,— что каждый план должен рассматриваться в его отношении к другому плану, истинная однородность (equality) анализа остается идеалом, далеким от осуществления» (С. Е. В a z e l l. On the neutralization of syntactic oppositions. Цит. по кн.: «Readings in linguistics», в. II. Chicago, 1966, стр. 215). В последнее время эта задача настойчиво подчеркивалась аргентинским языковедом Л. Прието (L. P r i e t o. Principes de noologie. The Hague, 1964, стр. 34).

простейшей знаковой единицы, каким бы термином она ни обозначалась. Напротив, вопрос отождествления простой знаковой единицы решается лингвистами самых разных направлений в функциональном плане: идентификация знаков производится, как правило, независимо от степени различий в плане выражения. Так, супплетивные формы одного знака (морфемы или слова) принято считать тождественными. Следовательно, теория элементарного знака в той ее части, которая касается его простоты, отдает преимущество означаемому, форме. Напротив, в решении вопроса о тождестве знака предпочтение отдается означаемому, функции. Целостность падежной флексии, выражающей род, число, падеж, основывается на нечленимости означаемого, а тождество грамматических морфем (например, англ. boy-s, ox-en, deer-Ø) опирается исключительно на идентичность означаемого. Очевидно, что в теории элементарной знаковой единицы языка в одном случае пользуются критерием плана выражения, а в другом случае признают приоритет плана содержания, причем соотношение столь разных принципов специально не обосновывается.

Приведенная иллюстрация показывает, что в изучении лингвистических единиц заметную роль играет выбор и обоснование критериев анализа. Для того чтобы осуществить эту задачу, полезно рассмотреть соотношение означаемых и означающих знака, которые складываются в языке как естественной и развивающейся семиотической системе.

В итоге этих кратких вступительных заметок были выявлены те аспекты темы лингвистических единиц, которые будут рассмотрены в настоящей статье. Это прежде всего проблема отношений между означаемым и означающим знака и их роль в процедуре выделения и отождествления сущностей языка. Изучение проблемы простейших значимых единиц в этом ракурсе приведет нас к вопросу об отношении единицы языка, как элемента системы, к понятию знака.

* * *

Ниже нам придется не раз говорить о своеобразии отношений означающих и означаемых знака, об отсутствии между ними точного соответствия. Во избежание

возможных недоразумений, уместно сейчас дать некоторые разъяснения по этому поводу.

Под несоответствием в строении языковых планов разумеется асимметрия отношений между означаемыми и означающими, блестяще обоснованная С. Карцевским в его известной работе о дуализме знака¹⁴. При этом мы не касаемся вопроса членимости означающих и означаемых на незнаковые единицы. Под целостностью означающих имеется в виду только невозможность их деления на более мелкие морфологические (знаковые) элементы. Фонологическая членимость морфем в данном случае столь же нерелевантна, как несущественно для изучения языковых знаков количество дифференциальных признаков, противопоставляющих в плане выражения одну значимую единицу другой.

За одну самостоятельную единицу значения принимаем элемент плана содержания, соотносимый с отдельным означающим. Кроме того, допускается аналогическое выделение единиц значения, если их совместная манифестация фонологически или морфологически обусловлена (например, англ. *thought*, но *look-ed*). Будут считаться отдельными единицами плана содержания также элементы, неспособные к самостоятельной манифестации, но относящиеся к разным грамматическим категориям (например, совместно выражаемые в русском языке категории рода, числа и падежа)¹⁵. Напротив, не отнесены к разряду самостоятельных единиц компоненты значения, очерчивающие в качестве дифференциальных признаков его контуры и находящиеся между собой в иерархической зависимости (например, признаки: 'предмет', 'одушевленный', 'относящийся к человеческому

¹⁴ S. Karcevskij. Du dualisme asymétrique di signe linguistique.— TCLP, 1929, № 1.

¹⁵ Подобная точка зрения достаточно широко распространена. Так, А. Мартине считает значения рода, числа и падежа в латинском элементе-огит разными означаемыми, соответствующими амальгамированному (нечленимому) означающему. В. Скаличка рассматривал эти значения как отдельные семы (т. е. единицы знакового уровня). К. Бейзел приводит некоторые формальные основания в поддержку этого взгляда. Он указывает, в частности, что число и падеж существительных управляются разными типами морфем: числительными и предлогами. Это, по его мнению, дает повод оценивать падеж и число как морфемы, а не как морфемные компоненты (С. Е. Vazell. On the problem of the morpheme. «Readings in linguistics», v. II, стр. 225).

роду', 'взрослый', 'мужского пола' в основе слова *мужчина*).

Допущение сдвигов между единицами формы и содержания, их известной автономности имплицитно присутствует в лингвистическом анализе, когда производится, с одной стороны, отождествление означаемых, независимо от степени сходства их означающих (принцип дополнительной дистрибуции), а с другой стороны — сегментация одних единиц по аналогии с другими (например, *gap* по аналогии с *look-ed*). Использование в лингвистическом исследовании названных процедур неизбежно связано с теоретическим признанием возможности сдвигов в отношениях между единицами языковых планов.

I

Обратимся к вопросу сегментации текста. Выше уже упоминалось, что элементарность знака принято обосновывать неделимостью его означающего¹⁶. Этот признак является ведущим практически во всех определениях простейшей значимой единицы (морфемы, монемы). Указание на неделимость означающего заложено, собственно, и в самом термине «морфема» (т. е. элемент формы). Оно содержится в определении морфемы представителями пражского лингвистического кружка, следовавшими в этом вопросе за Бодуэном и охарактеризовавшими морфему как «морфологическую единицу, неделимую на более мелкие морфологические единицы»¹⁷. Признак нечленимости означающего заключен в известном определении морфемы, сформулированном Л. Блумфилдом¹⁸. Это же указание содержится в дефи-

¹⁶ Говоря о том, что общепринятое определение морфемы как «минимальной формальной единицы» обычно интерпретируется в смысле минимального означающего, К. Бейзел отмечал, что опорной точкой подобного определения является выражение. Но стороны морфемы, как знака, равноправны. Определение же, базирующееся на означающем, может побудить подойти к ним с разными критериями (С. Е. Вазелл. *On the problem of the morpheme*, стр. 216 и след.).

¹⁷ *Projet de terminologie phonologique standardisée.*— TCLP, 1931, № 4, стр. 321. См. также: И. Вахек. *Лингвистический словарь пражской школы.* М., 1964, стр. 121.

¹⁸ Имеется в виду следующее определение Л. Блумфилда: «Лингвистическая форма, лишенная частичного фонетико-семантического сходства с какой-либо другой формой, есть простая форма или мор-

ниции простой значимой единицы языка, принадлежащей Соссюру¹⁹. Критерий нечленности означающего присутствует в определениях монемы в работах его ученика А. Фрея²⁰.

Между тем единство знака со стороны означающего совсем не всегда совпадает с элементарностью означаемого. Тем, кто производил морфологический анализ слов, хорошо известно, что нечленность формы не свидетельствует о монолитности содержания. Так, лат. *i* 'иди' выражает определенное лексическое значение и, кроме того, передает отдельные грамматические значения повелительного наклонения, настоящего времени, второго лица, единственного числа. Будучи одним знаком, *i* в то же время соответствует нескольким единицам языка, в терминах которых описывается его грамматическое строение.

Еще в 1935 г. В. Скаличка заметил, что в грамматике морфема не может удержать своего единства²¹. Формулируя ряд выводов, вытекающих из положения С. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака, В. Скаличка предложил расчленить минимальную лингвистическую единицу на сему (знаковую единицу, обладающую самостоятельным значением) и морфему (знаковую единицу, выделяемую по признаку формы). И хотя, развивая свою теорию, автор допустил ряд неточных формулировок, его идеи, в особенности его стремление конкретно преломить мысль С. Карцевского об асимметричности знака, кажутся весьма плодотворными²².

фема» (L. Bloomfield. Language. N.-Y., 1933, стр. 161). Эта формула Л. Блумфилда, которую иногда ошибочно понимают как относящуюся к вариантам морфемы, на самом деле направлена на отделение простой формы от составной (например, *dance* от *dancing* и *dance* или *straw* от *strawberry* и *strawflower*).

¹⁹ Ф. де Соссюру. Указ. соч., стр. 120. См. также более развернутое определение лингвистической единицы, приводимое в материалах к «Курсу», публикуемых Р. Гodelем (R. Godel. Nouveaux documents saussuriens. «Cahiers F. de Saussure», 1959, № 16, стр. 25).

²⁰ «Я понимаю под монемой любой знак, означающее которого неделимо» (H. F r e i. Qu'est-ce qu'un Dictionnaire de phrases?, стр. 51).

²¹ В. Скаличка. О грамматике венгерского языка. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 135.

²² В. Скаличка. Асимметричный дуализм языковых единиц.— Там же, стр. 119—123; О п же. О грамматике венгерского языка.— Там же, стр. 135 и след.

Привлекая внимание читателя к концепции В. Скалички, мы хотели прежде всего подчеркнуть, что глобальный знак распался в ней на две единицы — сему и морфему, причем критерий выделения семы следует искать в плане содержания, в то время как единство морфемы определяется ее формой (морфема это непрерывный ряд фонем, наделенный некоторым значением). В качестве единицы грамматики избирается сема, т. е. элемент, выделенный с опорой на содержание²³.

Не обращаясь к опыту В. Скалички и обсуждению его идей среди участников пражского лингвистического кружка, аналогичным путем пошли американские дескриптивисты.

Избрав в качестве основной единицы описания морфемные сегменты, дескриптивисты вскоре вынуждены были признать, что они мало пригодны для моделирования грамматических систем, в частности для определения синтагматических отношений, связывающих отдельные сегменты в более крупные блоки или конструкции. Так, для французских элементов *au*, *du*, *aux*, неделимых на более мелкие морфологические части, пришлось бы формулировать совершенно особые правила дистрибуции. На повестку дня встала новая задача, выполнению которой должно было предшествовать моделирование системы грамматики. Она состояла в приведении структуры плана выражения в соответствие со структурой плана содержания. Дескриптивисты приложили немало усилий к тому, чтобы установить между единицами языковых планов отношения взаимнооднозначного отображения. Осуществление этой задачи принесло им немало хлопот и вызвало к жизни много разных типов морфемных сегментов.

Так, сравнение структуры языковых планов привело к выделению так называемых пустых элементов (или пустых морф). На их введении в лингвистический анализ настаивал Ч. Хоккет²⁴. Пустыми Ч. Хоккет называл эле-

²³ Это положение В. Скалички вызвало возражение Л. Новака, который, не оспаривая самой идеи парности единиц, считал, что грамматическое описание следует осуществлять в терминах морфемы, а не семы. См.: Л. Новак. Основная единица грамматической системы и типология языка. «Пражский лингвистический кружок», стр. 214—216.

²⁴ Ch. Hockett. Указ. соч., стр. 336—337.

менты плана выражения, лишенные функциональной, держательной нагрузки. Забегая немного вперед, заметим, что выделение пустых морф несовместимо с определением морфы как звуковой репрезентации морфемы, поскольку пустые морфы характеризуются именно тем, что не представляют никакой морфемы.

Вслед за пустыми появились нулевые элементы, т. е. единицы, значение которых само не материализовано в плане выражения, но соотносимо со значением сегментных морфем ср.: *улиц-ы* — *улиц-Ø*). Сейчас нет необходимости углубляться в эту важную и интересную проблему. Ограничимся поэтому лишь одним замечанием. Распространено мнение, что нулевые и пустые элементы представляют в некотором роде обратные, противоположные явления: пустой элемент — это знак, лишенный означаемого, а нулевая единица — это знак, не имеющий означающего. В обоих случаях, следовательно, речь идет об асимметричном, одностороннем знаке²⁵. Такое рассуждение не кажется нам бесспорным. Знак в принципе не может быть односторонним, не перестав быть знаком. Но если позволительно называть пустыми элементы, не получившие в языке знаковой функции, т. е. не-знаки или потенциальные знаки, оставшиеся после выделения значимых сегментов, то гораздо труднее допустить существование означаемых, лишенных означающего. Особенность нулевых элементов состоит не в отсутствии формы выражения, а в ее специфике. Поэтому нулевой элемент не может рассматриваться как односторонний знак, своего рода антипод элемента пустого.

Значительное распространение получили сложные (составные и прерывистые) морфемы. Это понятие применяется в тех случаях, когда одному значению соответствует в плане выражения несколько отдельных, нередко способных к самостоятельному функционированию элементов. В этой связи можно было бы вспомнить о многочисленных типах прерывистых морфем, применяемых в лингвистическом анализе З. Харрисом²⁶, о сложных

²⁵ S. L a m b. Указ. соч., стр. 65—66.

²⁶ Z. H a r r i s. Discontinuous morphemes. «Language», 1945, v. 21, № 3; Он же. Methods in structural linguistics. Chicago, 1951, стр. 165—166.

морфемах и субморфемах Е. Куриловича²⁷, о прерывистых монемах А. Мартине²⁸. Сейчас мы бы не хотели подробнее задерживаться на вопросе о целесообразности выделения тех или других типов составных элементов. Нам казалось уместным лишь подчеркнуть, что если в одних случаях деление текста на морфемы пресекается, несмотря на наличие ряда отдельных значений, то в других случаях, напротив, совместное выражение функционально самостоятельными элементами (например: *pous* и *-ops* во французском *pous soupons*) одного значения побуждает считать их частями одного означающего, одного знака. Следовательно, даже в процедуре определения элементарности знаковой единицы чередуются (причем иногда в концепции одного автора) критерии формы и содержания.

Впрочем, и нечленимость означающего на более мелкие морфологические единицы не во всех случаях препятствует выделению двух морфем. Принято думать, что если слитность формы обусловлена позицией и не реализуется в других окружениях, могут быть выделены два знака. К такого рода слитным элементам дескриптивисты применяют термин *portmanteau*, введенный Ч. Хоккетом²⁹ и ставший очень популярным. Слитные морфы Ч. Хоккета способны в ином фонетическом (ср. *au fils*, *ne à l'instant*) либо морфологическом (ср. *flew*, но *look-ed*) окружении к разъединению, к отдельной манифестации. Некоторые лингвисты распространяли понятие слитных единиц и на полифункциональные флексии, значения которых всегда выражаются совместно (типа *-ов* в *столов*). В оценке синкретических форм того и другого типа особенно четко наметился разрыв между понятием знака и понятием лингвистической единицы. Принимая первоначально слитные элементы за одну единицу или морфему, лингвисты не могли не увидеть, что подобный целостный элемент не способен служить основной единицей описания грамматической системы языка. Синкретические формы типа англ. *gan*, *got*, *flew*, *came*, *misc*, *feet* разными способами разрывались по живому месту.

²⁷ Е. Курилович. О природе так называемых «аналогических» процессов. «Очерки по лингвистике». М., 1962, стр. 92 и след.

²⁸ А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 454—455.

²⁹ Ch. Hockett. Указ. соч., стр. 332.

Не сумев, в конце концов, расчленив морфемы, не найдя в них «шва», дескриптивисты разорвали само понятие лингвистической единицы. Вместо первоначально целостной морфемы возникла пара единиц — морфема и морфа. В синкретических формах английского прошедшего времени стали видеть две морфемы, выраженные одной морфой. Выделение морфемы начало производиться с опорой на план содержания, а выделение морф следовало критериям формы. В качестве единицы грамматического моделирования была выбрана морфема. Таким образом, название единицы описания в теории дескриптивистов не изменилось, но стоящее за ним понятие претерпело коренное изменение. Единицу, выделенную с опорой на форму, вытеснила единица, ориентированная на содержание. Морфема и морфа дескриптивистов оказались вполне аналогичными семе и морфеме В. Скалички (хотя термин «морфема» занимает в этих корреляциях разные положения). И там и здесь вместо целостного знака появились пары единиц. Знак расщепился на форму и функцию, дав две единицы, отношения между которыми иногда ошибочно толкуют с точки зрения уровня абстракции. Принято утверждать, что морфа (или морфема В. Скалички) является единицей конкретной, вещественной, а морфема представляет собой абстрактный элемент. Это различие является кажущимся. Настаивать на нем было бы равносильно утверждению, что план содержания абстрактнее плана выражения. Подобное заключение основано на сопоставлении фактов разной природы, ни один из которых не формируется путем абстракции от некоторых свойств своего «партнера». Понятие степени абстрактности должно быть применено только к каждой из сторон знака (или ее компонентам) в отдельности.

Сходная тенденция прослеживается и в развитии термина «монема». Уже упоминалось о том, что этот термин, введенный А. Фреем, применялся к двустороннему (знаковому) элементу языка, означающее которого неделимо. Позднее этот термин широко использовал А. Мартине, определивший монему как знаковую единицу³⁰. Означающие монем, по теории А. Мартине, могут объединяться, образуя нечленимый со стороны формы,

³⁰ А. М а р т и н е. Основы общей лингвистики, стр. 378—379, 451.

«амальгамированный» знак или сращение. Под сращением А. Мартине подразумевает, таким образом, совместную реализацию нескольких значений (он называет их означаемыми) в одном нечленимом означающем. «Амальгамированные» элементы нередко имеют в других контекстах самостоятельную манифестацию (ср.: фр. *a, le* и *au*, англ. *cuts* и *looked*, но *cut*). Однако это условие не является обязательным. «В лат. *malogum* 'яблоко', — пишет А. Мартине, — *-ogum* представляет собой означающее двух означаемых — «генитива» и множественного числа»³¹. И хотя ни одно из этих значений не манифестируется в латыни отдельно, А. Мартине рассматривает *-ogum* как сращение двух знаков, двух монем.

Примечание. А. Мартине отнес к числу сращений совместную манифестацию категорий числа и падежа и, возможно, воздержался бы от подобной трактовки лексем, означаемые которых также складываются из нескольких семантических компонентов (ср.: *отец, брат, дед* и т. п.). В первом случае речь идет о совместном выражении значений, относящихся к разным семантическим и функциональным категориям. Во втором случае имеются в виду скорее дифференциальные признаки, очерчивающие сферу одного понятия, отграничивающие его от смежных понятий. С этой точки зрения смысловая структура морфемы *-ogum* и основы слова *pater* различны.

Акцент в приведенном контексте сделан на плане содержания. Понятие монемы соотнесено с функцией знака, его означаемым. С этой точки зрения означающее любого полифункционального элемента можно было бы считать сращением, рассматривая его как совокупность монем. Даже прерывистые монемы А. Мартине могли бы считаться в то же время и сращениями. Ведь *pois... ops* (в *pois soupons*) соответствует, как указывает автор, «первому лицу множественного числа»³², т. е. обладает двумя значениями.

Тяготение к трактовке монемы в терминах плана содержания проскальзывает и в самой форме изложения. Так, А. Мартине пишет об «о з н а ч а ю щ е м, посредством которого происходит манифестация знака»³³ или в другом месте: «если оба знака окажутся по соседству в одном высказывании, они объединяются в форму [kAt],

³¹ Там же, стр. 452.

³² Там же, стр. 454—455.

³³ Там же, стр. 379.

являющуюся их манифестацией»³⁴. В приведенных предложениях А. Мартине употребляет термин «знак» там, где следовало бы говорить об «означаемом знака», Ср. «одна сторона монем есть означаемое, другая — означающее, представляющее собой манифестацию первой»³⁵.

Таким образом, в термине «монема» акцент был перенесен с означающего на означаемое. Развитие этого понятия оказалось сходным с эволюцией «морфемы» в дескриптивной теории. Подобный путь имел в качестве отправного пункта простейший знак, а конечной точкой единицу языковой (в первую очередь грамматической) системы.

Если В. Скаличка и дескриптивисты, сознавая невозможность построения грамматической системы в терминах простого знака, пришли к его раздвоению и образованию на его основе пар единиц, то А. Мартине, не видя необходимости в расчленении монемы (этого не допускал и сам термин), вынужден был перенести центр тяжести в определении этого элемента с формы на функцию, с означающего на означаемое, т. е. соответствующим образом изменить понятие знака, приспособив его к тому, чтобы в его терминах могла быть целесообразно описана система грамматики.

Колебания в трактовке элементарной знаковой единицы и их причины хорошо показаны английским языковедом К. Бейзелом, который писал в 1949 г.: «В языках, с которыми мы имеем дело, понятие знака не покрывается понятием морфемы. Оправдание этого последнего заключается в асимметрии между выражением и содержанием, которой система знаков не предполагает с необходимостью»³⁶. Понятие морфемы, по мысли К. Бейзела, несколько уравнивает, смягчает эту асимметрию, свойственную языку как естественной знаковой системе. Морфема служит своего рода мостиком между планами содержания и выражения, находясь к каждому из них в отношении «сокращенной» асимметрии («*geduced asymmetry*). Несоответствие в строении языковых планов, таким образом, покрывается промежуточными единицами,

³⁴ Там же, стр. 452; слово «знак» подчеркнуто нами.— Н. А.

³⁵ Там же, стр. 452.

³⁶ С. Е. B a z e l l. On the problem of the morpheme, стр. 218.

в том числе и морфемой, связывающей морфему и фонему³⁷.

Именно то, что морфема призвана восстановить баланс между языковыми планами, делает ее собственное положение колеблющимся, заставляя перемещаться то в одну, то в другую сторону. Поэтому, как писал К. Бейзел, морфема общепринятых грамматических описаний является компромиссом между двумя разными единицами, одна из которых служит предметом его статьи (т. е. морфема, трактуемая как минимальная единица формы.— *Н. А.*), а другую можно определить как «минимальный комплекс семантических черт, способный получать совместное выражение». До известных пределов эти единицы могут совпадать, но между ними нет необходимого соответствия³⁸. Отнеся морфему к числу единиц, «покрывающих» асимметрию между языковыми планами, К. Бейзел допускает неоднородность критериев, на которые она опирается. Иными словами, в случаях асимметрии отношений между элементами формы и содержания принципы выделения морфем естественным образом видоизменяются.

Подведем итог. Проблема минимальной значимой единицы языка, осложненная асимметрией в отношениях между сторонами знака, решалась либо путем расщепления знака на две единицы, либо переносом центра тяжести в определении знака с формы на содержание, либо допущением колеблющихся критериев выделения морфем.

Итак, опыт морфемного анализа показывает, что членимость на единицы двух языковых планов не совпадает. Структура плана выражения оказывается существенно отличной от структуры плана содержания. Попробуем резюмировать основные типы синтагматических отношений между элементами этих двух планов³⁹, отвлекаясь

³⁷ С. Е. Вазелл. On the problem of the morpheme, стр. 226; On ж е. The sememe.— Там же, стр. 329—330.

³⁸ С. Е. Вазелл. On the problem of the morpheme, стр. 226.

³⁹ Попытка наметить схему отношений между абстрактными элементами языка и их речевой репрезентацией была сделана С. Лэмом (S. L a m b. Указ. соч., стр. 66). Интересный анализ отношений между означаемыми и означающими графических знаков см.: В. Г. Г а к. Орфография в свете структурного анализа. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, стр. 210—217.

пока от самого способа выражения значений, т. е. от типа означающего:

1. Отношения 1 : 1, т. е. одной единице содержания соответствует один элемент выражения, одна морфема. Ср. англ. *boy-s*, где *-s* передает только одно значение множественного числа.

2. Отношение 2 (или более) : 1, т. е. нескольким элементам содержания соответствует одна неделимая единица выражения. Отношение этого типа может быть за висимым от окружения (ср. франц. *au fils* и *a l'instant*) или постоянным, необусловленным (ср. лат. *mal-orum*). Полезно различать совместную манифестацию разнородных элементов содержания (например, грамматического и лексического значений как в англ. *thought*) и одновременную манифестацию гомогенных элементов (например, грамматических, сопутствующих значений как в русск. *отц-ов, дет-ей*). Наконец, можно различать совместную манифестацию, не совпадающую с самостоятельной манифестацией этих же единиц содержания (ср. англ. *shake + ed = shook*) и совместную манифестацию, совпадающую с отдельной манифестацией одной из единиц содержания (ср.: англ. *sheep + -s = sheep*), в результате чего рождается омонимия противопоставленных по значению элементов либо на уровне морфем (ср. *син-ий* и *синь*), либо на уровне слова (ср. *sheep* и *sheep*).

3. Отношения 1 : 2 (или более), т. е. одной единице содержания соответствует несколько единиц выражения (ср. аналитические формы типа англ. *have looked*, в которых перфектность выражается не только вспомогательным глаголом, но и морфемой причастия). Отношения этого типа достаточно разнородны. Так могут быть выделены случаи, когда элементы плана выражения находятся в контактном или дистактном положении, когда они принадлежат одному слову или разным словам, когда они способны к независимому функционированию или нет.

4. Смешанные отношения, когда один элемент содержания выражен самостоятельной морфемой и в то же время имеет совместную манифестацию с другой единицей содержания (ср. нем. *Buch — Bücher*).

5. Отношения 0 : 1, т. е. элемент выражения не соотнесен с элементом содержания (ср. *лис-а* и *лис-иц-а*).

* * *

Итак, опыт морфемного анализа вскрывает большое число случаев несовпадения границ членности плана содержания и плана выражения. Стремление во что бы то ни стало привести структуру выражения в соответствие со структурой содержания, совместить эти два плана, установить между их единицами отношение один к одному (иными словами, провести анализ языка в терминах простого знака) вызвало к жизни много типов морфем, различающихся между собой спецификой отношения между их означающими и означаемыми.

Особо важно отметить, что различия в синтагматической структуре плана содержания и плана выражения являются не случайной аберрацией, а закономерным следствием развития языка как естественной системы знаков. Оценивая эволюцию языка с точки зрения знаковой теории, Соссюр писал: «Каковы бы ни были факторы изменяемости, действуют ли они изолированно или комбинированно, они всегда приводят к *сдвигу отношения между означающим и означаемым*» (курсив Соссюра) и далее: «Неизбежность подобных смещений усугубляется и предопределяется тем, что язык по природе своей бессилен обороняться против факторов, постоянно передвигающих взаимоотношения означаемого и означающего знака»⁴⁰.

В процессе эволюции языка происходит конденсация означаемых, их слияние при сохранении членной структуры плана выражения (ср. стяжение морфем, образование перифрастических сочетаний и аналитических форм в грамматике и фразеологизмов в лексике). С другой стороны, протекает сращение означающих, их консолидация в одной нечленимой далее единице. Эти процессы, как известно, обусловлены тем, что языковые знаки лишены возможности самостоятельного развития, а эволюционируют только в речи, в рамках более крупных образований, в конечном счете внутри высказывания, как актуализованной (соотнесенной с ситуацией) единицы языка. Смещения в структуре плана содержания относительно плана выражения, и соответственно, наоборот происходят в результате автономности, независимости друг от друга синтагматических отношений, существую-

⁴⁰ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 84.

щих между элементами этих двух планов или стратумов. В этом состоит одно из отличий языка от статических знаковых систем. Познание закономерностей исторического развития оказывается, таким образом, существенным для выяснения специфики языка как семиологической системы, а следовательно, и для оценки возможностей его синхронного описания.

Упомянутая особенность языка свидетельствует о неизбежности смещений в строении языковых планов и невозможности их совместного описания в терминах одной двусторонней единицы — знака.

Идея отдельного моделирования систем двух языковых планов была, хотя и в другой связи, достаточно ясно сформулирована Л. Ельмслевым, который писал: «...любой текст на первом этапе делится всегда на две, и только на две части, минимальное число которых гарантирует их максимальную протяженность, а именно — на линию выражения и линию содержания, связанные между собой солидарностью посредством знаковой функции. Затем линия выражения и линия содержания каждая в свою очередь делятся дальше, естественно, с учетом их взаимодействия в знаках. Подобным же образом первое членение лингвистической системы приведет нас к установлению двух ее парадигм: стороны выражения и стороны содержания»⁴¹.

Наконец, уместно вспомнить, что в традиционной грамматике стремление к системному описанию языка приводило к известному обособлению языковых планов. План содержания частично организовывался в так называемые грамматические категории, а планы выражения в соответствующие им парадигмы. Грамматические категории выделяются обычно независимо от того, выражаются ли они в данном языке отдельными элементами. Так, говорят о категориях рода, числа и падежа имен в русском языке, в котором эти значения всегда выражаются совместно.

Потребность в обособлении понятий грамматических категорий и грамматических парадигм была продиктована необходимостью отдельного моделирования языковых планов.

⁴¹ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 317.

II

Рассмотрим парадигматические отношения между единицами языка, главным образом, проблему их отождествления.

Способность знака варьироваться как со стороны формы, так и со стороны содержания, вызвавшая необходимость ввести в лингвистический анализ специальную процедуру идентификации, признавалась представителями различных направлений. Возможность изменения формы знака без нарушения его идентичности была отмечена Соссюром, позднее эту особенность языкового знака особо подчеркнул ученик Соссюра Р. Годель. Не отрицал этого свойства языковых единиц Л. Ельмслев. Специально обращал внимание на варьирование морфем Л. Блумфилд, последователи которого, как известно, разработали принципы отождествления вариантов одного элемента языка. Вопросы варьирования знака имели большое значение и для пражской школы.

Не так давно автор монографии о лингвистических единицах К. Эбелинг писал: «„Морфемы“ есть инварианты, допускающие разные реализации. Слово *houses* состоит из двух „морфем“ и бессмысленно требовать, чтобы реализации этих „морфем“ были постоянны по своему фонетическому составу»⁴².

Однако признание способности знака изменяться со стороны формы (вариантов означаемого мы касаться не будем) требовало определения порога допустимого варьирования. К этому вопросу представители разных лингвистических направлений подошли совершенно различно. Соссюрианцы, в частности Р. Годель, ставили весьма близкий порог варьирования знака, определяя его в терминах фонологических тождеств и фонологического окружения. Только те изменения означаемого признавались вариантами одной единицы, которые вызваны контактом с соседними означающими, хотя и не обязательно предсказуемы в терминах окружения (ср. фр. [mwa] (*mois*) и [mwaz] (*mois est*)). Если варианты означаемого не зависят от соприкосновения с соседними фонемами, следует говорить о разных знаках (ср. *со-* и *соп-* в *cohéritier* и *concitoyen*)⁴³. Таким образом, Р. Годель сво-

⁴² C. L. E b e l i n g. *Linguistic units*. 's-Gravenhage, 1960, стр. 116.

⁴³ R. G o d e l. *Homonymie et identité*, стр. 6.

дил принципы отождествления знаков со стороны формы к критериям фонологии и фонологического окружения.

Попытки разрешить проблему вариантов морфемы делались и представителями пражской школы, которые несколько отодвинули порог варьирования морфемы, сравнительно с Р. Годелем, допустив фонологические варианты одного означающего. Так, *рук-а* и *руч-ка*, *хот-еть* и *хоч-у* считались ими одной морфемой. Подобное варьирование, обычно возникающее в итоге фонологизации позиционных чередований, с синхронной точки зрения уже не зависит от фонологического окружения. Стремясь согласовать положение о том, что морфема состоит из фонем с фактом фонологических различий в составе одной морфемы, иными словами, стремясь к тому, чтобы тождество морфемы было двусторонним и предполагало идентичность как формы, так и содержания, пражцы ввели специальную единицу плана выражения — морфону, которая объединяла регулярные чередования фонем в одной морфеме (ср. *хоч-у* и *хот-еть*, *хож-у* и *ходить*, *луг* и *луж-ок* и пр.). Предполагалось, что в основе этого объединения лежит некое сложное представление или образ. В «Проекте стандартизованной фонологической терминологии» морфонема определялась как «сложное представление, охватывающее все члены (два или более двух) одного чередования»⁴⁴. Предел варьирования морфонема ставился единством морфемы, и обратно тождественными признавались морфемные сегменты, состоящие из одних и тех же морфем. Более поздние определения морфонема⁴⁵ с очевидностью показывают, что эта единица устанавливается не по признаку некоторой, пусть чисто психологической, целостности, а исключительно ради идентификации морфемных сегментов, обладающих общностью значения и происхождения. Освобождение морфонема от психологизма, присутствовавшего в более ранних определениях этой категории, обнажило ее зависимость, производность от понятия морфемы. Иными словами, морфонема образует тождество постольку, поскольку они входят в состав тожде-

⁴⁴ *Projet de terminologie phonologique standardisée*, стр. 322.

⁴⁵ Ср. следующее определение И. Вахека: «ряд фонем, функционирующих в данном фонемном сегменте морфемы во всех фонемных вариантах этой морфемы» (J. Vachek. *The linguistic school of Prague*. Bloomington — London, 1966, стр. 80).

ственных морфем, идентифицируемых совсем по другим (сравнительно с фонологическими) признакам.

Объединение разных фонем (например, [к] и [ч]) в одну функциональную единицу показывало лишь, что различия между ними несущественны для понимания ряда (но не всех) морфем. Речь шла о частичном тождестве, присутствующем не во всех реализациях данных элементов. Позднее было признано неудачным отнесение морфемы к числу фонологических единиц, характеризующимся безразличием к тому, в состав каких именно конкретных морфем они входят.

Морфемы объединяют фонологически различные элементы, противопоставленность которых устраняется только в пределах определенного ряда значимых единиц. Нельзя упускать из виду, что подобная избыточность может распространяться не только на отдельные дифференциальные признаки фонем (как в случае *к/ч*). Различия между одинаковыми по своей функции означающими могут состоять в отсутствии — наличии целых фонем (как в *бер-у* и *бр-ал*), когда говорят о нулевой ступени фонемы, и даже в полном несовпадении фонемного состава означающих (как в *ид-у* и *ш-ел*), когда говорят о супплетивизме. Количество фонематических различий, подвергающихся устранению на знаковом уровне, столь же безразлично, как безразлично число, отделяющее номер, проигравшего лотерейного билета от номера, на который пал выигрыш. Кажется бы, не все ли равно, как велика разница в номерах, если любое несовпадение ведет к проигрышу, а между тем величина расхождения постоянно занимает умы неудачников. Точно так же лингвисты всегда стремятся определить степень фонологических различий между означающими с одинаковым значением, хотя эти расхождения не имеют ни малейшего касательства к принципам отождествления данных единиц.

Нейтрализацию различий плана выражения на фонологическом уровне принято отличать от нивелировки различий между означающими конкретных знаков. В первом случае варьирование вызвано фонологической позицией, во втором случае устранение различий связано с положением знака среди других знаков. В первом случае определим фонологический инвариант, во втором случае выделение инварианта в принципе необязательно. В пер-

вом случае варьирование происходит на фонологическом уровне и не свидетельствует об избыточности языкового кода, во втором случае устранение различий плана выражения происходит на морфематическом (знаковом) уровне и свидетельствует об избыточном использовании дистинктивных средств.

Между отмеченными полярными явлениями существует шкала промежуточных градаций, когда, например, устранение различий между означающими обусловлено фонологическим окружением, но не предсказуемо в терминах этого окружения (ср. фр. *le mois de...* [mwa] и *le mois est...* [mwaz]). Однако наличие переходных ступеней не меняет самой постановки вопроса⁴⁶.

Иным, и в некотором отношении наиболее поучительным, путем в решении проблемы варьирования шли американские дескриптивисты. Л. Блумфилд, настаивавший на описании морфемы по ее фонемному составу, признавал в то же время способность морфемы варьироваться со стороны ее формы, не указывая вместе с тем порога допустимого изменения⁴⁷. Ученикам и последователям Л. Блумфилда казалось необходимым найти более точный способ идентификации звуковых вариантов морфем. Это было для них тем более желательно, что дескриптивная грамматика по замыслу должна была строиться в терминах элементарной знаковой единицы, и этим определялась важность четкого разграничения функциональных элементов (морфем) от нефункциональных (вариантов морфем, морф). Дескриптивисты искали надежные процедуры, при помощи которых можно было бы установить тождество простейшей значимой единицы. С этой целью ими был сформулирован принцип дополнительного распределения. Напомним, что согласно этому принципу могли быть идентифицированы морфемные сегменты, имеющие одно значение и никогда не встречающиеся в одинаковом окружении, причем общий диапазон функционирования вариантов морфемы должен равняться дистрибуции неварьирующей морфемы, принадлежа-

⁴⁶ Различные точки зрения на морфонологию хорошо изложены в кн.: «Основные направления структурализма». М., 1964, в статьях Т. В. Булыгиной (стр. 80—84), Г. А. Климова и Е. С. Кубряковой (стр. 230—233).

⁴⁷ L. Bloomfield. Language, стр. 161, 164.

щей тому же классу⁴⁸. Принцип дополнительного распределения позволил дескриптивистам отождествлять такие элементы, как англ. *knife* и *knife-s*; *keep* и *keep-t*, *bring* и *brought-t*, показатели множественного числа существительных в *boy-s*, *ox-en*, *feet*, *mice*, *deer-φ*, *men*. В одну морфему были сведены и супплетивные формы типа *go* и *went*.

Применив принцип дополнительной дистрибуции к отождествлению двусторонних (знаковых) единиц, дескриптивисты сделали решительный шаг, важность и последствия которого не были в то время осознаны и оценены ими с достаточной глубиной. Суть этого шага заключалась в том, что от пристального и скрупулезного анализа означающих дескриптивисты перешли к изучению их функциональной, содержательной стороны. Если у Л. Блумфилда есть указание на то, что морфема должна быть описана по ее фонемному составу, а не по ее значению⁴⁹, то для следующего за ним поколения дескриптивистов фонемный состав морфемных сегментов стал безразличен для их отождествления. Принцип дополнительной дистрибуции в сущности приводит к идентификации означаемых, независимо от степени сходства их означающих. В нем резюмирована способность позиции устранять различия означающих, аннулировать дистинктивные средства, противопоставляющие их в фонологическом плане. Именно в этом заключается ценность дополнительной дистрибуции. Справедливость этого суждения подтверждается между прочим сходством дополнительной дистрибуции дескриптивистов с идеей комбинаторных вариантов знакового уровня, примененной В. Скаличкой для отождествления сем и установления омосемии (ср. лат. *bon-us*, *mel-ior*, *opt-imus* или чешские окончания род. пад. ед. ч. *zen-y*, *dus-e*, *kost-i*)⁵⁰.

⁴⁸ Z. Harris. Morpheme alternants in linguistic analysis. «Language», 1942, v. 18, № 3, стр. 171—179.

⁴⁹ L. Bloomfield. Указ. соч., стр. 161.

⁵⁰ В. Скаличка. О грамматике венгерского языка, стр. 137.— В другой своей работе В. Скаличка писал еще более определенно: «Части омосемической группы подобны фонологическим вариантам, взаимно дополняющим друг друга. Взаимоисключаемость делает возможной их смысловую идентичность при формальном различии» («Асимметричный дуализм языковых единиц», стр. 121). Попутно заметим, что идея дополнительности присутствует и в самом термине «супплетивность».

Применение принципа дополнительной дистрибуции к отождествлению знаковых единиц делало немалый вклад в структурное изучение плана содержания. Однако дескриптивисты не продвинулись далеко в этом направлении. Успешно определив принципы отождествления означаемых, они не заинтересовались в то же время проблемой их оппозиций и дифференциальных признаков.

Таким образом, если Л. Блумфилдом термин «морфема» применялся скорее к означаемому простой знаковой единицы и с этим согласовывалось требование фонемного описания морфем, значение которых определялось как семема, то последователи Л. Блумфилда под морфемой подразумевали собственно только означаемое элементарного знака, а означаемое было названо ими термином «морфа» или «морфемный сегмент». Под морфой подразумевался неотжествленный еще по функции элемент, надделенный некоторым значением. Морфы, прошедшие процедуру идентификации, определялись как алловарианты (алломорфы) одной морфемы.

Характерно, что если сначала условное обозначение морфемы в работах дескриптивистов базировалось на ее форме и морфема множественного числа, например, обозначалась по ее основному варианту [s], то позднее, после принятия принципа дополнительной дистрибуции, дескриптивисты стихийно перешли к условному обозначению морфем (во всяком случае грамматических) по их функции. Дескриптивное описание языка стало производиться в формулах следующего типа: морфема [множественное число] представлена в английском языке алломорфами [s], [z], [ɪz], [ən], [ɸ]. Таким образом, даже в самих способах презентации материала отразилась эволюция морфемной теории дескриптивистов (от означаемого к означаемому).

Когда отождествление морфемных сегментов стало производиться без учета их формы, потерял силу постулат Л. Блумфилда о том, что морфема состоит из фонем, и сама собой отпала задача описания морфем по фонемному составу. Ч. Хоккет, обративший внимание на эту неувязку постулата Л. Блумфилда с практикой его последователей, исправил формулу Л. Блумфилда, заменив в ней термин «морфема» термином «морфа». Таким образом, оказалось, что не морфема, а морфа состоит из фо

нем⁵¹. Морфа определялась теперь как значимая единица плана выражения, означающее, тождество которого опирается на тождественность фонемного состава. Омфоны типа англ. *rain*, *rage*, *rear* были представлены как одна морфа. Следовательно, допускалось, чтобы одна морфа соотносилась с разными морфемами и, наоборот, разные морфы выступали в роли алловариантов одной морфемы. Отождествляемые алломорфы могли быть не тождественными морфами. Отношения между этими единицами резко сместились отразив асимметрию в строевании языковых планов.

Итак, принципы отождествления морф и морфем коренным образом разошлись: морфемы отождествляются по означаемому, а морфы по означающему.

Попутно можно отметить, что противоречие, подобное тому, которое вскрыл Ч. Хоккет, существует до сих пор в грамматической традиции. Так, повсеместно принято отождествлять супплетивные формы слова (например, *есть, был, буду; иду, шел; хороший, лучше; плохой, хуже* и пр.). В то же время входящие в состав этих форм корневые морфемы многими лингвистами не идентифицируются, вероятно под влиянием диахронических представлений о разных корнях⁵². Точно так же считая тождественными формы одного падежа (например, *лес-ов, стуль-ев, рам-ф, дет-ей*), многие языковеды не согласны отождествлять те морфемы, которые придают словам тождественную форму. Признавая супплетивизм на уровне слова, эти ученые отрицают возможность подобного явления среди морфем. Вместе с тем формула о том, что слово состоит из морфем, никем не отрицается. Оказывается, таким образом, что одно и то же слово состоит из разных морфем, т. е. разные слагаемые дают одну сумму. Получается также, что тождественная форма представлена разными формальными единицами. Изменение критериев тождества в зависимости от уровня

⁵¹ Ch. Hockett. Linguistic elements and their relations. «Language», 1961, v. 37, № 1, стр. 31—32. — Позднее у американских лингвистов вызывало недоумение, как могла так долго — около 30 лет — бытовать среди них столь явная непоследовательность в подходе к морфеме (S. Lamb. Kinship terminology and linguistic structure. «American Anthropologist», 1965, v. 67, № 5, p. 2, стр. 62, примеч. 1.

⁵² См., например: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 26.

структуры (size-level) исключает понимание единиц более высоких уровней как состоящих из элементов предшествующего яруса.

Изложенные выше соображения Ч. Хоккета были позднее развиты С. Лэмом⁵³, который, желая избежать отмеченных противоречий, предложил по существу разбить процедуру отождествления одинаковых по своему размеру единиц языка на два этапа. С. Лэм выделяет пары единиц, относящихся к разным структурным уровням (или, по его терминологии, «стратумам»), и связывает их отношением репрезентации. Так, фонема — единица фонемного уровня — репрезентирует морфон, мельчайшую единицу морфемного уровня, морфема представляет лексон, а лексема репрезентирует семон, минимальную единицу семемного уровня. Одинаковые по величине сегменты в системе С. Лэма анализируются одновременно на двух соседних уровнях, причем на каждом уровне к ним применяются особые принципы отождествления: на более низком уровне порог отождествления всегда более близок, а на более высоком уровне критерии идентификации шире. Так, разные фонемы могут рассматриваться как один морфон на морфемном уровне. Например, *f* и *v* отождествляются в качестве морфонов в составе морфем *half* — *half-es*, *wife* — *wive-s*, *shelf* — *shelv-es*, *knife* — *knife-s* и пр. Разные морфемы (например, *good* и *bett-er*) должны считаться одним лексоном на лексемном уровне. Наконец, разные лексемы (например, *can* и *to be able to*) отождествляются на семемном уровне.

Таким образом, каждый сегмент проходит процедуру отождествления дважды. Принципы отождествления фонем, морфем и лексем, по-видимому, не отличаются от общепринятых. Критерии же вторичной идентификации С. Лэм специально не формулирует. «Извлечение» этих принципов из приводимых в работе примеров заставляет усомниться в их однородности. Морфоны, как и морфоне-мы, лишены инвариантных черт и их отождествление является производным от отождествления морфем. Что касается единиц более высоких уровней, то здесь картина, естественно, меняется. Если морфоны отождествлялись

⁵³ См.: S. L a m b. The sememic approach...; Он же. Kinship terminology...; S. L a m b. Outline of stratificational grammar. Washington, 1966.

на том основании, что они входят в состав тождественных морфем, то этот признак отсутствует у лексонов. Good и better не входят в состав одной лексемы, поскольку good и better не отождествляются на лексемном уровне. Основанием для идентификации на этот раз является тождество означаемых, а различия означающих на лексемном уровне в расчет не принимаются. Или иначе: на лексемном уровне С. Лэм допустил супплетивизм, а на морфемном — лишь частичные различия между означающими.

На следующем, семемном уровне выдвигаются (или скорее подразумеваются) новые принципы отождествления. Если различия в структуре лексем (слово или словосочетание) считаются препятствием для их отождествления, то на семемном уровне этот запрет снимается и такие единицы, как can и to be able to, идентифицируются. Таким образом, движение «наверх» определяется все большим отрешением от критериев формы выражения.

В системе С. Лэма есть большие достоинства. Расширяя все более принципы отождествления языковых единиц (морфем, лексем, семем), С. Лэм хорошо показывает процесс постепенного устранения дистинктивных признаков, устанавливаемых фонологией, их избыточность. Устранению, как полагает автор, подвергаются не только фонологические различия, но и грамматические, структурные расхождения. Так, для семемной структуры текста оказывается весьма безразлично, что значение «мочь» в настоящем времени и претерите английского языка выражается одним словом (can, could), а в будущем времени словосочетанием (to be able to). Можно пожалеть лишь о том, что последовательность изменения критериев тождественности, равно как и сами эти критерии для каждого уровня не были сформулированы автором. Схема С. Лэма могла бы быть дополнена данными, показывающими постепенный рост и усложнение дистинктивных средств языка в направлении от более низкого уровня к более высокому (см. ниже).

Система стратумов С. Лэма дает модель ступеней, ведущих от единиц формы к единицам содержания, от фонем к семемам. Каждая ступень знаменуется расширением принципов отождествления элементов языка. Необходимость подобной модели диктуется отсутствием не-

посредственной и однозначной связи между элементами формы и содержания. Это свойство языка обусловлено асимметрией отношений между сторонами знаков и их членимостью на незнаковые компоненты. Стратумы С. Лэма, как подчеркивает сам автор, существенно отличаются от уровней или точнее фаз (size — levels, ganks) укрупнения единиц языка по пути от морфемы к высказыванию.

В существующих ныне теориях уровней нередко объединяются части моделей «горизонтального» (от морфемы к высказыванию) и «вертикального» (от фонемы к семье) типов. Так, модель «от морфемы к высказыванию» обычно начинается с фонемного уровня, принадлежащего «вертикальной» структуре языка. Основанием подобной ошибки служит представление о том, что морфема состоит из фонем подобно тому, как слово складывается из морфем, а высказывание из слов. Фонема, как полагают, связана с морфемой тем же отношением, что и морфема со словом, а слово с высказыванием. На самом деле отношения между фонемой и морфемой отнюдь не пропорциональны отношениям между прочими элементами «горизонтальной» модели. Мы оставляем в стороне тот несомненный факт, что морфема, как единица двусторонняя, не может члениться на элементы, лишённые знаковой функции⁵⁴, а хотим обратить внимание на другое. В принципе, для образования морфемы довольно одного дифференциального признака фонемы, как это имеет место, например, в таких английских формах прошедшего времени, как *built* (от *build*), *sent* (от *send*), *bent* (от *bend*), в которых морфему претерита создает признак глухости конечного согласного. Отношения между морфемой и фонемой определяются не тем, что морфемы состоят из фонем, в то время как фонемы будто бы не могут включать в себя морфемы. Устройство языкового знака допускает и даже предполагает обратное соотношение, при котором морфема являлась бы частью фонемы. Только цели и условия использования языковых знаковых систем (необходимость выражать огромное количество значений, отличать каждую данную морфему от всех прочих морфем, наконец, необходимость в легком ком-

⁵⁴ См. об этом: А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 13.

бинировании значимых элементов, которой лишены дифференциальные признаки фонем) ведут к преобладанию в языке морфем, составленных из фонем, т. е. элементов, характеризующихся избыточностью формы. Поэтому дифференциальные признаки фонем, получая в языке деструктивную функцию, редко фиксируют за собой определенное значение. Отношение «состоит из», которое иногда обозначают индексом *C* (composed of), таким образом, не характеризует связь морфемы и фонемы, а фонематический уровень не предшествует морфемному в «горизонтальной» модели языка.

* * *

Выше было показано, что когда дескриптивисты, отказавшись от блумфилдовской семемы, которая, впрочем, никогда не фигурировала в качестве оперативного элемента описания, попытались ограничиться одной двусторонней единицей — морфемой, практика анализа вновь толкнула их на дифференциацию этой целостной единицы, расщепившейся на означающее и означаемое, морфу и морфему. На смену «морфеме — семеме» пришла новая пара «морфа — морфема», в которой морфема заняла противоположную позицию.

Итак, развитие взглядов ряда лингвистических школ свидетельствует о том, что морфема как элементарная знаковая единица, обладающая означаемым и означающим, не может удержать свое единство. Как только начинают последовательно применяться принципы отождествления морфем, эта категория некоторым образом раздваивается, обнаруживая асимметрию в строении плана выражения и плана содержания. Необходимо выяснить, является ли это несоответствие случайным, спорадическим фактором, которым можно пренебречь, или оно неизбежно для языковой структуры. Ответ на этот вопрос можно найти в закономерностях языковой эволюции. Материалы истории языков показывают развертывание тенденции к нарушению единства знака. При этом утрата тождества означаемых не зависит от нарушения тождества означающих, и лишь если сдвиг происходит одновременно в обоих планах, возникает новый знак, новый элемент языка. Фонологизация позиционных чередований, ассимиляция и диссимиляция звуков в сло-

ве, явление сингармонизма, дифтонгизация, влияние словесного ударения на произношение звуков, в частности редукция неударных слогов, разрушение конца слова и многие другие тенденции фонетического развития постоянно нарушают идентичность означающих, не затрагивая их означаемых (ср. *рук-а* и *руч-ной*, *брос-ать* и *брош-у*, *хож-у* и *ход-ил*, *бег-у* и *беж-ал*, *бер-у* и *бр-ал*, *кош-у* и *кос-ил*, *жг-у* и *жж-ет*; исп. *contar* и *cuento*, *pensar* и *pienso* *pedir* и *vido*; *in-sano*, *ir-regular*, *im-possible*; лат. *capio* и *ac-cipio*, *jasio*, и *ad-jicio*, *emo* и *ed-imo*).

Хорошо известные процессы семантического развития в свою очередь приводят к нарушению тождества означаемого морфемы, не отражаясь в то же время на ее означающем.

С другой стороны, звуковые и семантические изменения ведут к образованию новых тождеств, причем этот процесс, скорее спорадический, чем закономерный по своему характеру, также протекает в плане содержания независимо от плана выражения и, соответственно, наоборот. В результате этого процесса возникает омонимия и омосемия. Ср. совпадение форм претерита испанских глаголов *ir* и *ser* (*fui*, *fui*ste, *fue*...) и в то же время супплетевизм в системе каждого из этих глаголов (*ir*, *voy*, *fui*; *ser*, *soy*, *eres*, *fui*). Ср. также испанские омонимы *real* 'царский' (от лат. *regalis*) и *real* 'действительный' (от лат. *realis*). Отпадение конечных согласных в 1-м и 3-м лице латинского имперфекта — *ogpa*(m) и *ogpa*(t) — привело к омонимии соответствующих форм в парадигме испанского глагола. Сближение означаемых латинского плюсквамперфекта изъявительного наклонения и имперфекта сослагательного наклонения дало в испанском языке дублетные формы *adornara* и *adornase*.

Развитие языка создает весьма запутанные отношения между единицами плана выражения и единицами плана содержания. Нередки случаи возникновения частичного тождества, функционального совпадения разных знаков в определенных условиях. Например, испанские формы сослагательного наклонения замещают будущие времена во временных предложениях, ср. исп. *Cuando vengas llámame* 'Когда придешь, позвони мне'; *No sé cuando vendrás* 'Я не знаю, когда ты придешь'; *Dudo que vengas* 'Сомневаюсь, что ты придешь'. Одно и то же означающее (*vengas*) соотносится с разными означаемыми:

будущим временем изъявительного наклонения и непршедшим временем сослагательного наклонения. В то же время одно и то же означаемое (будущее время) выражено двумя формами (*vengas* и *vendrás*), которые в данном случае совершенно совпадают по функции, входя в одну и ту же систему временных противопоставлений. Таким образом, происходит подстановка одних форм вместо других в определенных позициях, в которых различия между означаемыми становятся как бы нерелевантными для их понимания. Описанное явление чрезвычайно характерно для элементов, выражающих синтаксические отношения. Переосмысление конструкций легко ведет к изменению функции входящего в них показателя отношений. Так, знак родительного падежа в предложении *Нет работы* становится позиционным эквивалентом морфемы именительного падежа в предложении *Есть работа*.

Не менее чем в синтаксисе перекрещивание функций распространено в словообразовании. Хорошо известно, что одно деривационное значение почти всегда обслуживается целой серией элементов. Для образования испанских имен со значением носителя признака используются элементы *-ón* и *-udo* (ср. *parigón*, *parigudo* 'носатый'). В то же время один и тот же суффикс почти всегда функционирует в разных семантических разрядах. Элемент *-ón*(а) в сочетании с основой существительного создает увеличительные имена (*тијегопа* 'крупная женщина') и имена, указывающие на носителя признака (*огејопа* 'длинноухая'). Более того, есть случаи, когда производные с этим суффиксом получают обратное значение отсутствия признака (ср. *габón* 'бесхвостый', *реіón* 'безволосый', 'лысый'). К этому можно еще прибавить, что в сочетании с основой глагола элемент *-ón* образует существительные со значением однократного действия (например, *естречón* 'пожатие') и деятеля (лица или предмета), ср. *трагón* 'обжора', *догмилón* 'соня'. Перекрещивание функций суффиксов ведет к созданию в языке длинной серии частичных тождеств (как формы, так и функции) среди словообразовательных элементов.

Причина столь резкого смещения означаемых и означающих относительно друг друга, особенно легко заметного в словообразовании, заключается в том свойстве слова, которое принято называть его идиоматичностью.

Под идиоматичностью подразумевается произвольность связи означаемого и означающего знака. Абсолютно идиоматичной (немотивированной) единицей языка, естественно, является простой знак — морфема. Но это свойство присуще, хотя и в разной степени, также и составным образованиям — слову, словосочетанию и предложению. Стремление к единой знаковой функции характеризует в первую очередь слово как свободную единицу языка, нивелируя в процессе его семантической эволюции отдельные значения входящих в него морфем. В ходе смыслового развития слова на образующие его элементы падает новая семантическая нагрузка. Происходит семантическое переразложение слова.

Таким образом, одной из специфических черт языка как естественной знаковой системы является тяготение составных единиц к идиоматизации, а следовательно, и к частичному опрощению. Чем сильнее эта тенденция тем больше сдвиги в отношениях между означаемыми и означающими простого знака.

* * *

Итак, употребление форм постоянно выходит за пределы одной функции. Примеров, иллюстрирующих это положение, можно было бы привести сколько угодно. Но всякий лингвист и так хорошо знает, как широко распространена во флективных языках омонимия парадигматических форм и перекрещивание функций означающих. Совершенно очевидно, что поведение двух сторон знака не следует в подобных случаях одной норме, одним закономерностям. Этим объясняется то, что в языке постоянно возникает омофония и гетерофония (алломорфия) или, иначе омосемия и гетеросемия. Поэтому совершенно справедливо говорят отдельно о законах фонетического и семантического развития.

Следует особо подчеркнуть, что если в процессе функционирования языка означающие знака ведут себя как отдельные единицы, вступающие между собой во всевозможные комбинации, то в ходе звуковой эволюции изменению подвергаются не означающие, а их части — фонемы или группы фонем. «Единицы функционирования» и «единицы развития», следовательно, никоим образом не совпадают, причем единицами развития для

плана выражения являются фонемы (или группы фонем), т. е. элементы обычно меньшей протяженности, чем означающее знака, а в плане содержания, напротив, элементы, нередко соответствующие ряду означающих — значения слов, словосочетаний и даже предложений.

Изменение фонем происходит независимо от их присутствия в том или другом элементе и очень скоро приводит к деформации знака, попадающего в процессе функционирования в разные окружения.

Изучение изменений в языковой системе дает возможность предсказать, какие категории окажутся полезными и приемлемыми в синхронном анализе и какие обречены на несоответствие материалу. «Изменяемость знака, — писал Соссюр, — есть не что иное, как сдвиг отношения между означающим и означаемым. Это определение применимо не только к изменяемости входящих в систему элементов, но и к эволюции самой системы; диахронический феномен в целом в этом и заключается»⁵⁵.

Уместно привести здесь глубокую мысль С. Карцевского, который подошел к проблеме языковой эволюции с точки зрения тождества знака. Еще в 1929 г. С. Карцевский писал: «Означающее (звучание) и означаемое (функция) постоянно скользят по «наклону действительности» (la «pente de la réalité»). Каждое из них «выплескивается» за пределы, установленные для него его партнером: означающее ищет себе иные функции, наряду со своей собственной, а означаемое стремится быть выраженным не только своим собственным знаком, но еще и другими средствами. Означающее и означаемое асимметричны. Образовав пару, они находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму знака язык может развиваться»⁵⁶.

В этом, как и во многих других случаях, трудно установить направление причинно-следственных отношений. Не менее верным, как кажется, было бы и обратное утверждение: самостоятельность и известная независимость развития языковых планов ведет к асимметричности знака в синхронной системе языка. Стоит под-

⁵⁵ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 166.

⁵⁶ S. Karcevskij. Указ. соч., стр. 93.

черкнуть, что эта особенность составляет универсальное свойство языкового знака. «Фундаментальной чертой, присущей всем языкам, — писал Е. Курилович, — является отсутствие однозначного соответствия между звуковой формой слова и его значением»⁵⁷.

* * *

Попытаемся теперь суммировать основные типы отношений между означаемым и означающим знака в их парадигматическом аспекте, отвлекаясь пока от формы означающего.

1. Отношения 1:1, т. е. одному означаемому соответствует одно означающее (ср. *паркет, десять, зима, натри-й* и пр.).

2. Отношение 1:2 (или более), т. е. одному означаемому соответствует два или более означающих. Этот тип связи, который ведет к гетерофонии (или омосемии), может быть разбит на ряд подтипов.

А. Означающие находятся между собой в дополнительном распределении относительно означаемого:

а) различия между означающими зависят от их фонологического окружения англ. *tables* [z], *part-s* [s], *coach-es* [iz], фр. *Grand Opéra* [grãd] и *grand peintre* [grã];

б) различия между означающими обусловлены контактами знакового уровня, в частности, классом доминирующего элемента (ср. в испанском языке суффикс имперфекта глаголов 1-го, 2-го и 3-го спряжений *habla-b-a* и *com-í-a*, ср. также англ. *look-ed* и *take-n*, *boy-s* и *ox-en*).

Б. Означающие находятся между собой в отношении свободного варьирования (ср. испанские дублетные формы имперфекта сослагательного наклонения *com-iese* и *com-iera*).

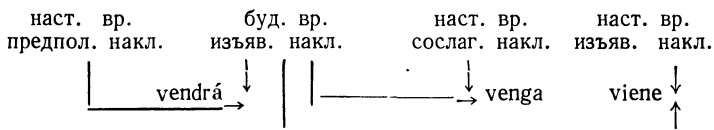
3. Отношения 2 (или более): 1, т. е. два или более означаемых соотносятся с одним означающим (ср. испанские формы типа *hablaría*, которые одновременно входят в три разных ряда противопоставлений, передавая значения условного наклонения, будущего в прошедшем и предположительного наклонения).

⁵⁷ J. Kuryłowicz. Le mecanisme différenciateur de la langue. «Cahiers F. de Saussure», 1963, № 22, стр. 47.

4. Смешанные отношения, когда одно означаемое коррелирует с одной отдельной морфемой и с морфемой, общей у него с другим значением (ср. англ. take — took, eat — ate, see — saw, come — came, run — ran). Данный тип отношений предполагает наличие совместной репрезентации).

5. Комбинированные отношения.

Перечисленные типы отношений могут выступать в чистом виде, либо комбинироваться между собой. Наиболее часто встречается сочетание отношений второго и третьего типов, ведущее в языке к образованию цепочек частичных тождеств. Так, в испанском языке значения будущего времени и настоящего времени сослагательного наклонения могут быть, в зависимости от синтаксических условий, выражены одной формой (*venga*). Между тем будущее время изъявительного наклонения имеет и свое «собственное» означаемое (*vendrá*), которое способно передавать еще и значение предположительности, отнесенной к настоящему времени. К этому следует добавить, что значение будущего времени в некоторых синтаксических позициях выражается формой настоящего времени изъявительного наклонения (*viene*). Описанную сеть отношений можно обобщить в следующей схеме:

* * *

Итак, нарушение границ членности плана выражения и плана содержания, а также невозможность установить двустороннее тождество морфемы являются закономерными следствиями развития структуры языка, в процессе которого постоянно раздвигаются, разводятся означающие и означаемые. В языке противостоят две силы. Одна из них направлена на разобшение сторон знака. Она порождена автономностью развития фонологического и семантического стратумов языка, обособленностью синтагматических и парадигматических

отношений этих двух планов. Под действием этой силы возникает варьирование знака, а следовательно избыточность языка как знаковой системы, присутствие в нем различий плана выражения, несоотносимых с различиями плана содержания. Обилие вариантов нивелируется позицией, за которой закреплен каждый из них. Понятия варьирования и позиции тесно между собою связаны.

Другая сила направлена на объединение сторон знака, на предотвращение их разрыва. Она проявляется в действии аналогии, унифицирующей гетерофоны и уменьшающей тем самым избыточность языка (алломорфию). Эта сила, нередко парализованная нормативной фиксацией вариантных форм, свойственной литературному языку, поддерживается еще и тем, что слово, являющееся частью высказывания, представляет собой свободную единицу, существующую вне речи. Отмеченная особенность слова способствует сохранению его единства, восстановлению формы, элиминации тех звуковых изменений, которые оно претерпевает, попадая в то или другое окружение.

III

В предшествующем разделе мы рассмотрели проблему отождествления элементов языка, отметив, что в практике анализа бытуют разные, то более свободные, то более строгие критерии идентификации одного и того же по своему размеру сегмента. Применение разных принципов отождествления при одинаковом членении текста создает такую ситуацию, когда одному сегменту соответствует ряд единиц, различающихся между собой степенью обобщенности (ср. фон — аллофон — фонема — архифонема — морфонема; морфа — алломорф — морфема — архиморфема).

В основе каждого ряда, однако, лежат два понятия, две главные единицы: фон — фонема, морфа — морфема. Противопоставленность этих единиц отразилась и в способах их обозначения. Для образования более абстрактных терминов стал регулярно употребляться суффикс *-ема*. Первоначально этот суффикс имел разные функции. Он ассоциировался и с простейшими единицами определенного уровня (ср. «морфема»), и с единицами,

абстрагированными от нерелевантных признаков (ср. «фонема» в противоположность звуку или звукотипу), использовался он также для обозначения совокупности простых элементов (ср. «семема», понимаемая как соединение сем). Постепенно терминологическая функция этого суффикса уточнилась, и с его помощью стали создаваться названия «инвариантных» элементов, образующих дифференциальными чертами. В последние десятилетия появился целый поток лингвистических названий с исходом на *-ема*. Напомним, что мощная волна «эмических» терминов исходила от Л. Блумфилда, предложившего такие наименования для элементов языка, как «фемема», «ноэма», «семема», «эписемема», «таксема», «тагмема» и пр.⁵⁸ Немалый вклад в «эмическое» словотворчество сделал К. Пайк. Ему принадлежат такие обозначения, как «граммема», «синтагмема», «аттерема» (от англ. *utterance* 'высказывание'), не говоря уже о «бихейвиореме», «мотифеме» и др. единицах, относящихся к человеческому поведению⁵⁹. В настоящее время эмические обозначения образуют длинный ряд, в который, помимо приведенных терминов, входят «фонемы», «морфонемы», «морфемы», «синтаксемы», «синтагмемы», «формемы», «граммемы», «грамматемы», «семемы», «семантемы», «лексемы», «фраземы», «просодемы», «интонемы», «плеремы», «категоремы» и др.

«Эмическое» словотворчество не является, однако, неограниченным. Его сковывает выбор производящей основы, которая должна соотноситься для так называемых «базисных» единиц с обозначением соответствующего аспекта языковой структуры. Кто бы ни захотел дать новое наименование выделенной им единице, ему некуда уйти от таких терминов, как «фонема», «морфема», «синтаксема», «лексема» и др. Ограничения возможностей словообразования, впрочем, не мешают всякий раз заново определять уже известные термины. Морфема, например, фигурирует то как функциональная единица, связанная тождеством означаемого, то как элемент, для которого обязательно тождество формы; то как чисто грамматическая единица, дифференциальный признак

⁵⁸ L. Bloomfield. *Language*, стр. 264.

⁵⁹ K. Pike. *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*, p. 1. Glendale, California, 1954, стр. 57 и след., 116 и след.

разных форм слова, то как любой простой знак; то как единица, состоящая из фонем, то как всякий способ выражения значений вплоть до интонации, фразового ударения, тона и даже порядка слов; то как часть слова, то как часть высказывания; то как элемент, способный к свободному функционированию, то как связанная единица. Как видно, С. Лэм имел достаточно веские основания утверждать, что «морфема» является едва ли не самым запутанным специальным термином во всей лингвистической литературе⁶⁰.

Помимо эмических названий и параллельно им образовалась серия терминов для обозначения единиц меньшей степени абстракции. Обычно они созданы путем обратного словообразования, т. е. исключения из эмического термина суффикса *-ема*. Так, рядом с «фонемой» возник «фон», рядом с «морфемой» — «морфа», «семема» начала коррелировать с «семой», «лексема» с «лексой», «тагма» стала парой «тагмемы», а «грама» — «граммемы». Впрочем, принцип парности терминов не всегда выдерживается и рядом с «таксемой» обычно не фигурирует «такса», а около «синтаксемы» нет «синтаксы». Отсутствуют пары у «ноэмы» («ной», «ноя»?) и «фемемы» («фем», «фема»?).

Два ряда терминов были соотнесены с двумя уровнями лингвистического анализа. К. Пайк, четко выразивший идею ступеней в изучении всех аспектов языковой структуры, назвал их «эмическим» и «этическим» (от исхода слова «фонетика») уровнями исследования⁶¹.

Таким образом, идея парных единиц повлекла за собой две серии соотносимых терминов и принципиальное разграничение двух уровней анализа, один из которых (а именно «эмический») стал ассоциироваться с представлением о структурном подходе к языку, а другой («этический» уровень) — с понятием о доструктурной обработке материала.

Для того чтобы несколько прояснить вопрос о единицах, соотносимых с одним речевым сегментом, не различающихся по протяженности, попытаемся разобраться в характере отношений между членами каждой пары.

⁶⁰ S. L a m b. The sememic approach..., стр. 59.

⁶¹ К. Р i k e. Указ. соч., стр. 19.

Общая идея, вкладываемая многими лингвистами в парные единицы, состоит в том, что эмический член пары (фонема, морфема и пр.) являет собой некий инвариант, относящийся к системе языка и реализуемый в речи в виде «этических» элементов (аллофонов, алломорфов и др.)⁶². Для отношений вариативности казалось несущественным, идет ли речь о сегментах плана выражения (фоны — фонемы) или о единицах плана содержания (семы — семемы), либо имеются в виду элементы знакового уровня (морфы — морфемы, лексы — лексемы). Отношения между членами этих пар принято считать однородными: «эмический» термин обозначает инвариант, а «этический» — его речевую реализацию, степень вариативности которой может быть весьма разной.

Считается, таким образом, что инвариант в чистом виде существовать не может, он лишен материального бытия, он принадлежит языку, его системе, варианты же есть материальные реализации единиц языка, присутствующие в речи. Л. Ельмслев, в лингвистической теории которого понятие инварианта играет большую роль, подразумевал под инвариантом сущность, а под вариантами образцы этой сущности⁶³. Итак, члены коррелирующих пар предстают как единицы языка (виртуальные единицы «эмического» ряда, инварианты) и единицы речи (актуальные единицы «этического» ряда, варианты). Но если инвариант одноплановой единицы определяется обычно как совокупность ее дифференциальных черт (т. е. признаков, имеющих существенное значение для структуры противоположного плана), то со знаковыми единицами дело обстоит сложнее. Выше было показано, что форма и содержание элементов языка варьируются независимо друг от друга, причем варьирование означющего переходит границы, поставленные фонологическим тождеством, а варьирование означаемого выходит за рамки, допускающие выделение семантического инварианта. Инвариант значения не может присутствовать во всех употреблении данного означющего, а инвариант формы невыделим во всех реализациях одного значения. Следовательно, инвариант должен быть отнесен только к одной из сторон знака. Поскольку тождество

⁶² Ср. у К. Эбелинга: «Морфемы есть инварианты, допускающие разные реализации» (E. E b e l i n g. Указ. соч., стр. 111).

⁶³ Л. Е л ь м с л е в. Указ. соч., стр. 320.

простой знаковой единицы — морфемы — обычно зиждется на идентичности ее означаемого, естественно ожидать, что и понятие инварианта будет отнесено также к этой более важной стороне знака. И в самом деле, в большинстве случаев, когда говорят об инварианте морфемы, имеют в виду ее основное значение, основную функцию в системе языка. Казалось бы, что и понятие вариантов также должно интерпретироваться применительно к означаемому морфемы. Но случилось иначе. Если понятие инварианта было отнесено к ее содержанию, то понятие вариантов сохранилось (по крайней мере в теории дескриптивистов) только для плана выражения. Инвариант означаемого стал соотноситься с вариантами означющего (или точнее с разными означющими). Дескриптивные формулы описания приняли следующий облик: морфема [прошедшее время] выражается алломорфами [t], [d], [ɪd] и др. Отношения между морфемой и морфемами в указанной интерпретации этих единиц существенно отличаются от отношений между фоном и фонемой. В последнем случае речь идет о вариантах и инварианте одного плана. В первом случае инвариант и его варианты принадлежат разным планам языка: инвариант — плану содержания, а его варианты — плану выражения. Понятия инварианта и вариантов, однако, по определению должны быть гомогенны. Отношения вариативности могут связывать только однородные элементы, независимо от того, являются ли они единицами плана содержания или плана выражения. Следовательно, пропорция «фонема : фон :: морфема : морфа» неверна⁶⁴.

То, что фонема считается единицей языка, абстрактной и виртуальной, лишенной материального обличия, нередко побуждает обозначать ее отношение к фону терминами репрезентация или реализация, сближая его с отношением между морфемой и морфой, которое также нередко обозначается этими же термина-

⁶⁴ Еще в 1949 г. К. Бейзел писал о том, что аналогия, установленная Ч. Хоккетом между аллофонами и алломорфами, абсурдна, поскольку аллофоны отождествляются как члены одной фонемы через их существенные черты, в то время как альтернанты морфемы признаются членами одной единицы по их функции. Английский ученый считал столь же неверной, впрочем, и аналогию между аллофонами и семантическими вариантами морфемного *Gesamtbedeutung*. (С. Е. V a z e l l. On the problem of the morpheme, стр. 218).

ми⁶⁵. Оснований для такого уподобления, как было показано, нет. Морфема относится к морфе как элемент плана содержания к единице выражения. Их связь образует знаковую функцию. Отношения подобного рода получили в лингвистической терминологии самые различные наименования. Их называют отношениями манифестации, актуализации, экспонирования (экспозиции). К ним применяют также термины реализация и репрезентация. Желательно, однако, чтобы разные типы отношений обозначались по-разному. Если в первом случае (отношение варьирования) используется термин реализация (или репрезентация), то во втором случае уместней применять термин «манифестация»⁶⁶ или «экспонирование»⁶⁷.

Резюмируем сказанное выше об отношениях между элементами языка. Отношения вариативности основываются на нерелевантных, позиционно обусловленных признаках единиц одного языкового плана (ср. варианты фонемы [а] в *мал* и *мал*, варианты означающего морфемы множественного числа в англ. *boy-s, cat-s, coach-es*. Отношения оппозитивности создаются релевантными чертами одноплановых единиц, связывая между собой элементы системы (ср. фонемы [м] и [м'] в *мал* и *мал*, признаки «предок», «первого колена», «по прямой линии», «мужчина», в означаемом слова «отец»). Этот тип отношений принадлежит парадигматике языка, объединяя единицы, взаимоисключающие друг друга в данной позиции, в классы единиц. Отношение манифестации связывают между собой элементы разных языковых планов и тем самым определяют структуру языка (ср. значение {множественное число} и [s] в англ. *cats hats, streets*).

⁶⁵ См., например: Ch. Hockett. Linguistic elements and their relations. «Language», 1961, v. 37, № 1, стр. 31, 40.

⁶⁶ Ср. у А. Мартине: «Одна сторона морфемы есть означаемое, другая — означающее, представляющее собой манифестацию первой» («Основы общей лингвистики», стр. 452).

⁶⁷ Этот термин любят применять английские лингвисты, в частности М. Холлидей. См.: M. A. K. Halliday. The categories of the theory of grammar. «Word», 1961, v. 17, № 3, стр. 268 и след.

IV

Поскольку принципом построения системы является минимальность различий между непосредственно соотносимыми единицами⁶⁸, то естественно, что системные отношения в плане содержания не совпадут с системными отношениями плана выражения. Противопоставленность означаемых соотносится с любыми структурными различиями означающих, и, наоборот, оппозиции этих последних соответствуют любым различиям плана содержания. Поэтому невозможно одновременное и параллельное описание системы выражения и системы содержания, одной системы в терминах другой системы, одних дифференциальных признаков в терминах других дифференциальных признаков. Все отношения, в совокупности своей создающие систему, связывают между собой не двусторонние единицы языка, а либо означающие (или точнее их частицы), либо означаемые (или их части) знака. Разделение этих единиц отвечает требованию системного описания языка. Необходимость разобщения сторон знака в целях моделирования языковых систем подтверждается существующим опытом использования структурных методов анализа на знаковом уровне.

Как известно, структурные методы первоначально разработаны применительно к звуковой стороне языка и лишь позднее стали проникать в сферу грамматики и лексикологии. Перенесение принципов фонологического анализа на знаковый уровень происходило в ряде случаев весьма непосредственно: одни понятия, возникшие в фонологии, трактовались в терминах означаемого

⁶⁸ Р. Годель, например, писал по этому поводу: «Задача лингвистики состоит не в констатации того, что каждый знак системы противостоит каждому другому знаку. Речь идет о том, чтобы в бесконечном множестве реализуемых оппозиций различать степень и порядок важности... Чем больше знаки сближены по форме и значению, тем важнее для системы те оппозиции, которые их различают» (R. Godel. La question des signes zéro. «Cahiers F. de Saussure». 1953, № 11, стр. 40). Роль привативных оппозиций в построении фонологической системы недавно снова подчеркнул А. А. Реформатский («Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма». В кн. «Исследования по фонологии». М., 1966, стр. 191). Трудности, возникающие при построении лексической системы языка, отчасти объясняются тем, что лексические оппозиции не всегда бывают минимальными, и в этом смысле лексическая система языка должна содержать много пустых клеток.

знака, а другие определялись в терминах его означаемого. Уже отмечалось, что многие лингвисты относили понятие инварианта к означаемым, а варианты выделяли только среди означающих. Другим примером неоднородной интерпретации системы на знаковом уровне является определение грамматических оппозиций в терминах плана содержания, а их нейтрализации в терминах плана выражения. Омонимическое совпадение форм считается выражением нейтрализации дифференциального признака. Между тем под омонимией подразумевается обычно совпадение звучаний при сохранении различий в значении, а нейтрализация, напротив, предполагает устранение различий в значении и образование архиэлемента плана содержания. Следовательно, омонимия, по определению, не может быть выражением нейтрализации грамматического дифференциального признака.

Однако не все лингвисты непоследовательны в этом вопросе. Постепенно определились две тенденции, касающиеся использования фонологических методов применительно к языковым знакам. Одни языковеды переносят структурные приемы анализа в область изучения означаемых; другие же, напротив, стремятся применить достижения фонологии к анализу означающих. Для большинства учеников Соссюра и членов пражского лингвистического кружка характерно убеждение в том, что системная организация означаемых составляет основу языка как знаковой системы. Этим определялось их внимание к плану содержания. Такие понятия, как грамматические оппозиции, маркированность членов противопоставления, их нейтрализация, инвариант и под., последовательно определялись ими в терминах означаемых. Это направление представлено известными работами Р. Якобсона о русском глаголе и падежной системе. В последние годы идея использования фонологических методов в анализе означаемых (а не двустороннего, глобального знака) подчеркивалась аргентинским ученым Л. Прието. Л. Прието видел свою задачу в том, чтобы «транспонировать» функциональный принцип, столь блестяще оправдавший себя в фонологии, в область изучения значений, заложив тем самым основы функциональной теории означаемых⁶⁹.

⁶⁹ L. Prieto. Principes de noologie, стр. 34.

Противоположная точка зрения наиболее последовательно выражена в небольшой работе Ж. Кантино о значимых оппозициях, в которой автор сознательно вводит принципы фонологического анализа, предложенные Н. С. Трубецким, в изучение знаков через их форму. Такие понятия, как различные типы оппозиций, маркированность, нейтрализация и др., он применяет только к означающим, признавая их приоритет в построении языковой системы⁷⁰.

Таким образом, одни языковеды использовали структурные методы на знаковом уровне, относя их то к означаемым, то к означающим, что мешало им добиться желаемого успеха; другие лингвисты последовательно направляли структурную методику на анализ либо означаемых, либо означающих знака. Очевидно, что при построении системы для определенного уровня или аспекта языка должен быть сделан выбор критерия.

Представляется, что на знаковом уровне системные отношения могут быть намечены только в плане содержания. Применительно к означающим можно говорить лишь о наличии или отсутствии различий между ними (а не об их противопоставленности) и об общем типе этих различий.

Системное описание языка в плане выражения дает фонологическую систему, а системное описание языка в плане содержания приводит к построению его лексической и грамматической систем. Воссоздание этой последней должно осуществляться, исходя из плана содержания, в терминах которого и определяются такие понятия, как грамматическая категория, оппозиция, дифференциальный признак, положительный и отрицательный члены оппозиции, нейтрализация, инвариант, комбинаторные варианты и под. Все эти понятия производны от более общего понятия системы, подчинены ему. Они должны поэтому всегда получать однородную интерпретацию.

* * *

Итак, отношения между означаемыми образуют функциональную систему языка. Воплощение этой системы в означающих составит структуру языка, его реаль-

⁷⁰ J. Cantineau. *Oppositions significatives*. «Cahiers F. de Saussure», 1952, № 10.

ное строение⁷¹. Структурой, таким образом, будем называть совокупность языковых средств выражения значимых оппозиций. Она определяется отношением плана содержания к плану выражения, означаемых к означающим. Изменение формы знака свидетельствует о развитии структуры языка. Изменение функции знака может говорить о преобразованиях в системе языка. Понятия избыточности и недостаточности (т. е. присутствие в языке нерелевантных различий и невыраженность значимых оппозиций) могут быть отнесены только к языковой структуре. Понятие дополнительной дистрибуции также применимо к языковой структуре, поскольку оно устанавливает отношение разных означающих к одному означаемому. Языки, обладающие одинаковой (или очень сходной) системой означаемых, могут весьма сильно различаться между собой по структуре. Поэтому типология языка определяется в гораздо большей степени его структурой, чем его системой.

Разницу между понятиями системы и структуры можно проиллюстрировать следующим примером. Для структуры латинского языка существенно наличие в нем пяти склонений имен и четырех спряжений глаголов. Однако система латинской грамматики несколько не изменилась бы, если бы эти части речи не распались на морфологические группы, а образовывали стандартные парадигмы⁷².

Морфология, выделяемая традиционно в особый раздел грамматики, составляет специфическую область

⁷¹ Испытывая потребность в отдельных терминах для обозначения организации языковых знаков со стороны их формы и значения, мы воспользовались соответственно терминами «структура» и «система». Такое употребление этих терминов, хотя и не является общепринятым, не противоречит по крайней мере прямому значению каждого из них (структура — материальное строение, состав; система — сеть отношений между некоторыми элементами). Не противоречит оно и представлению о системе как о горизонтальных связях единиц, а о структуре как о вертикальной организации языка (А. А. Рс ф о р м а т с к и й. Принципы синхронного описания языка. «О соотношении синхронного анализа и исторического описания языков». М., 1960, стр. 30).

⁷² «Можно представить себе, что все латинские глаголы перешли в первое спряжение.— писал Р. Гodel,— причем это несколько не затронуло бы структуры языка» (R. Godel. La question des signes zégo, стр. 41). Р. Гodel употреблял термин «структура» в том значении, в котором в данной работе используется термин «система».

языковой структуры, но не всегда образует связную систему, поскольку однотипным и взаимозависимым значениям могут соответствовать не только морфологические, но и другие (например, синтаксические или аналитические) способы выражения. Попутно заметим, что выделение таких понятий, как «аналитическая форма слова», «нулевой элемент», нередко продиктовано стремлением к системному описанию грамматических категорий, к совместному рассмотрению способов выражения связного ряда значений (например, системы времен) в одном разделе грамматики. Таким образом, в морфологию попадают не собственно морфологические формы, обслуживающие, совместно с флективной парадигмой, одну и ту же замкнутую систему значений.

Система значений, соответствующих отношениям между членами предложения, может выражаться как морфологическими, так и синтаксическими (порядок слов) средствами языка. Полное описание этой системы, следовательно, не укладывается в рамки морфологии. Поэтому функциональную интерпретацию морфологической парадигмы имени принято относить к синтаксису и сочетать с разбором собственно синтаксических средств⁷³.

Система языка всегда мыслится как нечто более идеальное, чем его структура. При ее построении исходят как бы из допущения симметричности знака, однородности выражения целостных систем значений. Поскольку, однако, язык не является идеальной знаковой системой, воссоздание его функциональной организации в плане содержания должно быть дополнено описанием его структуры, резюмирующим все сдвиги в соотношении между означаемыми и означающими.

В большинстве грамматик сочетается описание языка в направлении от формы к содержанию с обратным движением от содержания к форме. Представляется, что при системном подходе к языку означающие должны быть ориентированы на план содержания, на означаемые, функция — предшествовать форме. Только в таком случае удастся выявить способы передачи системных проти-

⁷³ Совершенно прав был Е. Курилович, когда писал, что функции конкретных падежей образуют единую систему с занимающими одну с ними позицию наречиями, и что невозможно системное описание тех и других в отдельности (Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 193).

вопоставлений, а не просто конгломерат дистинктивных средств, способных в принципе выражать различия в значении. Чтобы пояснить эту мысль, приведем следующий пример. Изучение форм испанского глагола (в частности, сравнение форм *hablo* 'я говорю' и *habló* 'он говорил', *hable* 'я (он) говорил бы' и *hablé* 'я поговорил') могло бы создать впечатление, что ударение играет некоторую роль в формообразовании. На самом деле это не так. Ударение, будучи дистинктивным признаком и играя немалую роль в функционировании глагольной парадигмы, оказывается, однако, нерелевантным в том смысле, что оно не служит различению форм, непосредственно соотносимых в глагольной системе, т. е. форм, минимально различающихся по своему грамматическому значению. Только описывая формы в их отношении к сети системных связей, можно отграничить морфологически релевантные способы от нерелевантных дистинктивных средств.

Различение понятий системы и структуры, т. е. своеобразие организации означаемых и означающих, есть свойство языка как естественной системы знаков, развитие которой в плане содержания обладает известной независимостью от эволюции плана выражения и приводит к нарушению отношений взаимодносзначного отображения между элементами формы и элементами значения.

* * *

В ходе предшествующего изложения речь шла о том, что в плане выражения и в плане содержания языка имеются системы, построенные на сходных принципах, а потому в равной степени поддающиеся анализу структурными методами. Иными словами, был отмечен некоторый изоморфизм в организации языковых планов.

Какова же природа этого явления? Представляется, что наличие двойной системной организации языка можно хотя бы отчасти объяснить следующим его свойством.

Знаковая функция в языке, как известно, не замыкается отношением означающего и означаемого, она имеет еще вторую ступень — название конкретных элементов коммуникации, — которая достигается через актуализацию знака в высказывании. Так, слово *тетрадь* (означающее + означаемое, т. е. знак) может быть упо-

требуется как название того или другого конкретного предмета. Отмеченная особенность языкового знака оправдывает представление о нем как о совокупности означающего и означаемого⁷⁴.

Вторая система обозначения, в отличие от первой, произвольна, это система понятий, в которой обобщены, выделены некоторые существенные или релевантные признаки элементов опыта. Организация системы понятий в силу наличия у них особой знаковой функции — способности соотноситься с конкретными предметами, входящими в коммуникацию — сходна с устройством любой системы сигнализации. И та и другая покоится на принципах релевантных и нерелевантных признаков, оппозиций, их нейтрализации и пр.⁷⁵

План выражения создает систему обозначения для плана содержания языка, означаемых, а план содержания образует систему обозначения для элементов опыта, включаемых в сообщение. Именно план содержания регулирует использование означающих в акте коммуникации, именно он обеспечивает осуществление собственно знаковой функции языка. Идентичность означаемых, например, позволяет применять разные означающие к одному денотату, и, напротив, различие означаемых позволяет использовать одинаковые означающие применительно к разным денотатам. Двуступенчатость обозначения (или знаковой функции) создает в языке как бы две системы, обладающие одним общим членом — планом содержания, через посредство которого означающие связываются с конкретными денотатами. Одна система частично входит в другую. Таким образом, язык можно представить себе как двойную знаковую систему, одна из

⁷⁴ Это суждение, впрочем, иногда вызывает толки о так называемой «ошибке» Соссюра (см., например: A. N e h r i n g. The problem of the linguistic sign. «Acta linguistica», 1950, v. VI, стр. 1, примеч. 3). А. Граур писал по этому поводу: «Означаемое не может быть частью знака, потому что знак употребляется для чего-то отличного от него самого. Говорить, что знак включает в себя то, что он означает, равносильно утверждению будто бы знак обозначает самого себя» («Zeichen und System der Sprache», Bd. I. Berlin, 1961, стр. 59; ср. также Bd. II, стр. 96 (замечание Е. Куриловича) и стр. 206 (замечание В. М. Солнцева)].

⁷⁵ Бельгийский лингвист Э. Бюиссанс даже писал: «Язык сам по себе не образует системы... Систему образует познание» (Die Sprache ist selbst kein System... Die Erkenntnis bildet ein System). См.: «Zeichen und System der Sprache», Bd. I, стр. 46—47.

которых произвольна, а другая — система понятий — мотивирована. Две ступени обозначения соотносятся с сигнификативной и денотативной функциями знака (обычно слова), реализуемыми последовательно.

То, что выражаемые в языке понятия сами по себе образуют некоторую систему, аналогичную собственно знаковым системам, подтверждается тем, что семиотические принципы оказались полезными при изучении замкнутых рядов понятий, как соотносимых с лексическими значениями слов (как, например, термины родства, обозначения цветов), так и шире, понятий, связанных с первобытным мировоззрением, религией, искусством и т. д.

* * *

Изложенные ранее соображения приводят к мысли о необходимости расчленения понятия лингвистической единицы. Если речь идет о единице языка как о термине системы — а эти категории постоянно между собой соотносятся, — то ею следует считать одну сторону знака — для плана содержания означаемое, а не целостный знак.

Очевидно, однако, что не все элементы содержания занимают одинаковое положение в системе языка. Одни из них обладают референтной функцией, другие ее лишены и участвуют в значимой организации этих первых. Таким образом, понятие единицы системы противостоит понятию отношений между единицами системы. Речь идет о синтагматических отношениях, об отношениях *in praesentia*. Однако если противопоставленность этих понятий в теоретическом аспекте вполне приемлема и, казалось бы, обещает создание стройной и строгой модели языка, то практическая задача разграничения единиц и отношений влечет с собой неисчислимы трудности. Каждый шаг, предпринятый в этом направлении, наталкивается на новые осложнения. Некоторые из возникающих в этой связи проблем будут суммарно намечены ниже.

Не вполне ясным, как известно, является вопрос оценки словосочетаний, их статуса в структуре предложения. Членение предложения на словосочетания не исчерпывает его состава и в то же время ведет к выделению ряда частично перекрывающих друг друга отрезков. Это нарушает принцип моделирования языковых единиц, согласно которому деление текста на каждом уровне долж-

но давать непересекающиеся элементы и иметь в остатке только те знаки, которые относятся к аранжировке единиц данного уровня. Есть еще и другой аргумент против того, чтобы видеть в словосочетаниях единицы синтаксического уровня. Внешние связи словосочетания образуются валентными свойствами его главного элемента. Определение к словосочетанию есть в то же время определение к его конституирующему члену. Поэтому первое членение сочетания *старые стены города* может быть двояким *старые/стены города* и *старые стены/города*. В грамматическом отношении оба деления равноценны, хотя лексические связи в подобных случаях могут быть разной степени прочности⁷⁶. Заметим попутно, что распределение связей зависит не только от лексических свойств сочетающихся единиц, но иногда и от их грамматической характеристики. Так, если одно определение имени — прилагательное, а другое — придаточное предложение или деепричастный оборот, то контакт с прилагательным будет более тесным. Первое членение следующих сочетаний не имеет альтернативы: *странный человек/которого я вчера встретил* или *странный человек/сказавший мне об этом*. Но существо дела от этого не меняется. Словосочетание, за исключением фразеологических эквивалентов слов, не ведет себя как единый блок, обладающий только совместными валентностями, определяемыми его внешними синтаксическими связями. Поэтому если считать единицами только те элементы, которые могут сочетаться с другими себе подобными элементами, то словосочетания в большинстве случаев этого свойства лишены.

Отметим еще один достаточно запутанный вопрос, связанный с разграничением единиц и отношений. Во флективных языках, в которых показатель синтагматических отношений часто входит в форму слова, последнюю нельзя, строго говоря, целиком зачислять в разряд единиц. Деление текста на единицы перестает совпадать с его естественным делением на функционально свободные отрезки (в данном случае слова).

Если же показателем отношений является служебное слово, то и тут не обходится без своих специфических

⁷⁶ Все это было убедительно показано Е. Куриловичем («Основные структуры языка: словосочетание и предложение». — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике, стр. 51).

трудностей. В служебных словах — предлогах и союзах — с их непреложной и неоспоримой функцией связи сочетается нередко еще и лексическое значение. Такие союзные слова, как *в то время как*, *в тот период как*, *в случае если* отчетливо сохраняют свое лексическое значение.

Более того, поскольку предложение (хотя бы частично) строится по цепочечному принципу, многие звенья синтагматической цепи играют роль «связных» между соседними с ними элементами. Это свойство особенно заметно у глаголов, среди которых даже выделяется особый разряд так называемых связок. Хорошо известно, что не все связочные глаголы лишены собственного лексического значения (ср. англ. *to stay*, *to remain*, *to continue*, исп. *estar*, *ir*, *venir*, *andar*, *quedar*, *verse*, *hallarse*, *encontrarse*, *seguir*, *continuar*). В испанском языке практически любой глагол может, наряду со своей основной функцией, соотносить предикативное определение с подлежащим (ср. *Juan entró cabizbajo. Ella habló afable y sonriente. Los muchachos llegaron muy contentos*).

Наличие у «промежуточных звеньев» синтаксической функции подтверждается фактами постепенной делексикализации некоторых из них (ср. русск. *несмотря на*, *по линии*, исп. *arenas*, *a pesar de*, *pese a*).

Таким образом, разграничение понятий единиц и отношений представляет нелегкую задачу, даже если к ней подойти по преимуществу с позиций плана содержания. В определении статуса ряда промежуточных, полусвязочных элементов, по-видимому, трудно обойтись без количественных оценок.

V

До сих пор речь шла о единице языка как о термине системы плана содержания. Однако не менее важно понятие единицы структуры, «манипулируемого» (по терминологии А. Хилла⁷⁷) элемента, применительно к которому формулируются правила порождения речи. Такими единицами являются не элементы содержания, а скорее, напротив, элементы плана выражения, означающие, соотнесенные с определенными означаемыми.

⁷⁷ См.: A. Hill. A postulate for linguistics in the sixties. «Language», 1962, v. 38, № 4, стр. 345.

Уместно заметить, что понятия плана выражения и плана содержания в их сосюрсовском толковании⁷⁸, а также в той интерпретации, которую дал этим терминам Л. Ельмслев⁷⁹, недостаточны для лингвистического анализа. Формула Соссюра о том, что «не бывает языковых фактов вне звукового материала, расчлененного на значимые элементы»⁸⁰, слишком обща и, пожалуй, даже прямолинейна. Можно совершенно определенно утверждать, что выразительные средства языка, или, иначе, способы формальной дифференциации значений, не сводятся к плану выражения, ограниченному звуковой цепью. Характер и количество дистинктивных средств находятся в прямой зависимости от уровня языковой структуры. Чем выше уровень, тем богаче и разнообразнее механизм дифференциации. И это вполне естественно. Новые единицы и их признаки, появляющиеся на каждом уровне структуры, могут служить средствами формального различения значений на более высоком уровне. Порядок расположения морфем и слов⁸¹, класс, к которому они принадлежат, их валентные свойства, занимаемая ими позиция, наконец, их значение служат основанием для сравнения и противопоставления единиц более высоких ярусов — словосочетаний и предложений. Вместе с появлением новых способов формального различения единиц языка падает роль фонологических элементов, которые наиболее тесно и непосредственно связаны с простым знаком — морфемой и в меньшей степени служат противопоставлению и отождествлению конструкций. Часть значимых оппозиций, функционирующих на более низких уровнях структуры, выходит из последующего анализа.

Следует заметить, что наряду с диверсификацией различительных средств идет процесс устранения дифференциальных признаков. Различия между формами, которые были соотнесены с одним значением, подлежат исключению из последующего анализа. Отождествление морфем (или точнее их означаемых) *хоб-ить* и *хож-у*,

⁷⁸ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 112—113.

⁷⁹ Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 305 и след.

⁸⁰ Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 111.

⁸¹ Совершенно прав был Е. Курилович, когда замечал, что и «чистое отношение может быть знаком» (см.: «Zeichen und System der Sprache», Bd. I, стр. 95).

бр-ать, и *бер-у*, *лет-еть* и *леч-у*, *ш-ел* и *ид-у* выводит фонематическую противопоставленность их означающих за пределы различительного механизма уровня слова.

Набор дистинктивных средств меняется от уровня к уровню: некоторые фонологические признаки утрачивают свою различительную роль, другие черты, не имеющие вообще отношения к звучанию, напротив, ее приобретают. Идея иерархии языковой структуры предполагает аналогичное расчленение языковых планов. Ведь даже сами фонологические признаки достаточно явственно распределены по уровням. Так, ударение не служит различению морфем, а интонация не выражает оппозиций ни между морфемами, ни между словами. Суперсегментные явления в принципе обслуживают значения синтаксические, а инвентарь фонем связан скорее с понятием единиц⁸².

Не следует, разумеется, полагать, что каждый способ выражения значимых оппозиций строго закреплен за одним структурным ярусом. Однако зависимость различительных средств от высоты уровня несомненно существует. В процессе развития языковой структуры способы формальной дифференциации, предпочтительно связанные с определенным уровнем, могут перемещаться, менять или расширять свою ориентацию. Эти сдвиги происходят в двух направлениях: сверху вниз, когда оппозиции между элементами более высокого уровня дифференцируют значения более простых структур, и снизу вверх, когда форма более простых единиц используется для смыслового противопоставления образований более сложных.

Примером смещений первого типа, назовем их регрессивными сдвигами, служит применение синтаксических средств для дифференциации значения слова. В таких английских предложениях, как *The water was cold* и *They water flowers* противопоставленность *water* (1) 'вода' и *water* (2) 'поливать' достигается через реализацию валентных свойств слов, их способность определенным образом сочетаться. Синтаксическая позиция становится существенной для выявления значения слова. В подобных случаях говорят о безаффиксальном

⁸² Интересные суждения о фонологических единицах разных уровней см.: А. А. Реформатский. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма, стр. 188 и след.

словопроизводстве, о нулевой аффиксации или конверсии, в зависимости от дополнительных характеристик этого явления. Приведем еще один пример регрессивного сдвига. В испанском языке синтаксическая позиция некоторых прилагательных служит их лексической дифференциации (ср. *el pobre hombre* 'бедный (несчастный) человек' и *el pobre hombre* 'бедный (небогатый) человек').

Еще более ярким примером регрессивного сдвига является использование собственно синтаксических средств (различий в сочетаемости, позиции, отношении) для разграничения значений морфем. Так, в латыни, а потом и в романских языках различие между изъявительным и сослагательным наклонениями настоящего времени передается не сменой морфем, а изменением сочетаемости одних и тех же элементов (ср. лат. изъявительное наклонение *ornat, delēt, tegit, punit* и сослагательное наклонение *ornēt, deleāt, tegāt, puniat*). Этот принцип дифференциации стал еще более отчетливым в романских языках (ср. исп. изъявительное наклонение *habla, come, vive* и сослагательное наклонение *hable, coma, viva*). Элемент *-a* (тематическая гласная) в сочетании с основами 1-го спряжения указывает на изъявительное наклонение, а в составе глаголов 2-го и 3-го спряжений образует формы сослагательного наклонения. Напротив, *-e* служит признаком сослагательного наклонения для глаголов 1-го спряжения и несет значение изъявительного наклонения в составе глаголов 2-го и 3-го спряжений. Чтобы определить форму глагола, необходимо знать, к какому классу принадлежит его основа. Оппозиция значений выражается изменением норм сочетаемости одних и тех же элементов. Этим несколько уравнивается избыточность в использовании дистинктивных средств, которая создается морфологическими классами глаголов, различающимися по форме, но утратившими противопоставленность значений. Избыточные средства — тематические гласные — приобретают функциональную нагрузку.

Более естественны и закономерны для языков прогрессивные сдвиги, т. е. использование формы простых элементов для дифференциации более высоко организованных структур. Так, явление внутренней флексии или аблаута состоит в том, что фонологические

средства используются для дифференциации не морфем, а форм слова (ср. англ. take-took, ride-rode, bite-bit.).

Морфологическое строение слова часто выражает его синтаксическую отнесенность. В этом случае говорят о «синтаксической морфологии», о способности морфем выполнять не внутрисловную, а внешнюю по отношению к слову функцию. Это свойство, как известно, характеризует все флективные языки.

Даже значения более простых единиц включаются в механизм дифференциации более высокого уровня. Различение конструкций с субъектным и объектным дополнением достигается противопоставленностью значений элементов более низкого уровня (ср. *чтение книг* и *чтение детей* или англ. the shooting of the hunters и the shooting of the lions). В этом случае можно утверждать, что определенные семантические классы слов получают синтаксическую релевантность.

Таким образом, чем выше уровень, тем разнообразней структура плана выражения, тем сложнее устройство механизма дифференциации, поскольку в него впадают дистинктивные средства, возникшие в недрах предшествующих ярусов, в том числе и значение единиц более низких уровней структуры.

Существо большинства сдвигов в использовании дифференциальных средств определяется предоставлением морфологических элементов для выражения отношений между единицами и, напротив, использованием способов выражения отношений для противопоставления значений единиц. Именно благодаря обилию подобных сдвигов формальное разделение понятия единиц и понятия отношений крайне затруднительно, если не невозможно, а области, очерченные морфологией и синтаксисом, имеют общие участки, частично накладываясь друг на друга.

Выше говорилось о том, что в языке существует некий синхронно действующий механизм дифференциации, устройство которого тесно связано с уровнями языковой структуры. Что же касается плана выражения в принятой трактовке этого термина, то это понятие сохраняет свою роль прежде всего на дознаковом уровне анализа. Нерасчлененный, единый план выражения используется в фонологических целях для выявления единиц, характеризующихся безразличием к знаковой структуре текста — т. е. фонем. Так, фонемный состав французских предло-

жений *Je l'apprends* и *Je la prends* совершенно одинаков, хотя их знаковая структура различна. Морфонологические операции, в частности признание несущественности фонологических противопоставлений в пределах определенных морфем (например, оппозиции по мягкости — твердости конечного согласного основы в парадигмах типа *стол-столе, дом-доме*), уже невозможны без обращения к морфемному строению текста. Но и в этом случае исследователь остается в пределах фонологического яруса (или плана выражения в узком значении этого термина). Таким образом, план выражения сначала в нерасчлененном виде (собственно фонология), а затем разбитый на означающие (морфонология) служит для выделения и отождествления односторонних единиц языка.

Переход к анализу знаков и в особенности состоящих из них конструкций постепенно уводит лингвиста от фонологического яруса. Понятие плана выражения обогащается и в то же время расслаивается.

Наличие разнообразных способов выражения значимых оппозиций существенно усложняет проблему единицы структуры. Означающие далеко не всегда бывают легко «манипулируемыми» кусочками материи. Они часто заключаются в «неовещественных», нематериализованных признаках, различающих между собой отрезки речи. Означающие (т. е. собственно единицы структуры) нередко имеют комбинированный характер, включая, наряду с «манипулируемым» сегментом, еще и информацию о других чертах, лежащих за его пределами (о классе соседних морфем, интонации, позиции, значении элементов, связанных с данным и под.). Дело осложняется еще и тем, что эти дополнительные черты могут оказаться переменными величинами, присутствующими в одних манифестациях данного значения и отсутствующими в других. Часть единого по функции означающего может принадлежать морфологии (т. е. «заполнителям» конструкций), другая часть может относиться к синтаксису (т. е. области организации единиц языка). Таким образом, означающие распадаются на элементы, распределенные между разными сферами, или уровнями, структуры. При моделировании языковой структуры следует ясно отдавать себе отчет в том, что чем больше усложняется означающее знака, чем разнообразней и обильней та информация, которая в него включается, тем проще

оказывается соответствующее ему означаемое. Потеря в манипулируемости и стабильности единицы структуры, внесение в нее «переменных величин», речевых «компенсаторов», запутывая проблему формы, вместе с тем существенно упрощает моделирование системы содержания. В нашей терминологии усложнение единиц структуры ведет к упрощению единиц системы.

Функциональные единицы языка, как уже говорилось, описываются в их отношении к системе содержания, состоящей из двух более частных подсистем — системы единиц и системы их значимой организации. Тем самым из общей массы дистинктивных средств выделяются в первую очередь те из них, которые служат для различения противопоставленных значений (т. е. формы, различия между которыми по значению минимальны).

М. М. ГУХМАН

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И СТРУКТУРА ПАРАДИГМ

I

Грамматическая категория рассматривается в данной статье как одна из основных единиц грамматического анализа словоизменительной системы. Иными словами, предметом рассмотрения являются грамматические категории слова. При этом в качестве исходных принимаются следующие положения:

1. Грамматическая категория является единицей языка как определенной системы (кода), а не единицей речевого отрезка. Это означает, что она соотносена прежде всего с парадигматической осью и, следовательно, представляет собой определенное построение, модель, объективно отражающую, однако, факты речи. Грамматическая категория вычленяется как и всякая категориальная единица языка в результате анализа речевых отрезков, их сегментации и сопоставления, она — результат классификации и обобщения связей и противопоставлений, установленных на основании непосредственного наблюдения над текстом. Но в отличие от других языковых единиц (фонем, морфем), которые могут рассматриваться в синтагматическом и парадигматическом аспектах, т. е. как элементы речевого отрезка и элементы системы, грамматическая категория представляет собой класс и может поэтому рассматриваться только на уровне парадигматики, хотя структурные элементы, формирующие эту категорию, и являются носителями обоих типов связей. Вполне понятно поэтому, что грамматическая категория фактически была исключена из теоретических построений американских дескриптивистов, где синтагматика занимала доминирующее положение¹.

¹ Впрочем, Ч. Хоккет включает традиционное рассмотрение грамматических категорий в свое пособие по языкознанию (Ch. Hockett. A course in modern linguistics. N. Y., 1960, стр. 230—239), ср.

2. Выделение грамматических категорий в качестве важнейших элементов грамматического анализа основывается на предпосылке, что описание структуры языка и его единиц должно осуществляться не только в терминах дистрибуции и отождествления, но и в терминах процесса (в противоположность классической модели американского дескриптивизма)².

«Возрождение» грамматических категорий словоизменительного уровня, стремление включить их в грамматическую модель все настоятельнее проявляется в последние годы³. Возможно, что это своеобразная реакция, с одной стороны, на дескриптивные грамматические модели «без слов, без парадигм, без процесса, без значения», с другой — на «глобальные» модели так называемой содержательной (*inhaltsbezogene*) грамматики, практически часто не выделяющей грамматические категории среди разных языковых единиц.

также его понимание *grammatical core* при сопоставлении грамматического строя двух языков, где грамматические категории включаются как один из элементов сравнения наряду с системой частей речи, типами конструкций и т. д. (указ. соч., стр. 265 и след). В противоречие с этой практикой ранее грамматика несколько двусмысленно определяется им в других терминах: «Грамматика, или грамматическая система языка, представляет собой 1) морфемы, которые употребляются в данном языке, и 2) построения (*arrangements*), в которых эти морфемы в соотношении друг с другом встречаются в высказывании» (указ. соч., стр. 129).

² Ср. высказывания по этому поводу, например, З. Харриса (*Har ris*. *Morpheme alternants in linguistic analysis*. «*Language*», 1942, v. 18, № 3, стр. 169—170; *Ch. Hockett*. *Two models of grammatical description*. «*Word*», 1954, v. 10, № 2—3), а также: Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова. Американский структурализм. «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 241—244.

³ Быть может, наиболее показательна в этом отношении статья Е. Куриловича «*L'évolution des catégories grammaticales*» («*Diogenes*» 1965, стр. 55—56). Отмечая, что такие категории, «как падежи (для имени существительного), времена (для глагола), степени сравнения (для прилагательных) могут рассматриваться как наиболее важная часть морфологической структуры языка», автор подчеркивает, что они образуют ядро любой описательной грамматики и представляют первостепенный интерес для языковеда см. также: Д. А. Штелли и г. О неоднородности грамматических категорий.— ВЯ, 1959, № 1; А. В. Исаченко. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения.— ВЯ, 1963, № 2. Ср. также очень интересный доклад К. Горалека «*Metodologické předpoklady historickosrovnávacího studia grammatických kategorií*».— В сб.: «*K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků*». Praha, 1958.

3. Выделение грамматических категорий слова в качестве специального предмета исследования предполагает определенную степень разграничения словоизменения и словообразования, с одной стороны, и морфологии от синтаксиса — с другой. Такой подход требует разъяснения и обоснования.

Несомненно, что в разных языках соотношение словоизменения и словообразования неодинаково. Достаточно в этой связи напомнить, что, например, в системе форм индоевропейского глагола древней поры процессы глагольного словообразования и словоизменения перекрещивались, а статус глагольных основ в парадигматическом ряду приближался к соотношению членов словообразовательного гнезда, что и отличало принципиально эту систему от оформившихся позднее глагольных систем таких языков, как германские и романские⁴. В. Скаличка отмечал в своей типологической классификации⁵, что для агглютинативных языков, в отличие от флективных, характерным является слабое противопоставление словообразовательных элементов и окончаний, т. е. словоизменительных формативов. Однако при всей возможной близости и даже интерференции этих морфологических подсистем (см. стр. 140) выделение и дифференцированное рассмотрение категорий и процессов каждой из подсистем является, с нашей точки зрения, обязательным из-за их нетождественного положения в языке. Наиболее ясно это проявляется в принципиальном отличии словообразовательной и словоизменительной систематики, что связано с разной степенью обобщенности этих единиц, являющейся следствием лексической связанности и ограниченности словообразовательных морфем и реализующихся при их участии процессов⁶. Иными словами, функциональная валентность словообразовательных и словоизменительных показателей

⁴ Подробнее см.: М. М. Г у х м а н. Структура древнегерманских глагольных основ и оформление парадигматических рядов. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, стр. 117.

⁵ См.: В. С к а л и ч к а. К вопросу о типологии.— ВЯ, 1966, № 4, стр. 29.

⁶ Е. Курилович справедливо замечает, «что словоизменительные категории представляют собой более высокую ступень грамматикализации, чем словообразовательные» (Е. Курилович. О методах внутренней реконструкции. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 428, прим.).

различна даже тогда, когда они выражают близкие или однопорядковые значения⁷. Ядро грамматической категории образуют словоизменительные формы (подробнее дальше).

4. Подобно разграничению словоизменительных и словообразовательных показателей и процессов разграничение морфологических и синтаксических образований связано с пониманием членения языковой структуры и определением специфики основных морфологических единиц.

В этой связи приходится затронуть и спорный вопрос о языковых уровнях. Очень существенным для внесения ясности в этот вопрос является уточнение, в каком значении употребляется сам термин — как обозначение некоторых приемов описания, например, порядка следования процедур лингвистического анализа или же как обозначение особого качества самой языковой структуры.

В этой работе данный термин используется прежде всего как средство членения языкового материала в целях более адекватного описания языковой структуры, представляющей собой иерархическую систему. Однако, несмотря на глобальность таких основных единиц высказывания, как слово и предложение, их строевая организация позволяет утверждать, что выделение определенных ярусов анализа (уровней) отражает объективные отношения, проявляющиеся в процессе функционирования языка. Иерархический характер языковой структуры вряд ли возможно оспаривать. Тем самым понятие уровня оказывается не только операциональным; оно соотносено с некоторыми онтологическими свойствами самого изучаемого объекта и должно с известными оговорками проецироваться в конструируемую грамматическую модель⁸. Конечно, обычная стратификация языковой

⁷ Не разграничивают словоизменительные и словообразовательные модели большинство представителей американских дискриптивистов, за исключением Л. Блумфилда и Э. Пайка. Неясна в этом отношении позиция Б. Трики, который рассматривает *friend — friends, speak — spoke* как *particular word*, хотя и выделяет словообразование и грамматическую морфологию (В. Т г я к а. *Principles of morphological analysis*, стр. 131, 133).

⁸ Ср. в этой связи высказывание Э. Бенвениста: «Основным понятием для определения процедуры анализа будет понятие уровня. Лишь с помощью этого понятия удастся правильно отразить такую существенную особенность языка, как его членораздель-

структуры представляет собой лишь упрощенную схему, лишенную возможности показать сложные взаимоотношения единиц разных ярусов, единиц, на основе которых строится любая языковая коммуникация. Но само выделение этих уровней еще отнюдь не означает нарушения целостности языковой системы, диалектического характера связей ее компонентов и т. д.

Не останавливаясь на разных уровневых схемах⁹, отметим лишь, что важнейшим отличием морфологического уровня от фонологического является знаковый характер его единиц.

Впервые это положение было сформулировано еще в тридцатые годы В. Скаличкой¹⁰, определившим грамматику в отличие от фонологии как науку о знаках¹¹; оно, естественно, имело своим следствием утверждение двусторонней значимости основных грамматических единиц, в первую очередь морфологических. Практически implicitly такое понимание этих единиц характерно для всех работ членов пражского кружка, начиная с известных статей Р. Якобсона¹². Двумерность морфологиче-

ный характер и дискретность его элементов» (Э. Бенвенист. К вопросу об уровнях. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 434); ср. также Б. Трнка: «В отличие от простых систем сигналов, система лингвистических знаков построена на основе иерархии планов или уровней» («*Philologia Pragensia*», 1961, стр. 129).

⁹ Об уровнях в концепциях дескриптивистов см., например: Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова. Указ. соч., стр. 196—200; о некоторых уровневых схемах пражцев см.: Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа.— Там же, стр. 96, 97; ср. также: Т. Трнка. On the linguistic sign and the multilevel organization of language.— TLP, 1. 1964.— В работах этого направления понятие уровня приближается к традиционному пониманию основных разделов лингвистического описания. Так, Б. Трнка в указанной статье выделяет фонологию, морфологию, синтаксис и суперсинтаксис; И. Вахек наиболее важными уровнями считает «звуковой, грамматический и лексический».

¹⁰ См.: V. Skalička. Zur ungarischen Grammatik. Praha, 1935, стр. 15; ср. также: Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа, стр. 101.

¹¹ Ср. также замечание Э. Бенвениста: «...от фонемы мы переходим к уровню знака, который может выступать в зависимости от условий в виде свободной формы или связанной формы» (указ. соч., стр. 439).

¹² R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre.— TCLP, 6, 1936; Он же. Zur Struktur des russischen Verbums. «*Charisteria Guilelmo Mathesio*».

ских единиц являлась также исходным положением в статьях автора данной работы, посвященных рассмотрению грамматической категории как единицы типологических сопоставлений¹³. Следует отметить, что это свойство грамматических единиц ставит под сомнение изоморфизм фонологического и морфологического уровней в языковой модели, хотя и не означает невозможности использования аналогичных процедур анализа и описания. Но вместе с тем двумерность грамматических единиц противоречит такому пониманию соотношения морфологии и синтаксиса, согласно которому морфологические единицы рассматриваются только в аспекте плана выражения, а синтаксические — в аспекте плана содержания. Построенные на этой основе некоторые старые грамматики¹⁴ не могли показать внутреннюю организацию морфологической системы, впрочем, их авторы к этому и не стремились, ограничиваясь описательным перечислением соответствующих форм, так как вне функционального анализа невозможно раскрыть системные связи и отношения; для грамматических же единиц функциональный анализ неразрывно связан с изучением их значения¹⁵. Поэтому соотношение морфологии и синтаксиса основывается не на противопоставлении формы значению, а на различии их предельных или максимальных единиц: в словоизменительной подсистеме таковой является слово, рассматриваемое в его грамматическом аспекте как потенциальная совокупность словоформ (парадигма или парадигматический ряд), в синтаксисе максимальной единицей является предложение, точнее — абстрактная модель предложения.

5. Введение понятия «предельная единица» оказалось необходимым, так как выделение только минимальных или элементарных единиц не отражает в полной мере специфики того или иного уровня, особенно когда речь

¹³ M. Guchmann. Grammatische Kategorie und typologische Forschungen «Zeichen und System der Sprache». Magdeburg, 1966.

¹⁴ Ср., например: Н. Paul. Deutsche Grammatik, Bd. III, IV.

¹⁵ Этим в значительной степени объясняется тот факт, что пражский функционализм в грамматических исследованиях привел к изучению в первую очередь дифференциальных признаков плана содержания. Использование принципа противопоставления при грамматическом анализе в работах Р. Якобсона, позднее А. В. Исаченко, М. Докулила и многих других основывается целиком и полностью на выделении тех или иных признаков плана содержания.

идет о знаковых уровнях. Так, выбор только морфемы в качестве единицы морфологического уровня не позволяет разграничивать словообразовательные и словоизменительные формы, что, в частности, столь характерно для иельской школы. С другой стороны, именно словоформа выступает в качестве компонента словосочетания этой элементарной единицы «более высокого» синтаксического уровня, подобно тому как в пределах фонологического уровня не элементарная единица, которой является дифференциальный признак, а фонема оказывается компонентом элементарной единицы следующего уровня — морфемы. Совершенно очевидно, однако, что двумерность грамматических единиц обуславливает значительно более сложный характер иерархических свойств грамматической системы по сравнению с фонологической¹⁶.

Одним из существенных элементов грамматической теории является рассмотрение иерархии единиц в пределах одного уровня и соотношения единиц разных уровней. Для единиц словоизменительной подсистемы на первый план выдвигается вопрос о соотношении минимальной единицы — морфемы к словоформе в целях выделения дифференциальных признаков плана выражения и плана содержания и отграничения на этой основе словообразовательных и словоизменительных морфем, с одной стороны, и словоформы от минимальной синтаксической единицы — словосочетания — с другой.

Грамматическая категория словоизменительной системы, как следует из сказанного выше, не фигурирует в качестве единицы морфологического уровня. Однако она соотносена с предельной единицей этого уровня — словоформой — и вне этой единицы не существует. Это положение является особенно важным. Подобно любой категории знакового уровня, грамматическая категория

¹⁶ Попытку В. Скалички внести уточнение в иерархию грамматических единиц нельзя называть удачной в связи с нечеткостью разграничения принятых терминов: так, сема выступает как единица и формальная и функциональная, она может совпадать с морфемой и может не совпадать, она просто грамматический элемент; неясным остается ее соотношение с семемой, обозначающей любую грамматическую единицу (сему, морфему, слово); наконец, двусмысленно соотношение названных терминов и формем, поскольку формама противопоставляется семанте (V. Skalička. Zur ungarischen Grammatik, стр. 66).

двумерна: план содержания представлен грамматическим значением, план выражения — системным набором взаимно противопоставленных словоформ (не менее двух), или парадигмой, объединенной значением этой категории¹⁷. Отсутствие названных средств выражения грамматической категории равнозначно отсутствию самой грамматической категории. Особенно существенно подчеркнуть, что сходные смысловые отношения могут получить в языке иную реализацию, но в этих случаях будут отсутствовать словоизменительные грамматические категории (лицо, число, время, вид, наклонение, залог, падеж и т. д.). Если поэтому само понятие «словоизменительная форма» или словоформа является элементом описания языка в терминах процесса, то в полной степени это относится и к понятию «грамматическая категория».

Словоформа, подобно фонеме, не опознается, а ее состав не вычленяется вне хотя бы минимального противопоставления. Стабильной в противопоставлении словоформ является лексическая основа (не всегда легко вычленяемая), переменной же величиной — маркер, отличающий одну словоформу от другой. Следует сразу оговорить, что объем значения понятия маркера словоформы и объем значения понятия морфемы не тождествен: маркером может быть не только изолированная морфема, но огласовка основы, ударение, т. е. все виды минимальных единиц плана выражения, обозначаемые нами как морфы. На уровне анализа системы словоформ маркер является отновным различительным признаком плана выражения, но по своей структуре он может быть простым, т. е. равняться одному морфу, и комплексным, т. е. равняться двум или нескольким морфам (подробнее см. в разделе IV). В русском языке *пишешь* опознается как словоформа 2-го лица настоящего времени единственного числа в ряду *пишет, пишу, пишем* в отличие от *писал* и т. д., так же, как компоненты этих словоформ, морфемы-маркеры *-(e)шь, -(e)т, -у, -(e)м* вычленяются только на основании корреляции элементов определенного ряда или микросистемы. Названные грамматические категории обнаруживаются, таким образом, не в единич-

¹⁷ Ср. в этой связи определение А. И. Смирницкого (А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове.— В сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 47).

ной словоформе, а в ряду словоформ, хотя единичная словоформа, будучи опознанной, выступает как экспонент грамматической категории и является выразителем частного значения, входящего в объем содержания той или иной грамматической категории. Поэтому можно сказать, что грамматическая категория существует и вычленяется только в парадигме. Реализатором грамматической категории является набор словоформ, а не показателей-маркеров.

Любой морф или комплекс морфов имеет валентность грамматического маркера только в качестве компонента определенной словоформы, т. е. в сочетании только с известным классом основ: ср. в русском языке морф *-у*, который в сочетании с глагольной основой оказывается маркером 1-го лица единственного числа настоящего времени, в сочетании с основой существительного женского рода — маркером винительного падежа единственного числа, а с основой существительного мужского рода — маркером дательного падежа единственного числа. Но вместе с тем соотношение грамматической категории и словоформ обычно весьма сложно: лишь в очень немногих случаях словоформа (или система словоформ) является реализатором одной грамматической категории; чаще маркеры словоформ либо объединяют несколько показателей, из которых каждый закреплен за отдельной категорией (ср. немецкую форму дательного падежа множественного числа *Wäldern*, где *-er* показатель множественного числа, а *-n* формы дательного падежа), либо в словоформе имеется один (простой, ср. нем. *Tag-e*) или комплексный маркер (*Gäst-e*, где маркер *-e* + умлаут), совмещающий функции показателя нескольких категорий (множественное число, падеж). В качестве посредствующего звена между тем классом единиц, которые мы обозначили как грамматические категории, и представленными в языковом материале словоформами, вводится понятие категоремы, т. е. схемы или модели, включающей некую лексическую основу и категориальный показатель одной грамматической категории; это позволяет вычленить из словоформы, в большинстве случаев являющейся сложным целым, однозначную грамматическую единицу или схему. Соотношение маркера словоформы и показателя категоремы (категориального показателя) отражает те же законо-

мерности. Маркер может функционировать в качестве категориального показателя разных категорий в тех случаях, когда в нем совмещается несколько грамматических функций; так, маркер словоформы *пишу* выступает в функции показателя категорем 1-го лица, единственного числа, настоящего времени и т. д. Совмещенные грамматические значения, включенные в один маркер, называются граммемами, иными словами, грамма — минимальный значимый признак, получающий реализацию в категориальном показателе и образующий вместе с ним (+ лексическая основа) категорему.

Выделяя маркер той или иной словоформы, особенно существенно учитывать две оси рассмотрения словоформ — вертикальную и горизонтальную. В первом случае рассматривается система словоформ одного слова, причем постоянной величиной является лексическая основа слова, а переменной — система словоизменительных форматов-маркеров; во втором случае статус выделенных маркеров проверяется путем подстановки разных лексических единиц, так что постоянной величиной оказывается маркер, а переменной — лексическая основа. Только вторая процедура позволяет определить строгость правил моделирования данных словоформ, порог их предсказуемости, т. е. возможность рассматривать ту или иную словоформу как категорему, формирующую определенную грамматическую категорию. В этой связи встает вопрос о соотношении грамматической категории и дифференциальных признаков плана содержания, зависящих от конкретного построения словоизменительных рядов в том или ином языке. Грамматическая категория падежа или склонения может присутствовать в языках с разным числом падежей или склонений, так что не только распределение значений между компонентами ряда будет нетождественным, но и характер самих дифференциальных признаков будет различным.

Временная парадигма, включающая два члена настоящего ~ будущее — прошедшее, и трехчленная временная парадигма (настоящее — будущее — прошедшее) основываются на разных типах противопоставлений, что не может не влиять на структуру плана содержания грамматической категории. То же самое можно сказать о категории числа, построенной на противопоставлении множественного и единственного числа (по термиоло-

гин А. В. Исаченко, «выраженной и невыраженной расчлененности») и на противопоставлении единственного, двойственного и множественного числа. Однако не только число компонентов, образующих грамматическую категорию, влияет на ее смысловую структуру, но и специфика дифференциальных признаков плана содержания в условиях численно тождественных парадигм. Л. Ельмслев в монографии, посвященной типологии падежных систем в разных языках, достаточно ясно показал различие их смысловых структур, отвлекаясь от численной стороны их компонентов¹⁸. Очевидно, что падежная система, включающая противопоставление «универсальный падеж субъекта — универсальный падеж объекта», имеет иную смысловую структуру, чем падежная система, использующая в функции субъекта и прямого объекта несколько падежей (именительный и паритив, винительный и паритив), как, например, в финском языке. Иными словами, для позиции той или иной грамматической категории в языке вопросы о структуре парадигм, о специфике дифференциальных признаков плана содержания, характеризующих отдельные члены парадигмы, не могут быть irrelevantными.

Внутренняя конфигурация грамматической категории, характер ее членности, следовательно, имеют первостепенное значение для анализа содержательной стороны словоизменительной системы конкретного языка, так же как и для суждения о грамматической типологии разных языков. В этой связи представляется целесообразным наряду с описанием той или иной грамматической категории обобщающего характера (падежа, числа, лица, времени и т. д.) выделять частные экспоненты этой грамматической категории, т. е. словоформы или группы словоформ, ее конституирующие; в этом случае не только отдельный падеж может рассматриваться как категория, но и члены залоговых и временных подсистем (действительный и страдательный залог, настоящее, будущее, перфект и т. д.). Необходимо, однако, строго ограничивать самую грамматическую категорию в целом, представленную микросистемой словоформ, и ее отдельные экспоненты, формирующие данную категорию. С этой точки зрения, грамматическая категория

¹⁸ L. Hjelmslev. La categorie du cas. Paris, 1932.

представляет собой модель или класс иерархический, так как и экспоненты ее в свою очередь неоднородны. Условно можно обозначить обобщающую грамматическую категорию (например, категорию наклонения) как категорию I степени, а ее экспоненты (например, индикатив, конъюнктив, не вводя более дробной дифференциации), как категории II степени. Выше было сказано, что грамматическая категория соотносена со словоформой и реализуется в системе взаимно противопоставленных словоформ. Грамматическая категория II степени может соотноситься в свою очередь как с более частной системой словоформ (индикатив), так и с единичной словоформой (конкретный падеж).

Для определения статуса грамматической категории необходимо уточнить тот минимум формальных характеристик, который позволяет выделить ту или иную словоизменительную грамматическую категорию в конкретном языке. Уже само утверждение, что грамматическая категория существует только как совокупность словоформ, представленная парадигматическим рядом или парадигмой, позволяет уточнить критерии. Оно служит основой для разграничения грамматических и лексических явлений, с одной стороны, морфологических и синтаксических единиц — с другой, даже при известной общности содержащегося в них значения.

II

Критерии, позволяющие отграничить словоформу от производного слова, с одной стороны, и от словосочетания — с другой, могут быть выработаны в нескольких планах: 1) в зависимости от структуры сопоставляемых форм, 2) в зависимости от закономерностей их функционирования, 3) в зависимости от их положения в системе.

Критерии первого плана относительно более прозрачны. Если словоформа в соответствии с «внутренней формой» этого термина обозначает форму слова, то границы слова в узком значении, в том или ином языке, более или менее определены¹⁹, и слово тем самым противо-

¹⁹ Мы сознательно элиминируем все сложные случаи фразеологических единиц и построений типа нем. Platz nehmen 'садиться' (занимать место), т. е. так называемых аналитических слов — англ.

стоит сочетанию слов. Поэтому неудивительно, что азерб. *китаб-да* 'в книге', *дафтэр-дэ* 'в тетради' определяется обычно как формы слов *китаб*, *дафтэр*, тем более, что характерные для сингармонизма процессы маркируют целостность приведенных форм²⁰, тогда как нем. *im Zimmer*, англ. *in the room* или русск. *в комнате* рассматриваются как сочетание служебного и самостоятельного слова, что подтверждается их раздельным написанием.

Сложнее выделение различительных признаков словообразовательных и словоизменительных форм, поскольку они образуются при помощи однотипных в структурном отношении формативов, особенно это относится к тем случаям, когда словоизменительные формативы занимают в слове позицию, которая ничем не отличается или мало отличается от словообразовательных суффиксов: ср. в агглютинирующих языках словообразовательные и словоизменительные прилепы, образующие иногда единую систему, где практически процедура разграничения формообразования и основообразования строится на ряде допущений. Насколько эти два морфологических аспекта связаны и во флективных языках, видно на примере множественного числа в немецком, где показатель дательного падежа множественного числа *-n* наращивается на основу множественного числа *Wald — Wälder — Wälder-n*, так что позиция показателя множественного числа в слове практически не отличается от позиции суффикса: ср. *Lehr-e* 'учение' — *Lehr-er* 'учитель' — *Lehr-er-s* 'учителя'²¹. Здесь нередко только положение в системе позволяет уточнить природу того или иного форматива, причем морфемы-омонимы могут оказаться единицами разных систем — словообразовательной и словоизменительной. Трудность разграничения словоизменительных и словообразовательных процессов наглядно проявляется в трактовке таких категорий, как вид или

гип away 'убежал', поскольку вопрос об их позиции в языковой системе является скорее проблемой лексикологии, чем грамматики.

²⁰ Показательно в этой связи, что например, в финно-угорских языках процесс превращения послелога в падежный аффикс сопровождается появлением сингармонизма: ср. марийск. литер. *pört dek* и диал. *pört-tök* 'к дому'.

²¹ Мы не касаемся здесь вопроса о том, что форма множественного числа некоторыми языковедами, например Ф. Ф. Фортунатовым, рассматривалась не как словоизменительная, а как словообразовательная форма.

залог. Характерно, что при анализе видовых противопоставлений часто не дифференцируются собственно грамматические и лексические противопоставления, что, в частности, привело к отнесению семантических группировок глаголов по способу действия к системе видовых форм, несмотря на то, что они не образуют обобщенных парадигматических противопоставлений²².

Если придерживаться структурного критерия в узком значении, то маркерами словоформы может быть только внутренняя и внешняя флексия, агглютинация, ударение: ср. нем. *nim* 'бери', *nimmst* 'берешь', *nehme* 'беру', где маркером первой формы при сопоставлении ее с формой 2-го лица единственного числа является нулевой флективный показатель, а ее же дифференциальными признаками при сопоставлении с формой 1-го лица является дополнительно отличие огласовки, ср. также др.-в.-нем. *kraft* — *kreft-i* 'сила — силе' (показатель дательного падежа *i*+огласовка). В русском языке точно так же возможно сосуществование двух, а в греческом трех структурно отличных признаков плана выражения для маркировки одного дифференциального признака плана содержания (комплексный маркер): ср. русск. *дом* — *дома*, где маркером второй формы является окончание +ударение, или греч. *λείπω* — *λείπωτα* 'оставляю — оставил', где показателями формы перфекта являются удвоение, огласовка, окончание. Оставляя пока в стороне вопрос об иерархии разных морфов, сосуществующих в одном маркере (см. стр. 162—169), вопрос, столь существенный для структуры парадигм, отметим лишь, что в таких агглютинирующих языках, как, например, тюркские, существует только один тип дифференциальных признаков плана выражения — агглютинация. Однако независимо от этих расхождений в структуре маркеров существенным является функционирование маркеров в пределах слова.

Все подобные словоформы могут являться и являются материальной реализацией той или иной грамматической категории словоизменительной системы. В этой связи еще раз обращается внимание на природу маркера словоформы; отнюдь не все маркеры занимают позицию

²² См.: Э. Кошмидер. Очерки науки о видах польского глагола. Опыт синтеза.— В сб. «Вопросы глагольного вида». М., 1962.

морфемы, если считать морфему мельчайшей значимой единицей языка²³. Попытка свести разнотипные показатели к морфемам, или вернее морфам, столь характерная для некоторых представителей дескриптивной лингвистики, привела к чрезвычайно сложным процедурам, нарушающим к тому же внутреннюю структуру слова: ср., например, сегментацию таких словоформ, как *went, sang, took*.²⁴, где огласовка бесспорно является маркером сильного прошедшего, но не морфемой. Характерно, что расширительное понимание морфа не только не разграничивало типы маркеров словоформ, но вело к смешению морфологических и синтаксических показателей, что фактически противоречило принципам уровневого анализа; так, З. Харрис относит к числу морф порядок следования компонентов высказывания типа *Мать любит дочь* и *Дочь любит мать*. Логически такой подход приводит к функциональному отождествлению флективного показателя и порядка слов и позволяет утверждать существование оппозиции именительный — винительный падеж, например, в таком языке, как французский (ср. *Le père aime son fils* 'Отец любит сына', *Le fils aime son père* 'Сын любит отца'). З. Харрис только потому не приходит к этому выводу, что парадигматические отношения не включаются в его дескриптивную модель. Между тем четкое разграничение маркеров единиц морфологического и синтаксического уровней является одним из важнейших принципов грамматического анализа, учитывающего иерархическую структуру языка. Более того, без этого разграничения не может быть построена адекватная модель того или иного языка, а также не может осуществляться сопоставительно-типологический

²³ Определение это, введенное фактически Л. Блумфилдом, бесспорно правильно характеризует специфику этой языковой единицы с той лишь оговоркой, что морфема является элементарной единицей только морфологии, но не синтаксиса.

²⁴ Ч. Хоккет (H. Hockett. *Problems of morphemic analysis. «Language», v...*) вводит термин *portmanteau* (слитные) морфы: например, англ. *took*, где единая морфема глагола включает вариант маркера прошедшего времени в отличие от двух последовательных сегментов в форме *wonder-ed*. З. Харрис (Z. Harris. *Methods in structural linguistics*) вводит понятия негативных морфов, морфов заместителей и т. д. Фактически эти строевые особенности (маркеров — не морфем) побудили В. Скаличку выделить более мелкую единицу — сему.

анализ разных языков. С этой точки зрения замечание Б. Трнка о нежелательности смешения морфологических и синтаксических явлений²⁵ оказывается весьма существенным и справедливым. С нашей точки зрения, невозможно включать в систему словоформ грамматической категории падежа в английском языке такой синтаксический маркер, как порядок слов, позволяющий разграничивать прямой и косвенный объект, но не дательный и винительный падеж: ср. известный пример I gave my brother the book 'Я дал моему брату книгу'. В условиях разграничения морфологических и синтаксических маркеров my brother и the book рассматриваются как контекстуальные варианты общего падежа²⁶, которому в английском языке противостоит только посессивный падеж на -s²⁷, тогда как при ином подходе принимается существование в этом языке дательного падежа.

Поэтому не только порядок слов, но и сочетание слов не может выступать в функции показателя словоформы или самой словоформы, русск. *Я начинаю писать*, нем. Ich. beginne zu arbeiten, русск. *Я стану петь* не являются глагольными словоформами, так же как и русск. *на столе, в столе, у стола, около стола, к столу*, фр. sur la table, à coté de la table, dans la table и т. д. не являются падежными формами, хотя и выражают значения, которые в тюркских или финно-угорских языках получают обозначение в системе словоформ: ср. финск. ikkunalla 'на окне (подоконнике)' (адессив), ikunalle 'на подокон-

²⁵ В. Трнка. On the linguistic sign and the multilevel organization of language, стр. 37; он пишет: «Особенно смешение морфологического уровня оппозиций с синтаксическими категориями обусловило различные ошибочные утверждения многих филологов, на пример неверную точку зрения, что французский язык обладает такой же системой падежей, что и латынь»; ср. также: М. М. Гухман. О единицах сопоставительно-типологического анализа родственных языков. «Структурно-типологическое описание современных германских языков». М., 1966, стр. 28, М. М. Г у х м а н. Grammatische Kategorie und typologische Forschungen. «Zeichen und System der Sprache». Berlin, 1966.

²⁶ Противоположной точки зрения придерживается В. М. Жирмунский (см.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Об аналитических конструкциях. «Аналитические конструкции в языках разных типов». М.—Л., 1965, стр. 50).

²⁷ Мы не касаемся здесь вопроса о том, что формант-S фактически перерастает позицию падежного показателя и становится маркером посессивных оборотов в широком значении этого слова.

ник'. Впрочем, в финно-угорских языках в большинстве случаев эти образования адвербиализовались и их место заняли послеложные, т. е. описательные образования, аналогичные по своей структуре предложным сочетаниям индоевропейских языков.

В этой связи следует отметить, что средства морфологического и специально словоизменительного маркирования более ограничены, чем синтаксические средства. Это объясняется тем, что статус компонентов словосочетания, а также позиция слова в предложении маркируется как собственно синтаксическими средствами (порядком слов, управлением, согласованием, примыканием, интонацией), так и средствами морфологического уровня, причем, однако, соотношение этих средств в построении предложения может быть разным в зависимости от особенностей структуры данного языка. Так, очевидно, что в языках с разветвленной и дифференцированной морфологической системой, с большим числом словоизменительных форм порядок слов будет в организации предложения функционально менее нагруженным, чем в языках аналитического или аморфного типа.

Исключение словообразовательных и синтаксических приемов из системы словоформ, а следовательно, и из системы показателей грамматических категорий слова вызывает необходимость остановиться на некоторых смежных и к тому же дискуссионных вопросах.

Типы функционирования словообразовательных и словоизменительных форм, с одной стороны, словоизменительных и синтаксических единиц — с другой, принципиально отличаются. Характерным признаком словоформ, конституирующих какую-либо грамматическую категорию, служит их потенциальная независимость а) от лексического значения тех единиц, с которыми сочетается показатель данной категории в процессе формообразования и б) от контекста. Потенциальная независимость словоформ по отношению к лексическому характеру тех слов, от которых они образуются, выражается в свою очередь в двух планах: а) в их предсказуемости и универсальности, т. е. возможности образовать данную словоформу или данную совокупность словоформ от любой единицы определенного разряда — так, например, образование падежных форм или множественного числа в немецком, русском, тюркских языках

практически не ограничивается и не зависит от конкретного значения того или иного существительного (исключения, например, группа *Pluralia tantum* в русском языке, ср. *ножницы, брюки* образуют замкнутую группу и как бы подтверждают общее правило); б) эта независимость выражается и в наличии некоего общего функционального инварианта, для которого иррелевантно лексическое значение конкретных основ, от которых данные словоформы образуются: так, например, инвариантом значения русских форм *гулял, писал, услышал, пропел* по сравнению с *гуляю, пишу, услышу, пропою* является так называемое значение прошедшего времени, независимо от лексического характера приведенных глагольных основ; то же самое можно сказать о немецком претерите, об азербайджанских формах прошедшего времени и т. д. С этим связана постулируемая предсказуемость словоизменяемых форм.

Что касается независимости функции словоизменяемых форм от контекста, то это положение требует некоторых уточнений. Справедливо отмечалось в литературе сосуществование в грамматических формах свободного или парадигматического и связанного или синтагматического значения. Е. Курилович писал в этой связи о первичных и вторичных функциях («первая обусловлена противопоставлением в системе, а не контекстом, вторая зависит от контекста») ²⁸. Однако первостепенно важным является тот факт, что функция, независимая от контекста, и функция контекстуально обусловленная, неравноправны. Первичная функция основывается на парадигматических противопоставлениях, она составляет ядро смысловой структуры грамматической категории и образующих ее словоформ, вторичная функция основывается на первичной, она является ее контекстуальным вариантом, но вместе с тем она может обусловить транспонирование данной формы в сферу другой грамматической категории.

Не следует, однако, игнорировать тот факт, что в некоторых случаях не так легко разграничить первичные и вторичные функции и выделить смысловой инвариант словоизменяемых форм; в первую очередь это отно-

²⁸ Е. Курилович. О методах внутренней реконструкции, стр. 429.

сится к материалу древних языков. Достаточно в этой связи напомнить существование разных точек зрения относительно смысловой структуры греческого аориста или сослаться на позицию медиума в том же языке²⁹. Однако и в применении к материалу современных языков этот подход требует детального анализа смысловых структуры тех оппозиций, в которых выступают рассматриваемые словоформы. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что фактически вне выделения иерархии дифференциальных признаков не может быть полного раскрытия смыслового содержания грамматических оппозиций.

С разграничением парадигматического инварианта и синтагматического контекстуального варианта связан и вопрос о транспозиции словоизменительных форм — процессе, значительно осложняющем соотношение грамматической категории и реализующих ее словоформ, но об этом речь будет идти в следующих разделах. Для статуса же словоизменительных форм важно обязательное наличие первичной (по терминологии Е. Куриловича), точнее — парадигматической, функции, наличие инварианта плана содержания, что в основном и делает их реализатором грамматической категории. Следовательно, и в закономерностях функционирования, определяющих статус тех или иных единиц в системе, проявляются особенности словоформ по сравнению с другими строевыми единицами.

Описанные выше особенности моделей словоизменительных форм, а также их показателей или маркеров, являются в свою очередь их различительными признаками, по сравнению со словообразовательными и синтаксическими моделями.

Так, словообразовательные превербы не только в немецком, но и в русском языках лишены возможности сочетаться с любой глагольной основой: ср. русск. *брат* — *у-брат*, *ходить* — *у-ходить*, *слышать* — *у-слышать*, но невозможно образовать формы по этому образцу от глаголов *читать*, *писать* и т. д. Аналогичные отношения характерны и для немецкого языка, где даже лексически наиболее опустошенные превербы *be-*, *er-*, *ent-*

²⁹ Относительно смысловой структуры медиума с этой точки зрения см.: М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964, стр. 32—36.

характеризуются теми же ограничениями: *sehen* 'смотреть' — *be-sehen* 'осматривать', *lachen* 'смеяться' — *be-lachen* 'осмеивать', *arbeiten* 'работать' — *be-arbeiten* 'обрабатывать', но по этой модели нельзя образовать формы от глаголов *lesen* 'читать', *stöhnen* 'стонать', *schwimmen* 'плавать' и т. д. Ни в русском, ни в немецком языке здесь не влияют и такие обобщенные характеристики глаголов, как транзитивность и интранзитивность, ибо обе группы единиц (сочетающихся с превербом и такого сочетания не допускающих) включают транзитивные и интранзитивные глаголы. Следовательно, ни универсальностью, ни предсказуемостью эти модели не обладают.

Еще более значительно различие словообразовательных и словоизменительных форм в отношении функций. Практически в преобладающем большинстве случаев в словообразовательных рядах невозможно выделить единый обобщенный инвариант: дифференциальный признак содержания у производной формы будет зависеть либо от лексической специфики производящей основы, либо от контекста. Ограничимся лишь некоторыми примерами:

а) Зависимость от производящей основы: русск. *писать* — *написать*, где при помощи преверба *на-* формируется так называемый глагол совершенного вида без изменения номинативного значения глагольной основы, *звать* — *на-звать*, где преверб вносит дополнительный оттенок в номинативное значение глагольной основы и одновременно превращает глагол несовершенного вида в глагол совершенного вида, и *ходить* — *на-ходить*, где производная основа также несовершенного вида, как и производящая основа, а преверб меняет только номинативное значение глагольной основы. Та же зависимость от производящей основы может быть продемонстрирована и на примере суффиксации в разных языках. Один из наиболее распространенных суффиксов имен существительных в немецком языке *-er* маркирует весьма различные отношения производящей и производной основы: ср. *Fisch* 'рыба' — *Fischer* 'рыбак', *Mauer* 'стена' — *Mauerer* 'каменщик', *Schule* 'школа' — *Schüler* 'ученик'; *Berlin* — *Berliner* 'берлинец', *England* — *Engländer* 'англичанин'; *fliegen* 'летать' — *Flieger* 'летчик', *lesen* 'читать' — *Leser* 'читатель', но *bohren* 'сверлить' — *Bohrer* 'сверло', *leuchten* 'светить' — *Leuchter* 'светильник';

Dampf 'пар' — Dampfer 'пароход', Dreimaster 'трехмачтовый корабль' и т. д. Наиболее обобщенным можно считать наименование производителя некоего действия, связанного по-разному с производящей основой, включая сюда наименование лиц и орудий труда, но нетрудно заметить, что сюда не могут быть отнесены такие образования, как Berliner 'берлинец' или Witwer 'вдовец', Dreimaster 'трехмачтовик' и т. д. Однако значительно более показательны в этом отношении те суффиксы, которые в той или иной степени связаны с системой грамматических категорий конкретного языка и часто включаются в грамматиках в словоизменительные системы. В этой связи можно остановиться на анализе статуса суффиксальных форм на *-ся* в русском языке. Как известно, А. А. Шахматов выделял в значении форм на *-ся* следующие залого: собственно-возвратный, обще-возвратный, косвенно-возвратный, косвенно-результативно-возвратный, взаимно-возвратный, страдательно-возвратный, кратко-пассивно-возвратный, интенсивно-безобъектный, лично-безобъектный³⁰. Если даже объединить все оттенки возвратного залога в одну функцию, все же получается ряд значений, остающихся за пределами этой обобщенной функции (безобъектность, пассивность). В. В. Виноградов, уточняя эту классификацию, дает 15 значений форм на *-ся*, в том числе «взаимно-моторное», «качественно-пассивно-безобъектное», «интенсивно-побочно-возвратное»³¹, подчеркивая при этом сложное взаимодействие лексических и грамматических значений. Такая дробность смысловой структуры глаголов на *-ся* в этих описаниях отнюдь не объясняется отсутствием стремления выделить их смысловой инвариант, но объясняется отсутствием обобщенных различительных признаков в содержании самой оппозиции «глагольная основа на *-ся* — однокорневая основа без *-ся*»: ср., например, *мыть* — *мыться*, *находить* — *находиться*, *рвать* — *рваться*, *кусать* — *кусаться*, *я не работаю* — *мне не работается* и т. д. Отсутствие обобщенного значения остается в силе и в том случае, если отдельно анализировать смысловую структуру оппозиции, где непереходный глагол на *-ся* противостоит переходному

³⁰ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 476—481.

³¹ В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1947, стр. 629—639.

глаголу без *-ся* (*мыть — мыться, строить — строить-ся, спускать — спускаться*), и смысловую структуру оппозиции, где непереходный глагол на *-ся* противопоставлен непереходному же глаголу без *-ся* (*зеленеть — зеленеть, мне не работается — я не работаю*). Хотя все глаголы на *-ся* безобъектны, и, казалось бы, безобъектность могла быть выделена как первичная функция этих форм, этому препятствует то обстоятельство, что безобъектность отнюдь не всегда является их различительным признаком в противопоставлении другим формам (а это ведь определяет функцию словоформ), поскольку глагол на *-ся* может быть производным и от безобъектной глагольной основы (см. приведенные выше примеры). Различительный признак нередко связан с чисто лексическими особенностями глагольной основы и даже не может быть выделен специально в отношении к показателю *-ся*: ср. *бегать — набегаться, гулять — нагуляться, бежать — разбежаться*. Различный смысловой признак вторых компонентов этих пар (интенсивность, достижение предела) выражен слитно «превербом + *ся*». Иными словами, в смысловой структуре форм на *-ся* в их противопоставлении глаголам без *-ся* нельзя выделить обобщенный инвариант, независимый от значения производящей глагольной основы.

б) Зависимость от контекста нередко сопровождается зависимостью от производящей основы. Так, в древнеисландском языке словообразовательная модель глагола на *-s* (*sk*) обладала сложной смысловой структурой, лишь частично напоминающей смысловую структуру русских глаголов на *-ся*: ср. *finna* 'находить' — *finnask* 'находиться', *klæða* 'одевать' — *klæðask* 'одеваться', *unna* 'любить' — *unnask* 'любить друг друга', *beiða* 'просить' — *beiðask* 'просить для себя', *breiða* 'ощупывать' — *breiðaz* 'ощупывать вокруг себя' *hræða* 'пугать' — *hræðask* 'бояться', 'пугаться', *minna* 'напоминать' — *minnask* 'вспоминать' и т. д. В отличие от русских глаголов на *-ся*, даже безобъектность не может быть выделена здесь как инвариант грамматического значения (безотносительно к оппозиции однокорневому глаголу): ср. *beiðask*, *minnask* и т. д. Но вместе с тем функция этих форм нередко варьируется в зависимости от контекста: так, глагол *finnas* (*sk*) в зависимости от контекста может означать 'находиться', 'быть' (непереходность) и

‘быть найденным’ (аффицированность); аналогичное варьирование наблюдается и в отношении других однотипных глаголов³². В приведенном примере, как и в других случаях использования форм на *-s(sk)* для обозначения аффицированности носителя глагольного признака, мы имеем контекстуальный вариант, поскольку только в определенном контексте могла проявиться данная функция у этих форм. Но выделить функциональный инвариант (первичную функцию) для того периода в чисто синхронном плане вряд ли является возможным.

Таким образом, функционирование словоизменительных и словообразовательных моделей существенно отличается и это не может не отражаться на их положении в языковой структуре в целом. С этой точки зрения положение близких по значению образований может отличаться в языках с разной степенью обособленности словоизменительных и словообразовательных моделей. Так, например, во всех индоевропейских и тюркских языках, наряду с такими образованиями, которые в обеих группах языков занимают одинаковое положение и бесспорно являются грамматическими категориями по степени обобщенности и предсказуемости (в системе имени падеж и число, в системе глагола время и наклонение), могут обнаружиться формы, близкие по грамматическому значению, но относящиеся к разным ярусам. Так, например, залог или вид может в одних языках оказаться грамматической категорией словоизменительной системы, в других — словообразовательной категорией. При этом расхождения наблюдаются в близкородственных языках: так, по мнению Э. В. Севортяна, залоговые показатели в разных тюркских языках характеризуются нетождественным положением³³. Например, в азербайджанском языке формы на *-л-* и *-н-* с медиально-пассивным значением практически не знают ограничений³⁴, т. е. обладают той же предсказуемостью, что и обычные словоизменительные формы. Однако остается вопрос о возможности выделить в оппозициях с формами на *-л-* и *-н-* обобщенный смысловой инвариант, поскольку, например, *-н-* в противопоставлении формам без *-н-* мог выражать

³² Подробнее см.: М. М. Гухман. Указ. соч., стр. 252—258.

³³ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

³⁴ Там же, стр. 501.

разные значения (столь же разнообразные, как и древнеисландские формы на -s или греческий медиум) — собственно возвратное, заинтересованность субъекта, нелетучность. В отличие от азербайджанского в других тюркских языках, особенно в языках сибирской группы, показатели залоговых отношений обнаруживают явный словообразовательный характер.

Обращаясь, однако, к флективным языкам с их четко выявленным противопоставлением словообразовательных и словоизменительных моделей, приходится вместе с тем отметить, что в системе языка в процессе функционирования моделей обоих типов происходит их сближение путем своеобразной интеграции словообразовательных моделей в словоизменительные оппозиции. Процессы эти хорошо известны и были неоднократно описаны. Они могут проявляться в разных направлениях. Практически одним из таких случаев является построение так называемых видовых оппозиций в русском языке, на которых в значительной степени держится не только смысловая структура русской временной парадигмы, но и строевое оформление этой парадигмы. Другой случай, весьма распространенный в истории индоевропейских языков, — это втягивание словообразовательных форм в словоизменительную парадигму. Процесс этот не только относится к развитию грамматического строя индоевропейских языков, но прослеживается в синхронном функционировании их строевых элементов. В русском языке центр залоговых оппозиций образуют соотношения, выработанные в системе причастий и получившие дальнейшее оформление в противопоставлении так называемых действительных и страдательных оборотов. Именно здесь достигнута максимальная обобщенность и регулярность в содержании оппозиции. Однако в результате особенностей в образовании и употреблении причастий в русском языке, не раз отмечавшихся в литературе³⁵, определенные формы глаголов на -ся вовлекаются в один парадигматический ряд с причастиями и образованными на их основе аналитическими формами. При этом употребление форм гла-

³⁵ Как известно, пассивные причастия, особенно настоящего времени, образуются далеко не от всех глаголов; с другой стороны, втягивание форм на -ся в грамматические оппозиции является частично следствием универсального характера в системе русского глагола видовых оппозиций (см.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 640).

голов на *-ся* ограничено по преимуществу категорией не-совершенного вида, тогда как наиболее продуктивные причастные конструкции связаны с совершенным видом. Тем самым создаются соотносительные видовые пары между формами глаголов на *-ся* и аналитическими формами переходного однокорневого глагола. Включаясь в эти ряды, глаголы на *-ся* как бы изолируются от специфических лексических отношений, существующих в пределах словообразовательного класса глаголов на *-ся*, и становятся звеном словоизменительных взаимоотношений и связей³⁶. В известной степени можно говорить о грамматизации словообразовательных единиц или частичной (поскольку эти отношения характеризуют лишь некоторые из единиц данной группировки) грамматизации определенной словообразовательной модели. Следовательно, словообразовательные по своей природе формы оказываются компонентами грамматических противопоставлений, как бы изменив свое положение в языковой системе, и включившись в систему средств выражения грамматических категорий. Практически в этих случаях можно говорить о существовании своеобразной омонимии словообразовательного и словоизменительного показателя *-ся*. Еще более ясно эта своеобразная омонимия форм, маркированных материально тождественным суффиксом, выступает в шведском языке в положении показателя *-s*, поскольку залоговые формы на *-s* являются обязательным компонентом парадигмы и обладают чисто грамматической регулярностью и предсказуемостью, а наряду с этим имеются и чисто лексические образования с тем же показателем: ср. *bita* 'кусать' — *bitas* 'кусаться', *förgå* 'проходить' — *förgås* 'гибнуть', а в ряде случаев *-s* не несет никакой информации, поскольку оба компонента противопоставления фактически синонимичны: *möglä* — *möglas* 'плесневеть', *kiva* — *kivas* 'браниться' и т. д.³⁷. Во всех подобных случаях изменение аспекта рассмотрения маркера, выделение в формально подобных образованиях омонимичных группировок и их отнесение к разным ярусам языковой структуры основываются на чисто синхронном рассмот-

³⁶ Ср.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2, стр. 360—363.

³⁷ Подробнее см.: М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений..., стр. 115.

рении их реального положения в языке, а не на исследовании их происхождения и развития. При этом в разных языках в отношении разных грамматических категорий может проявиться разная степень включения тех или иных лексических группировок в грамматическую парадигму — это зависит по преимуществу от регулярности и обобщенности тех отношений, которые существуют между ними и словоизменительными формами, образующими ядро парадигмы.

Со всей определенностью следует при этом, однако, подчеркнуть, что возможность при помощи тех или иных лексических группировок выразить содержание, близкое или аналогичное содержанию словоизменительных грамматических категорий другого языка, отнюдь не может служить основанием для утверждения, что и в первом языке существует подобная грамматическая категория. Так, например, на основании того, что в ряде языков существуют специальные словоизменительные формы побудительного залога и можно поэтому утверждать существование в этих языках специальной грамматической категории, вряд ли справедливо будет утверждать, что так называемые германские глаголы на *-jan* (ср. готск. *li-gan* 'лежать' — *lagjan* 'класть', но и *faurhtjan* 'бояться' и т. д.) являются особыми залоговыми формами, поскольку по этой модели образованы многочисленные непереходные глаголы, как примарные, так и деноминативные: число глагольных пар, где *-jan* являлся показателем переходности или каузативности, было весьма ограниченным, отнюдь не носило какого-либо регулярного характера³⁸ и поэтому лишено было предсказуемости. Точно так же оппозиция «переходность — непереходность» выражена в некоторых кавказских языках словоизменительными формами, тогда как в русском противопоставление *находить* — *находиться* осуществляется словообразовательным путем и не образует грамматической категории. Иными словами, значения, которые в системе одного языка реализуются в грамматических категориях, в

³⁸ В этой связи утверждение М. И. Стеблина-Каменского, что в древнескандинавских, как и в других германских языках, можно обнаружить пережитки того, «что можно было бы назвать побудительным (каузативным) залогом», вряд ли является справедливым (см.: М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М., 1953, стр. 235).

других относятся к словообразовательным категориям. Разграничение этих двух пластов является принципиально важным при определении системы грамматических категорий того или иного языка и установлении статуса каждой из них. Можно при этом указать, что разные строевые отношения имеют большую или меньшую склонность к реализации в грамматических категориях.

Если, как утверждалось выше, ядром, опорой морфологических грамматических категорий является система словоформ, то сочетание слов в принципе не может быть формой реализации этих грамматических категорий. Данное положение бесспорно, когда речь идет о сочетании двух однозначных слов. Немецкое словосочетание *ich beginne zu arbeiten* 'я начинаю работать', где полноценность обоих компонентов подчеркивается наличием *zu*, бесспорно является синтагмой, обладающей свободной заменяемостью обоих компонентов, в частности, что особенно важно, заменяемостью первого компонента (ср. *ich fange an zu arbeiten* 'я начинаю работать') и не может служить формой выражения, например, начинательного вида. Но значительно более сложен вопрос о разных типах сочетания служебного (частичного) и однозначного слова: следует ли, в связи с отсутствием столь важного критерия как цельнооформленность, так же безоговорочно их исключать из системы словоформ, реализующих ту или иную грамматическую категорию, или же надлежит избрать более дифференцированный подход, выделяя различия в статусе разных типов подобных сочетаний в грамматической системе. В рамках данной работы, естественно, не могут быть рассмотрены многочисленные типы таких сочетаний (да это и не входит в задачи, стоящие перед настоящим исследованием).

Существенно лишь отметить функциональную структурную неоднородность этих типов с точки зрения потенциальной возможности их подключения к рядам словоизменительных оппозиций на правах компонентов парадигмы, вопреки тому, что они являются не простой словоформой, обладающей цельнооформленностью, а одним из типов словосочетаний.

В этой связи приходится прежде всего отметить, что сочетание «частичное слово + однозначное слово» отличается от сочетания двух однозначных слов тем, что они занимают разную позицию в пределах синтаксического

уровня: в терминах традиционной грамматики второе сочетание представляет собой комплекс двух членов предложения, т. е. является синтагмой, тогда как первое всегда оказывается одним членом предложения и не может быть тем самым рассмотрено как синтагма. Если считать, что словосочетание является элементарной единицей синтаксического уровня, то фактически первый тип словосочетания занимает особое положение, не являясь «полноправной» единицей синтаксического уровня, но и не оставаясь на уровне морфологии, поскольку он не обладает цельнооформленностью. Именно это «промежуточное» (межуровневое) положение и обуславливает подвижность его сущностных характеристик. Могут быть выделены два крайних случая: 1) сочетания, в отношении которых наличие многофункциональности одной и той же модели (многофункциональности, зависящей от лексического значения опорного слова, а также от пестроты значения частичного слова), не допускает выделения регулярных оппозиций; это препятствует осуществлению предсказуемости и свидетельствует о том, что синтаксические черты здесь преобладают и имеют определяющий характер; 2) сочетания, в которых, напротив, обнаруживается преобладающий характер «морфологических признаков», что проявляется в наличии а) реальной неразложимости³⁹, б) обобщенности дифференциальных признаков плана содержания, в) предсказуемости⁴⁰. Условно мы назовем этот тип «морфологизованные» словосочетания,

³⁹ О реальной неразложимости глагольных аналитических конструкций, основанной на их а) идиоматичности, б) незаменимости первых компонентов, подробнее см.: М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетания частичного и полного слова. «Вопросы грамматического строя». М.—Л., 1955, стр. 339—349.

⁴⁰ См. также: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959; В. Н. Ярцева. Проблема парадигмы языка аналитического строя. «Вопросы германского языкознания». М.—Л., 1961; Она же. Проблема аналитического строя и формы анализа. «Аналитические конструкции в языках различных типов».—Ср. статьи Н. Д. Арутюновой, Э. В. Севортыана, помещенные в том же сборнике, где также высказываются разные соображения по поводу разграничения статуса разных сочетаний служебного и полного слова в разных языках. Интересно ставится вопрос в статье В. П. Недеялкова, Т. Н. Никитиной «О признаках аналитичности и служебности». Особую позицию по всем этим вопросам занимает В. М. Жирмунский (ср. его статью в том же сборнике).

фактически единственным их отличием от словоформ является отсутствие цельюоформленности.

В качестве примера первого типа сочетания, со служебным словом можно привести «предлог+имя существительное» в любом из современных индоевропейских языков: ср. многозначность сочетаний немецкого предлога *an* — 1) местное значение 'на': *an der Wand* 'на стене'; 2) связь с глагольным управлением, где местное значение совершенно исчезло: *Er dachte den ganzen Tag an seine Mutter* 'Он думал целый день о своей матери'; вместе с тем то же местное значение 'на' при другом опорном слове выражается предлогом *auf* (*auf dem Tisch* 'на столе'), а 'думать о ком-либо плохо' требует употребления не предлога *an*, но *von* — *von jemandem schlecht (oder gut) denken*; ср. также конкуренцию предлогов *in* 'в' и *auf* 'на' в сочетаниях *in die Stadt* 'в город' и *auf das Land* 'на дачу', 'в сельскую местность', где лексическое различие предлогов *in* и *auf* нейтрализуется. Конечно, возможны разные процессы, ведущие к обобщению функций таких сочетаний и к выработке у них тех или иных черт, которые выше перечислялись как критерии своеобразной морфологизации. Так, очевидно, что в английском языке статус разных предложных сочетаний в отношении обобщенности их функций будет неодинаковым. В русском языке различие статуса сочетаний с предлогом *в* и предлогом *о*, например, заключается в том, что первый из них с одинаковым (местным) значением сочетается у разных существительных с разными словоформами (ср. *в парке, в саду*), тогда как *о* сочетается с одной только словоформой (с предложным падежом), но, с другой стороны, так же как с предлогом *в* в определенных случаях конкурирует предлог *на* (*в саду, но на улице*), сочетания с предлогом *о* имеют конкурента: ср. *он пел о подвигах, о славе* и *он пел про подвиги, про славу* и т. д. Иными словами, в огромном большинстве случаев сочетание «предлог+имя» в индоевропейских языках (в равной степени «имя+последлог» в тюркских или финно-угорских языках) не обладает той суммой признаков (см. выше), которая позволяет утверждать преобладание у них морфологических черт⁴¹.

⁴¹ В этой связи А. М. Мухин справедливо замечает, что во всех подобных случаях невозможно установить систему оппозиций, членами которых являлись бы падежные формы, с одной стороны, и

В качестве же примера максимально «морфологизованных» сочетаний можно сослаться на так называемые аналитические глагольные конструкции, о которых в советской лингвистической литературе так много писалось⁴².

Быть может, не случайно приведенные выше признаки, общие у этой второй разновидности сочетаний «форма частичного слова + форма однозначного слова» со словоформами морфологического уровня, были установлены на материале глагольных сочетаний. Очень существен при этом тот факт, что бóльшая или меньшая их «морфологизация» сопровождается, в связи с указанными признаками, их структурным обособлением (в разной форме) от сходных по внешнему составу «полноправных» словосочетаний синтаксического уровня. В историческом плане эти процессы наблюдались рядом авторов на истории многих языков, в синхронном аспекте они также проявляются достаточно четко при сопоставлении «морфологизованных» и синтаксических словосочетаний: ср. невозможность употребления причастия II непереходных глаголов вне аналитических глагольных форм в других словосочетаниях в немецком языке, отсутствие определенных деепричастных форм вне «морфологизованных» сочетаний в некоторых тюркских языках⁴³, сочетание только в этих случаях вспомогательного глагола с особой именной формой, а не с причастием (супин в шведском) и т. д.

Рассматривая описанные выше отличительные признаки этих реально неразложимых словосочетаний, следует отметить, что связанность их компонентов противо-

предложные сочетания — с другой, а тем более выделить дифференциальные признаки (имеется в виду план содержания.— М. Г.) у тех и других (А. М. Мухомин. Функциональный критерий в морфологии.— В сб. «Аналитические конструкции...», стр. 205).

⁴² Ср. литературу, приведенную в примечаниях на стр. 144.

⁴³ Так, Э. В. Севортян указывает, что деепричастные формы на *-ып* и *-а*, выступающие в аналитических глагольных формах, обособляются от свободных словосочетаний не только вследствие того, что характерное для деепричастия в свободном словосочетании обстоятельство значение полностью отсутствует в аналитических формах, но и потому, что деепричастие на *-а* в некоторых языках вне аналитической формы не встречается (Э. В. Севортян. Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие от свободных словосочетаний в тюркских языках. «Аналитические конструкции...», стр. 235—237).

речит самой природе единиц синтаксического уровня: как словосочетания, так и предложения порождаются в речевом процессе по существующим в данном языке правилам их моделирования; аналитические формы в принципе являются «готовыми» единицами языка-кода, в этом отношении тождественными со словоформами в узком значении; с этим связано и их определение как «аналитических форм слова». Они в той же мере не могут быть отнесены к синтаксическому уровню, как и фразеологические единицы.

Признак реальной неразложимости, устанавливаемый на основании дистрибутивного анализа для этого типа сочетаний (см. выше, стр. 144), является предпосылкой, непременным условием обнаружения двух других признаков: функционального инварианта и предсказуемости, раскрывающихся в их соотношении с другими формами — реализаторами грамматических категорий. Наиболее ясным случаем является их подключение к уже существующей микросистеме словоформ определенной грамматической категории: так, например, в условиях существования во всех германских языках синтетических временных форм настоящего и прошедшего времени сочетания с вспомогательными глаголами *shall* и *will* в английском, *zullen* в нидерландском и *werden* в немецком реально неразложимые, обладающие функциональным инвариантом и предсказуемостью, бесспорно являются эквивалентами морфологических словоформ. Наличие функционального их инварианта, обнаруживаемое на основании анализа текста, проверяется в равной степени как их предсказуемость путем их включения в регулярные оппозиции со словоформами настоящего, а также прошедшего времени. При положительных результатах подобного анализа общая система грамматической категории времени в указанных языках должна быть определена как трехчленная (мы элиминируем здесь факт существования других аналитических временных форм в этих языках), включающая частные категории настоящего, прошедшего и будущего времени. Некоторые авторы (А. И. Смирницкий, Н. Д. Арутюнова) полагают, что для отнесения какого-либо сочетания со служебным словом к аналитическим формам определяющим является наличие в конкретном языке соответствующей микросистемы простых форм, реализующей данную грамматическую

категорию. Иными словами, только в том случае можно рассматривать описательные формы как функционально тождественные простым словоформам, если в языке уже имеется данная грамматическая категория (т. е. по меньшей мере две противопоставленные словоформы) ⁴⁴. Согласно этой точке зрения, аналитические формы способны реализовать только грамматические категории II степени в условиях существования уже обобщенной грамматической категории. Эта точка зрения представляется дискуссионной и основанной на недоразумении. Выделение аналитических форм на фоне однотипных свободных сочетаний синтаксического уровня основывается на совокупности признаков, описанных и перечисленных выше. Признаки эти, однако, не равнозначны, а образуют иерархическую систему. Так, нетрудно убедиться, что при наличии в русском языке грамматической категории падежа подключению любых, даже обладающих абстрактным значением, предложных сочетаний препятствует отсутствие у последних реальной неразложимости (взаимозаменяемость), функционального инварианта и предсказуемости. Признак грамматической неразложимости аналитической формы включает, а это имеет первостепенное значение, ее обособление от свободных, т. е. синтаксических сочетаний, именно он является первым условием вывода этих сочетаний из сферы синтаксиса: наличие функционального инварианта и предсказуемость до известной степени обусловлены этой их структурной особенностью, хотя исторически соотношение этих черт могло быть в развитии конкретных языков и иным. Для включения подобных форм в систему оппозиций отнюдь необходимым является наличие однозначных оппозиций,

⁴⁴ Наиболее прямолинейно эту точку зрения сформулировала Н. Д. Арутюнова, исключившая, например, описательные залоговые формы из системы аналитических форм глагола романских и германских языков (Н. Д. Арутюнова. О критерии выделения аналитических форм. «Аналитические конструкции...», стр. 21). Значительно более осторожен в этом отношении А. И. Смирницкий, показавший в английском языке многоступенчатую иерархию описательных глагольных форм (ср. его толкование сочетаний «will + глагол» и is working. А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 68—82). В. М. Жирмунский считает даже возможным выделять в английском языке предложный падеж с of на основании существования синтаксических падежных форм в этом языке в отличие от французского, где этих форм нет (указ. соч., стр. 52).

имеющих простую форму. Если исходить из этого принципа, то в английском языке нельзя было бы отнести к аналитическим формам не только *I am doing*, но и *I have done*, поскольку грамматическая категория вида, а также временной отнесенности реализуются в английском либо противопоставлением описательной формы — простой (*I am doing* — *I do*), либо противопоставлением двух описательных форм⁴⁵. Никакой минимальной пары простых словоформ, противопоставленных по виду, в современном английском языке нет, между тем не только А. И. Смирницкий относит *I have done*, *I am doing* к аналитическим формам, но и четко определяет, что категория временной отнесенности и категория вида реализуются противопоставлением аналитических форм простым формам. Любопытно, что и Н. Д. Арутюнова отнесла *to be writing*, так же, как и перфект, к аналитическим формам, хотя непонятно, на какие однокатегориальные оппозиции «морфологических форм слова» она при этом опиралась⁴⁶.

Между тем системные отношения, точнее наличие парадигматических связей с соответствующими синтетическими словоформами действительно являются обязательным, но в несколько ином понимании. «Морфологизация» сочетания со вспомогательным словом, т. е. его превращение в аналитическую словоформу имеется также в тех случаях, когда данное сочетание является членом минимальной оппозиции, в которой противочленом служит морфологическая форма слова (ср. приведенные выше примеры). Но при такой формулировке утверждение, что во всех германских языках нет аналитических форм пассива, основано на недоразумении. Так, очевидно, сочетание форм глагола *werden* + причастие II в немецком, обладающее а) грамматической неразложимостью, б) функциональным инвариантом, в) предсказуемостью и образующее последовательные оппозиции с синтетическими активными формами переходных глаголов, занимает в системе уровней позицию, мало чем отличающуюся от английских форм типа *to be writing*, что и позволяет, в частности, говорить о грамматической категории залога в немецком языке, реализующейся в последовательной оппозиции простых (морфологических)

⁴⁵ А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 36.

⁴⁶ Н. Д. Арутюнова. Указ. соч., стр. 90.

активных и сложных (аналитических) пассивных форм; ср. также временную оппозицию в южных немецких диалектах, где простая форма настоящего-будущего противостоит аналитической форме прошедшего (в литературном языке это форма перфекта), поскольку простое прошедшее в этих диалектах исчезло.

Нетрудно заметить, что в той формулировке, которая была предложена выше, суммируются все существенные характеристики аналитической формы (грамматическая неразложимость, возможность выделить функциональный инвариант, предсказуемость, основанная на регулярности образования), так как без них словосочетание не может стать членом морфологической оппозиции. Вместе с тем необходимо указать, что бесспорно среди глагольных сочетаний «служебное слово + полное слово» представлены модели с разной степенью обособленности от свободных сочетаний и разной степенью включенности в грамматическую систему; это относится даже к одинаковым по составу сочетаниям родственных языков. Так, сочетание «личное местоимение + глагольная форма» занимает разную позицию в системе глагольных конструкций русского, немецкого, французского языков. В русском языке при формах настоящего времени, где категория лица маркируется в самой словоформе, причем эти словоформы могут употребляться без личного местоимения (ср. известный пример «Пишу, читаю без лампы» Пушкин, Медный всадник), личное местоимение оказывается избыточным, а построение *я пишу, я читаю* выступает в функции свободного словосочетания, т. е. не является аналитической формой. Не так ясен вопрос о положении построения *я писал, я читал*, поскольку местоимение здесь является единственным маркером категории лица и не может рассматриваться как избыточное. Взаимосвязанность и противопоставленность форм настоящего и прошедшего времени, как членов единой глагольной парадигмы, приводит к тому, что *я* попадает в один ряд с маркером 1-го л. ед. ч. *-у*, что как будто говорит в пользу того, чтобы признать в русском языке существование аналитической формы грамматической категории лица в глаголе. Сопоставляя рассмотренные построения на синтагматическом уровне, мы обнаруживаем, что *я* в отрезках *я пишу* и *я писал* материально тождественны, так же как они тождественны тому же местоимению в по-

зиции предикатива (ср. *Кто там?— Это — я*). Иными словами, *я в я писал* не обособляется от *я* в других позициях, тем более что, в отличие от ударности этого местоимения в предикативе, при сочетаниях типа *я пишу, я писал* местоимение может быть как ударным, так и безударным.

Иное положение имеется в немецком языке. По степени дифференцированности обозначения лица в самой словоформе здесь различаются как формы настоящего и прошедшего времени, так и формы единственного и множественного числа (ср. *nehme, nimmst, nimmst, но nehmen wir и sie*), поэтому в одних случаях можно говорить об избыточности местоимения, в других — нельзя, но (и это является важнейшим отличием позиции приглагольного местоимения в немецком и русском) вопреки этим различиям постановка личного местоимения при глаголе является для немецкого языка нормой; поэтому маркер категории лица в немецком комплексный — глагольное окончание + личное местоимение (в претерите 1-е и 3-е л. ед. ч. имеет нулевое окончание). Вместе с тем те же личные местоимения могут выступать и в позиции предикатива: *Das bin ich* 'Это — я'. Наконец, во французском языке имеется совершенно четкое обособление приглагольных местоименных показателей *je, tu, il* от местоимений, стоящих в иной синтаксической позиции — *moi, toi, lui*, что и позволяет рассматривать первый ряд как аналитические формы категории лица.

Рассмотрением разных переходных случаев, с одной стороны, примыкающих к аналитическим формам, с другой — к свободным словосочетаниям синтаксического уровня, занимались на материале многих языков разные ученые: на материале германских языков — О. И. Москальская, выделившая наряду с собственно аналитическими формами также существование полуморфологизованных сочетаний с грамматической направленностью, М. И. Стеблин-Каменский, С. С. Маслова-Лашанская, на материале тюркских языков Э. В. Севортьян и А. А. Юлдашев. Но чаще всего эти переходные случаи, даже наиболее примыкающие к аналитическим формам, не обладают всей совокупностью рассмотренных выше признаков, следовательно, не являются членами глагольной парадигмы и не участвуют в реализации грамматической категории морфологического уровня.

Сопоставляя сказанное выше о тех случаях, когда словоизменяемые оппозиции, реализующие грамматическую категорию, втягивали словообразовательные единицы с включением в те же оппозиции особого типа словосочетаний, можно отметить общие черты, характерные для них в реализации грамматической категории. И в том и в другом случае имелось обособление рассматриваемых единиц от парадигматических связей с единицами того уровня, к которому они относились по строевым признакам, а иногда и по закономерностям функционирования. С другой стороны, наблюдалось полное или частичное уподобление функциональным особенностям словоформ, уподобление позиции, занимаемой ими в системе. Обращает на себя внимание тот факт, что вопреки строевой противоположности простой и аналитической формы именно этот разряд форм функционально, а следовательно, и по системному статусу, оказывается наиболее близким к простым словоформам, полностью включаясь в парадигму и образуя вместе с простыми словоформами ядро грамматической категории. Напротив, словообразовательные единицы либо (что редко) полностью порывают со словообразовательной системой и тогда функционально и в строевом отношении не отличаются от обычных словоформ (см. формы на *-s* в шведском), либо (что значительно чаще) вступают в сложные связи с системой словоформ, лишь частично вовлекаясь в оппозиции и оказываются тем самым на периферии форм, реализующих данную грамматическую категорию.

III

Выше указывалось, что грамматическая категория слова, как всякая единица знакового уровня, двумерна. План содержания образует грамматическое значение, план выражения — совокупность определенным образом организованных словоформ. Минимальной для реализации грамматической категории является словоизменятельная подсистема, включающая два соотнесенных члена, ср. падежную систему в датском или систему времен в готском языке. Невозможно существование грамматической категории, реализующейся в одной форме. Так, во французском языке, где имеется только назывная форма существительного, практически отсутствует грамматическая

категория падежа. Категория рода или класса существительных является грамматической только в тех языках, где специальные словоформы создают регулярные ряды противопоставленных единиц. С этой точки зрения род существительных ни в немецком, ни в русском языках не является словоизменительной грамматической категорией⁴⁷. Но, вместе с тем, вряд ли справедливо распространное положение об обязательности в моделировании грамматических категорий двучленных привативных оппозиций⁴⁸. Бесспорно, в ряде языков можно реально обнаружить этот тип оппозиций; так, например, в готском языке временная парадигма в системе форм актива включает два члена — презенс и претерит (ср. от глагола 'класть' *lagiþ-lagida*), причем маркированным, т. е. сильным членом смысловой оппозиции является претерит: основным содержанием оппозиции было противопоставление процесса, протекавшего или совершившегося в прошлом (претерит), процессу, не характеризующемуся этим признаком (презенс); форма презенса обозначала процесс, соотношенный с настоящим, будущее время, вневременной процесс, прошедшее⁴⁹. Однако этот тип оппозиций представляет собой лишь частный случай построения парадигматических систем. При этом даже в двучленных оппозициях интерпретация того или иного члена, как сильного или слабого, не всегда однозначна, но зависит нередко от точки зрения исследователя: так,

⁴⁷ Мы не рассматриваем с этой точки зрения проблему частей речи, поскольку они образуют особую систему. Если их и можно называть грамматическими категориями (как это делает, в частности, О. П. Суник), то это категории особого типа, не связанные с основными процессами морфологического уровня.

⁴⁸ После известных работ Р. Якобсона (см.: Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа) особенно настаивает на этом положении А. В. Исаченко (ср. А. В. Исаченко. О грамматическом значении.— ВЯ, 1961, № 1; Он же. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения.— ВЯ, 1963, № 2. Этот принцип последовательно проводится и в его двухтомной монографии «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким»). На двучленности противопоставления, образующего грамматическую категорию, настаивал также Д. А. Штеллинг. Он писал, что грамматическая категория является противопоставлением двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм (см.: Д. А. Штеллинг. О неоднородности грамматических категорий.— ВЯ, 1959, № 1, стр. 56).

⁴⁹ См.: «Сравнительная грамматика германских языков», т. IV. М., 1966, стр. 252—253.

залоговая оппозиция в готском (актив — медиопассив) может быть интерпретирована 1) как противопоставление центробежного процесса (актив=сильный член) — нецентробежному процессу (медио-пассив=слабый член)⁵⁰, 2) как противопоставление процесса, характеризующегося субъективной соотносительностью (медио-пассив=сильный член) процессу, где этот признак отсутствует (актив=слабый член), 3) наконец, как двучленная эквиполентная оппозиция, где противопоставляются два сильных члена: процесс, маркированный объектной соотносительностью (актив) — процессу, маркированному субъективной соотносительностью (медио-пассив)⁵¹. Четкое разграничение парадигматического и синтагматического планов далеко не всегда может здесь внести определенность в силу сложности процедуры выделения абсолютного инварианта и разграничения первичных и вторичных функций (см. выше). Значительно более строгий критерий был выдвинут М. Докулилом в связи с требованием, чтобы в условиях морфологической корреляции немаркированная форма как правило могла замещать маркированную⁵². Такое понимание крайне ограничивает случаи привативной оппозиции, т. к. и готская временная парадигма им не удовлетворяет; случаи нейтрализации противопоставления «презентс — претерит» буквально единичны. Рассматривая систему этого языка с точки зрения концепции Докулила, можно прийти к выводу, что привативные оппозиции в собственном значении слова не играют сколько-нибудь решающей роли в морфологии готского языка, так же как это отмечал в отношении чешского языка М. Докулил. Полагаем, что подобное же положение может быть

⁵⁰ См.: М. М. Гухман. Залоговые противопоставления в германских языках, стр. 38.

⁵¹ Об уязвимости концепции, абсолютизирующей позицию двучленных привативных оппозиций, см.: Е. И. Шендельс. О грамматической полисемии. — ВЯ, 1962, № 3; особенно работы: М. Докулил. K otázce morfologických protikiadů. — SaS, 1958, т. XIX, ч. 2, стр. 88; ср.: А. В. Бондарко. Система времен в современном русском языке. — ВЯ, 1962, № 3, стр. 33 (он пишет: «Было бы ошибочным также преувеличивать роль привативных противопоставлений, игнорируя оппозиции эквиполентные (равнозначные), члены которых логически равноправны»), ср. также сдержанные высказывания Х. Кржижковой (Н. Кřížková. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм. TLP, Praha). Подробнее об этих проблемах см. статью Т. В. Булыгиной, помещенную в данной книге.

⁵² М. Докулил. Указ. соч.

продемонстрировано и в отношении других языков, являясь своего рода универсальной чертой.

Грамматическая категория может быть представлена не только двучленной, но и трехчленной системой (ср. актив — медиум — пассив в греческом, систему наклонений в древних германских языках и т. д.), она может быть представлена многочленной парадигмой (ср. падежные системы в русском, тюркском, финно-угорских языках). Внутри этих многочленных систем можно выделить бинарные оппозиции (например, в трехчленной системе наклонений немецкого языка противопоставление обозначения процессов как обусловленных, предполагаемых, желательных и т. д., т. е. конъюнктив, императив, обозначению процессов, лишенному этих признаков, т. е. индикативу); однако подобные процедуры оказываются полезными только в том случае, если они не подменяют структуры трехчленной парадигмы и не препятствуют раскрытию сложных взаимосвязей внутри самой парадигмы. Ср. также в системе форм категории лица, выделение «я» и «не я». Таким образом, грамматическая категория может реализоваться в любой парадигматической системе словоформ: существует лишь минимальная граница — двучленность, поскольку при ее отсутствии нельзя говорить о существовании словоизменительных форм вообще.

Специфика значения грамматической категории слова определяется не тем, что означает, а тем, как означает. Иными словами, системы денотатов грамматических категорий в разных языках могут не совпадать, техника моделирования самих значений может различаться, но существует определенный минимум структурных критериев (см. выше), необходимый для выделения грамматической категории, и именно он определяет отличительный характер значения. Расхождения в отборе денотатов касаются не только грамматических категорий II, но и I степени. В этой связи интересно, что в ряде языков, например, в тюркских языках имя (в предикативной позиции) получает личные показатели в словоформе: ср. *мэн студенты-м* 'я студент', т. е. грамматическая категория лица включается в систему грамматических категорий как имени, так и глагола. Притяжательность, определенность и неопределенность маркируются в некоторых языках специальными формативами словоизменительно-

го характера и выступают в этой связи в качестве именных грамматических категорий и т. д. Иными словами, состав грамматических категорий слова варьируется по языкам и перечень их представляет относительно открытый ряд, поскольку всегда может обнаружиться в неизученном языке еще одна грамматическая категория этого уровня, денотат которой имел иное выражение в известных нам языках⁵³. В известной степени можно говорить о бóльшей или меньшей частотности определенных грамматических категорий в языках мира. Так, по-видимому, категория падежа или числа более распространена, чем категория рода или класса.

Вопрос о грамматических категориях слова в языках со слабо выраженным разграничением морфологического и синтаксического уровней связан с рассмотрением структуры слова — проблемой, для этих языков весьма дискуссионной. Вопрос о том, являются ли в китайском языке определенные типы «пустых» слов функциональными эквивалентами словоизменятельных морфем, зависит от их позиции в системе, от наличия или отсутствия у них тех признаков парадигматических единиц словоизменятельного уровня, которые были описаны выше. Не исключена возможность, что упоминавшиеся грамматические категории слова будут отсутствовать в китайском языке и им будут соответствовать близкие по значению синтагматические единицы.

Вместе с тем следует упомянуть, что помимо грамматических категорий слова, обладающих всеми перечисленными признаками, существуют обобщенные значения, условно определяемые нами как лексико-грамматические⁵⁴, которые получают реализацию не в особых при-
сущих им формах, но через особенности парадигмати-

⁵³ Так, например, грамматическая категория времени отсутствует в ряде языков, что, конечно, отнюдь не означает, что на этих языках нельзя выразить временную соотнесенность или последовательность. То же самое относится и к категории вида, определенности и неопределенности и т. д. В малоизученных языках могут выявиться в качестве грамматических категорий денотаты, получавшие совершенно иное обозначение в индоевропейских языках.

⁵⁴ И. Польдауф выделяет частично в этой же связи абстракции, находящиеся как бы на границе лексической и грамматической абстракции, называя их лиминальными (И. Польдауф. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида. «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 79—80).

ки других категорий. К таковым в ряде языков относятся переходность и непереходность, определяющие состав залоговых форм; в немецком языке аспект, так как он определяет частично выбор вспомогательного глагола в аналитических формах времени; род, определяющий в русском языке падежные формы и т. д. Быть может, целесообразно их назвать лексико-грамматическими категориями. Нет нужды специально подчеркивать, что те же денотаты могут в других языках получить отражение в определенной грамматической категории, реализующейся в системе специальных словоизменительных форм.

При сопоставлении грамматических и лексических значений часто обращают внимание на разный характер абстракции грамматических и лексических единиц⁵⁵. Особенности в характере абстракции у этих единиц связаны, однако, со структурой плана содержания, обусловленной закономерностями их функционирования, т. е. разным характером у них парадигматических отношений. В качестве такой структурной особенности грамматического значения, реализующегося в грамматической категории, иногда указывается наличие инвариантности. А. В. Исаченко неоднократно подчеркивал, что «грамматическое значение остается во всех текстах инвариантным»⁵⁶, причем под инвариантным понимается такое грамматическое значение, которое сохраняется «во всех контекстах при любом употреблении данной формы, т. е. значение, лишенное всякой избыточности»⁵⁷. Практически при таком определении грамматического инварианта снимается разграничение парадигматических и синтагматических характеристик, столь существенное для определения центральных и периферийных значений, стилистически обусловленных и нейтральных. Подобное понимание инварианта опирается на известное высказывание Ельмслева: «Любая сущность, а следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте. С этой точки зрения бессмысленно проводить различие между значениями, которые проявляются только в контексте, и значения-

⁵⁵ Ср., в частности, интересные соображения И. Польдауфа (указ. соч., стр. 70 и след.).

⁵⁶ А. В. Исаченко. О грамматическом значении, стр. 43.

⁵⁷ А. В. Исаченко. Бинарность, привативные оппозиции..., стр. 13.

ми, о которых можно сказать, что они имеют независимое существование»⁵⁸. Однако это положение Ельмслева обусловлено его пониманием предлагаемой им лингвистической теории, как теории анализа текста. Именно поэтому он отмечал «с точки зрения, принятой нами — с точки зрения предложенного анализа на основе функций в тексте — не существует иных, доступных восприятию значений, чем значения контекстуальные»⁵⁹, после чего и следует приведенная выше цитата. Различие, однако, заключается в том, что Л. Ельмслев абсолютизирует контекстуальность, точнее отношения, тогда как упоминавшийся выше автор абсолютизирует понятие инвариантности. Практически лишь некоторые словоформы, и именно те, которые обладают простейшей смысловой структурой, являются носителями такого единого значения, которое может быть вычленено, как постоянная величина в любом речевом отрезке. В качестве таковых могут быть названы глагольные формы 1-го и 2-го лица единственного числа в индоевропейских языках (но не 3-е лицо, включающее безличность), формы двойственного числа в древних индоевропейских языках, древнегрузинский эргатив (падеж субъекта при переходном глаголе) и т. д. Но, пожалуй, большинство компонентов таких грамматических категорий, как, например, падеж (частично число), время, вид, наклонение, залог и т. д., обладают сложной смысловой структурой, включающей несколько дифференциальных признаков, представляющих собой, однако, чаще всего совокупность не равноправных, а иерархических единиц. Можно согласиться с Е. И. Шендельс, что попытки обнаружить один и тот же дифференциальный признак во всех разнотипных примерах употребления какой-либо формы приводят к отвлеченным и неопределенным формулировкам, отнюдь не отражающим действительной специфики рассматриваемых форм.

Содержание, вкладываемое нами в понятие смыслового инварианта словоизменительных форм, основывается на разграничении парадигматического и синтагматического уровней. Инвариантом является тот дифференци-

⁵⁸ Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 303.

⁵⁹ Там же, стр. 303.

альный признак, который фактически не зависит от контекстуального окружения⁶⁰ и от номинативного содержания основ, с которыми маркер той или иной словоформы сочетается. Отсутствие лексической ограниченности так же существенно, как и отсутствие синтаксической контекстуальной связанности⁶¹. Позиция грамматического инварианта и контекстуальных или лексически обусловленных вариантов в известном смысле изоморфна позиции фонемы и ее аллофонов.

Такое разграничение парадигматических и синтагматических значений практически аналогично концепции Е. Куриловича о первичных и вторичных функциях в той форме, как это было изложено в его статье «О методах внутренней реконструкции»⁶². Содержание единиц, формирующих грамматическую категорию, определяется инвариантом плана содержания, иначе их парадигматическим значением. Оно беднее суммы тех функций, которые выполняет та или иная категория. Оно не включает те значения, которые эта единица выражает в результате транспозиции в сферу деятельности других единиц, ср., например, результат транспозиции в немецком литературном языке, в условиях существования аналитического футурума, формы настоящего времени со значением будущего: *Morgen gehe ich ins Theater* 'Завтра я иду в театр'. Не учитывается, естественно, и результат нейтрализации двух функционально противопоставленных форм, например, в определенных условиях форм изъявительного и сослагательного наклонения в немецком и т. п. В аспекте грамматической категории только парадигматические значения, или по терминологии Е. И. Шендельс, семы релевантны. Сформулированное выше определение грамматической категории как определенного парадигма-

⁶⁰ Как справедливо отмечает Е. И. Шендельс, для его реализации достаточен минимальный контекст (указ. соч., стр. 48).

⁶¹ Ср. высказывание Е. Куриловича: «Функция языковой единицы может быть или независимой или зависимой от семантического (или синтаксического) контекста» (указ. соч., стр. 429).

⁶² Е. Курилович. Указ. соч., стр. 411 и след.— В этой статье практически и первичные функции не выступают как чисто синтаксический знак, а получают позитивную характеристику; ср. замечание Е. И. Шендельс (указ. соч., стр. 49) по поводу статьи Е. Куриловича (Е. И. Курилович. Заметка о значении слова.— ВЯ, 1955, № 3, стр. 73—81).

тического класса связано именно с этой особенностью формирующих этот класс словоформ.

Вместе с тем большое число категорем характеризуется не одним, а несколькими парадигматическими значениями, особенно это характерно для компонентов многочисленных оппозиций. Так, в немецком языке претерит, перфект, плюсквамперфект в противопоставлении презенсу и футуруму обладают значением прошедшего времени, но их положение во временной парадигме определяется не только этим дифференциальным признаком, общим для них, а другими так же парадигматическими признаками: претерит — «дистантностью с моментом речи», перфект — «контактностью с моментом речи», а плюсквамперфект — «законченностью действия»⁶³. Для парадигматических отношений внутри грамматической категории времени в немецком языке эта вторая группа значений не менее релевантна, причем она характеризуется более дифференцированной отмеченностью. С точки зрения выделения члена парадигмы, определения его места в системе значения второй группы занимают даже более сильную позицию, чем более общее значение «прошедшего».

Детальный, разносторонний анализ граммем парадигматического значения в словоформах немецкого глагола, проделанный Е. И. Шендельс в ее интересной монографии, показал совершенно убедительно сопряженность в одной категореме нескольких «сем» парадигматического значения. Иными словами, понятие грамматического инварианта не соотносено с существованием в данной категореме только одного различительного признака: в зависимости от того, компонентом какого противопоставления выступает данная единица, на первый план выступает тот или иной смысловой различительный признак.

IV

Как уже неоднократно подчеркивалось, грамматическая категория существует только в парадигме. Между тем термин «парадигма» имеет довольно расплывчатое содержание: говорят о глагольной парадигме как о всей систе-

⁶³ См.: Е. И. Шендельс. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола) в современном немецком языке. Автореф. докт. дисс. М., 1964, стр. 15.

ме его словоизменительных форм, о залоговой парадигме, как о совокупности нескольких парадигматических подсистем, объединенных одной грамматической категорией, и о падежной парадигме как о совокупности словоформ, объединенных одной категорией. Отвлекаясь от использования слова «парадигма» для обозначения всех словоизменительных форм какой-либо части речи⁶⁴, отметим, что два других случая употребления термина «парадигма» различаются не только объемно: противопоставления и взаимосвязи рассматриваются в первом случае на уровне нескольких парадигматических структур, во втором — на уровне отдельных словоформ.

Представляется целесообразным разграничить эти два типа парадигматических структур, назвав второй — парадигмой I степени или парадигматическим рядом (система падежей), а первый — парадигмой II степени или просто парадигмой. В обоих типах парадигм формальными показателями грамматических значений выступают словоизменительные маркеры. Выше отмечалась зависимость смысловой структуры грамматической категории от структуры парадигм, т. е. системы словоформ, ее реализующих. Был определен также минимум формальных характеристик, необходимых для реализации грамматической категории. Минимальным дифференциальным признаком плана выражения грамматической категории служит показатель или маркер словоформы⁶⁵, являющийся переменным компонентом в пределах парадигм и парадигматических рядов той или иной группы или класса слов (части речи). Для смысловой структуры грамматической категории наличие или отсутствие варьирования в системе маркеров (в иных терминах — наличие или

⁶⁴ В. Н. Ярцева считает целесообразным употреблять термин «парадигма» именно в этом значении. Нам это представляется сомнительным, так как под парадигмой понимается всегда совокупность противопоставленных и взаимосвязанных форм, между тем парадигматические ряды наклонений, залогов и т. д. не взаимообусловлены, хотя межпарадигматические связи бесспорно существуют (В. Н. Ярцева. Типологическое исследование морфологических структур в родственных языках. «Структурно-типологическое описание современных германских языков». М., 1966).

⁶⁵ А. В. Исаченко употребляет термин «категориальный показатель». Е. Курилович в докладе «Phonologie und Morphologie» на фONOлогическом конгрессе в Вене в 1966 г. сохраняет термин «морфема», в данной статье термин «категориальный показатель» соотнесен с категоремой, т. е. относится к иной ступени абстракции, чем маркер.

отсутствие алломорфов) иррелевантно, но для процесса опознавания грамматической категории, т. е. для ее выделения в том или ином языке, а особенно для структуры парадигматики данной категории этот вопрос бесспорно существен. Отождествление маркера осуществляется на основе его положения в парадигме (см. в работе Н. Д. Арутюновой, публикуемой в данной монографии) и является в значительной степени производным от процесса отождествления морфем, поскольку структурное единство морфов, образующих единый маркер, основывается в конечном итоге, какие бы приемы анализа ни использовались, на их позиции или функции. Для структуры парадигм довольно существенно, характеризует ли варьирование единичную форму (ср. в английском языке алломорфы показателя множественного числа) или варьирование прослеживается в ряде форм, превращаясь фактически уже в примету самой парадигмы (ср. в немецком языке варьирование, охватывающее глагольные парадигмы, обусловленное разным образованием форм сильных и слабых глаголов).

Для выделения маркера, его отождествления и установления его вариантов большое значение имеет разграничение элементов релевантных и нерелевантных для знаковой функции маркера. Вопрос этот не встает в тех случаях, когда маркер представлен одной простой морфемой без варьирования или с варьированием, обусловленным только фонетически, ср. в тюркских языках варьирование *-да, -дэ* (маркер словоформы местного падежа), *-лар, -эр* (маркер словоформ во множественном числе), где варьирование в условиях сингармонизма обусловлено фонетической структурой корня. Вопрос не встает и тогда, когда два форматива (алломорфа) выступают в тождественной функции, ср. нем. *der Tag — die Tage, der Herr — die Herren*. Сложнее анализ при отождествлении знаковой функции показателей дательного падежа единственного числа в русских формах *девочк-е, мальчик-у*: в падежной парадигме они занимают тождественную позицию, но вместе с тем они включают разные граммы, обозначающие разную родовую принадлежность, поэтому можно было бы утверждать, что в аспекте категории падежа они являются вариантами одного маркера, а в аспекте категории рода — двумя маркерами, если бы в русском языке род был также грамматической категорией,

как и падеж. Поскольку, однако, род имен существительных рассматривается как лексико-грамматическая категория и не образует словоизменительных рядов, словоизменительная функция не закреплена за данной семьей, а оба форматива являются вариантами одного маркера. Иное положение имеется в падежной парадигме имен прилагательных, где род является грамматической категорией. Вопрос о том, можно ли *-ий*, *-ая*, *-ое* рассматривать на уровне маркирования грамматических категорий как варианты одного и того же маркера, представляется по меньшей мере спорным, поскольку, хотя в каждой форме и совмещены однопорядковые граммемы (род, падеж, число), знаковое их содержание не тождественно.

Теснейшим образом с этими проблемами связан и анализ маркеров, представленных разными типами дистантных морфов. Дистантными морфы могут быть в простой и в аналитической форме. В обоих случаях возникает вопрос о степени знаковой релевантности обоих компонентов показателя в плане реализации той или иной грамматической категории⁶⁶, однако каждый из этих типов имеет свои особенности, поэтому мы их рассматриваем отдельно.

В первом случае мы имеем как бы дублирование однозначных морфов, так, например, в немецком литературном языке маркер в словоформах множественного числа существительного представлен, как известно, разными морфами: *-e* (Tag-*e*), *-er* (Bild-*er*), *-en* (Herr-*en*), умлаут (Brüder — Brüder), категория эта может остаться невыраженной в словоформе существительного (Lehrer — Lehrer); все перечисленные морфы являются вариантами единого маркера в словоформе множественного числа именительного падежа. Однако в немецком языке имеются словоформы множественного числа, характеризованные совмещением двух морфов: Wald — Wälder 'лес' — 'леса'. Имеем ли мы здесь двуморфный маркер, или признако-

⁶⁶ Под морфом понимается любой минимальный различительный признак плана выражения как несущий сам знаковую функцию, так и сопутствующий другим морфам-носителям знаковой функции. Этим он отличается от маркера, всегда выполняющего знаковую функцию. Этот вопрос в несколько иной форме был поставлен Е. Куриловичем в докладе на фонологическом конгрессе лингвистов в Вене.

вая функция реализуется одним морфом, например, *-er*, а второй морф является лишь сопутствующим, тем более, что в немецком языке появление второго морфа обусловлено характером гласного корня (*a, o, u*)? С рассмотрением этих и аналогичных случаев связано и определение статуса «варьирования» парадигматических рядов. Как известно, в немецком языке противопоставление «настоящее — претерит» реализуется в разных случаях а) противопоставлением личных показателей: ср. *er kommt — kam* (морф *t* — нулевой⁶⁷ морф), *er mach-t — er machte* (*t* — нуль), реализующееся только в некоторых формах: оно отсутствует во 2-м л. ед. ч. (*komm-st — kam-st, mach-st — machte-st*) и во всех трех лицах множественного числа; б) противопоставлением основ: в претеритальной основе наращивается суффикс *-te-* (у большинства глаголов) или происходит чередование фонем (гласных, в исключительных случаях и согласных). В этих условиях чередование звуков основы и чередование суффиксальной и безсуффиксальной основы одновалентны, т. е. имеется два морфа, выполняющих одну знаковую функцию, представляющих один маркер. Можно ли, однако, считать, что этот маркер двусоставен (чередование основ + различие окончаний)? Если полагать, что различие окончаний презенса и претерита, характерное для всех глаголов (кроме претерито-презентных), в знаковом отношении релевантно, то оно кажется, благодаря своей общности (универсальности), основным, а морфы основ — второстепенными элементами маркера. В применении к современному немецкому языку такое предположение было бы неверным, благодаря слабой дифференцированности личных показателей обоих рядов (еще в большей степени это относится к английскому языку). Практически, за исключением 1-го и 3-го лица единственного числа, оно снято, и двусоставность маркеров проявляется только здесь. Поэтому основную знаковую функцию имеют оба типа чередования основ, представляющих собой два варианта оформления единой парадигмы.

⁶⁷ Термины «нулевой» и «минусовый» употребляются неравнозначно: «нулевой» — функционально нагруженное отсутствие показателя, нуль в качестве маркера, «минусовый» — отсутствие маркера, компенсируемого другим, например описательным способом: ср. (*der*) *Lehrer* -- (*die*) *Lehrer*.

В условиях другой системы соотношение может быть диаметрально противоположным: так, в древних индоевропейских языках противопоставление «презенс — перфект» реализовалось обобщенным противопоставлением личных показателей и разными морфами противопоставленных основ, связанных с многочисленными группировками глаголов. В этих условиях двусоставные или даже трехсоставные маркеры представляют собой сложную иерархическую структуру, что весьма затрудняет однозначное решение хотя, по-видимому, ведущая знаковая функция принадлежит личным окончаниям.

Иными словами, во всех случаях, где реализация грамматических категорий связана с маркерами, представленными более чем одним дискретным морфом, встает вопрос о структуре маркера и иерархии формирующих его морфов. Решение этого вопроса в каждом конкретном случае определяется не природой морфов (внутренняя или внешняя флексия, ударение и т. д.), а их местом в системе средств реализации данного парадигматического ряда или данной парадигмы.

Наиболее сложным, однако, является вопрос о структуре маркера и иерархии составляющих его морфов, в применении к аналитическим формам. В применении к последним сложность установления знаковой иерархии морфов, образующих маркер, обусловлена как наличием многих грамматических морфов в одной словоформе, так и особенно их распределением по двум или более раздельнооформленным компонентам аналитической формы. Очевидно, что в *ich habe ge-schrieb-en* словоформа перфекта маркируется сочетанием причастия II и определенного вспомогательного глагола, причем переменную величину составляет лексическая основа глагола: вместо *-schrieb-* может быть *-les-*, *schlag-*, *-arbeit-*, *-lach-* и т. д. Предсказуемость же вспомогательного слова и системы его маркеров, в равной степени как и показателей самого причастия, основывается на твердых правилах моделирования, присущих грамматическому строю немецкого языка. Если в аналитической форме перфекта со вспомогательным глаголом *haben* конкурирует глагол *sein*, то распределение этих двух вспомогательных слов строго регламентировано лексико-грамматическими характеристиками спрягаемого глагола, так же как форма маркеров причастия (*-en* у сильных глаголов, *-t* у слабых

глаголов) регламентирована определенными морфологическими группировками. Если бы потребовалось схематическое обозначение словоформы перфекта, то в такой схеме можно было бы исключить лексическую основу причастия, заменив ее обобщенным буквенным обозначением, но нельзя было бы так же поступить со вспомогательным глаголом, так как здесь мы сталкиваемся с тем, что В. Н. Ярцева (см. статью в этой книге) называет «жестким моделированием». Без форм глагола *haben* или *sein* нет перфектной категоремы, как ее нет без категориального показателя причастия II, следовательно, маркер перфекта включает две единицы: вспомогательный глагол + морфы причастия II. В этих условиях знаковая функция осуществляется совокупностью двух (или более) компонентов. Существенным отличием составных или комплексных маркеров аналитической словоформы является отсутствие избыточности, которая имеется, например, в формах типа нем. *Wälder*, поскольку без наличия всего комплекса морфов нет и данного маркера, нет и самой словоформы. Отсутствует, вместе с тем, и иерархия включенных морфов, поскольку свое качество компонента маркера в парадигме перфекта каждый из них получает лишь в сочетании с другими морфами. Сказанное относится к любой аналитической в нашем понимании форме, независимо от языкового типа.

Проблема иерархии знаковой функции морфов, конструирующих единый маркер словоформы, рассматривалась нами выше в отвлечении от вопроса о совмещении в одном формативе нескольких граммем, когда один маркер совмещенно выполняет функции нескольких категориальных показателей. В последнем случае может быть в свою очередь поставлен вопрос о знаковой иерархии самих граммем. Структура парадигм и парадигматических рядов определяется не только смысловой структурой данной грамматической категории и ее расчлененностью, но и расчлененностью выражения смысловых различительных признаков категорем, членов этих микросистем. Факт совмещения в одном маркере нескольких функциональных единиц, граммем, широко известен. Черта эта присуща не только флективным языкам, хотя здесь она проявляется с особой интенсивностью, вследствие чего обычно (чаще всего) минимальная единица плана выражения выступает в качестве категориального по-

казателя разных категориям в зависимости от того, в какой ряд она включается. Так, например, русский форматив *-ю* в глагольной форме *чита-ю* совмещает в себе граммы: 1-е лицо, единственное число, настоящее время, изъявительное наклонение, действительный залог, т. е. является проекцией категориальных показателей комплекса категориям. Конечно, такая перегрузка одного маркера даже в русском языке необязательна; она в принципе значительно более распространена в глагольных парадигмах, чем в именных: ср. *столов*, где *-ов* включает лишь граммы множественного числа, родительного падежа и мужского рода. Характеристика граммы может быть как положительной, так и нулевой; так в русской форме *стол* нулевой показатель характеризует падеж (ср. *стола*), число (ср. *стола*), род (ср. *окно, книга*); в этой связи можно было бы говорить о существовании в словоформе *стол* четырех нулей. Полисемичный маркер участвует в реализации внутрипарадигматических и междипарадигматических противопоставлений и связей: так, внутри малого парадигматического ряда форм настоящего времени *-ю* в *читаю* совмещает граммы лица, числа; в противопоставлении словоформам такого же ряда в прошедшем времени он выступает и как показатель настоящего времени и т. д. Таким образом, в зависимости от включения в те или иные отношения активизируется та или иная грамма в пределах полисемичного маркера, и он функционирует как показатель определенной категории — члена данного ряда. В этих условиях создаются сложные соотношения между грамматической категорией и конструирующими ее словоформами, поскольку в преобладающем большинстве случаев каждый маркер — компонент словоформы оказывается показателем разных грамматических категориям. Эта особенность оформления парадигматических рядов и парадигм весьма полно проявляется во флективных языках, хотя и здесь возможны иные закономерности: в системе синтетических словоформ категориальные показатели разных грамматических категорий могут выступать и отдельно, образуя цепочки маркеров или сложный маркер, ср. нем. *mach-te-st* '(ты) сделал', где показатель претерита *-te*, а *-st* — показатель 2-го лица ед. числа (ср. *mach-te-t* 'вы делали'); в оппозиции «настоящее — претерит»: *mach-st* '(ты) делаешь' — *mach-te-st* '(ты) сделал', *-te-* четко выступает

как категориальный показатель претерита, тогда как в форме настоящего времени отсутствие этого показателя маркирует данную временную основу; в тождественном ряду сильных глаголов *bind-(e)st* 'связываешь'—*band-(e)st* 'связывал' категориальным показателем претерита оказывается чередование гласного (морфонологическое средство), и хотя категориальный показатель времени, с одной стороны, и категориальный показатель лица и числа, с другой — представлены *раздельно*, они не образуют цепочки маркеров, как мы это имеем в первом случае, где соотношение маркеров приближалось к типу агглютинативных языков. Можно сказать, что в синтетических формах флективных языков цепочка маркеров не является распространенным типом сосуществования в одной словоформе нескольких категориальных показателей. Более распространенным является второй тип. Особенно же характерно, что возможны и даже распространены парадигматические ряды и парадигмы, где в словоформе — даже наличие нескольких морфов не создает все же *раздельного* маркирования; так, в приводившейся выше греческой словоформе перфекта *λέλοιπα* в отличие от презенса *λείπω* категориальный показатель перфекта включает морфы — редупликация, чередование гласных, особое окончание *α*, причем последний морф совмещает в свою очередь граммемы перфекта, лица, числа.

Что касается аналитических форм, то здесь распределение граммем имеет совершенно особую специфику: вследствие особенностей самой структуры в пределах функционально единой словоформы выделяется два разных типа распределения граммем. Первый тип представлен граммемами, которые маркируются *раздельно* в каждом компоненте аналитической формы, причем каждый компонент полностью сохраняет правила моделирования, присущие ему в изолированной позиции, т. е. вне аналитической формы: нем. (*ich*) *habe geschrieben*, например, *лицо* (1-ое), *число* (единственное), *наклонение* (изъявительное) маркируется формой *habe* по общим правилам моделирования немецких глагольных парадигм, с известной поправкой на «неправильность» форм настоящего времени глагола *haben* (ср. *ich hab-e, du ha-st, er ha-t*, где в ряду единственного числа основа 1-го лица положительно маркирована (согласный *b*) по сравнению с основой 2-го и 3-го лица). Второй тип представ-

лен оформлением той граммы данной словоформы, которая определяет выделение особой категоремы перфекта: именно эта грамма реализуется аналитически всем неразложимым сочетанием в целом.

Если для флективных языков типичной является совмещенность граммем в пределах одного маркера, и, следовательно, формальная невыделимость отдельных граммем, даже в случаях избыточности морфов, образующих один показатель (см. выше), то для агглютинативных языков характерны диаметрально противоположные структурные черты. Здесь обычно каждая словоформа включает такое количество маркеров, какое она содержит граммем: ср. азерб. *китаб* 'книга', *китаб-да* 'в книге', *китаб-да-лар* 'в книгах'. Видо-временная форма в этом языке включает раздельно показатели вида-времени и лица. Но в *китаб* нулевой показатель маркирует не только падеж (им.-вин.), а и число (ед.): ср. *китаб* 'книга' — *китаб-лар* 'книги', так же как в *кэлир-эм* 'я прихожу' *кэлир-сэн* 'ты приходишь', *-эм*, *-сэн* включают не только грамму лица, но и числа, поскольку 2-е и 3-е лицо множественного числа имеют другие показатели (*-ик*, *-синиз*), которые в свою очередь совмещают граммы лица и числа; наконец, нулевой показатель в 3-ем л. ед. ч. *кэлир* является маркером лица (3-го) и числа (ед. ч.), ср. мн. ч. *кэлирлэр* и т. д. Иными словами, отсутствие совмещения граммем в одном маркере не является в азербайджанском языке обязательным правилом моделирования словоизменяемых единиц, но известной тенденцией, получающей ограниченную реализацию. Сказанное относится не только к другим тюркским языкам, но и к финно-угорским. Различие между индоевропейскими и, например, тюркскими языками заключается поэтому не в том, что в одних языках имеется, а в других отсутствует совмещение граммем в одном маркере словоизменяемой формы, а в том, какое место занимает совмещение граммем в построении парадигм этих языковых групп. В известной степени можно сказать, что формула той или иной категоремы в тюркских языках может представлять собой совмещенное обозначение определенных последовательностей элементов, т. е. быть в прямом смысле линейной, тогда как в индоевропейских языках такая формула требует преобразования структуры слово-

формы путем извлечения функциональных единиц из недифференцированного маркера словоформы⁶⁸, т. е. представить как сложная диаграмма.

V

Независимо от совмещенности или несовмещенности граммем в одном маркере словоизменительной формы почти любая словоформа (если это не неизменяемое слово) представляет собой большую или меньшую совокупность граммем. Естественно возникает вопрос об иерархии граммем, поскольку он связан с более общим вопросом об иерархическом соотношении парадигм и парадигматических рядов в словоизменении той или иной части речи конкретного языка. Постановка вопроса об иерархии самих грамматических категорий в каком-либо языке может ставиться в двух планах: в зависимости от формализации их моделирования самим языком и в зависимости от их относительной универсальности для данного языка. Так, например, можно утверждать по отношению к строю русского глагола, что моделирование компонентов грамматической категории залога менее формализовано и менее предсказуемо, чем моделирование грамматической категории времен. В известной степени это относится и к категории вида. С другой стороны, бесспорно, что для русского языка грамматическая категория падежа (только именная категория) или лица (только глагольная категория) менее универсальны, чем категория числа, которая является грамматической категорией всех изменяемых частей речи за исключением числительных и количественных наречий.

Если остановиться подробнее на иерархии грамматических категорий в зависимости от степени формализации и предсказуемости их моделирования, то можно в общей форме сказать, что эти признаки соотносены с большей или меньшей закрытостью данной парадигматической системы. Хотя в принципе мы считаем, так же, как и многие другие лингвисты, что ни язык, ни любая языковая подсистема не представляют собой абсолютно

⁶⁸ Что и было фактически сделано Ч. Хоккетом (см.: Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis).

замкнутой системы⁶⁹, однако можно утверждать, в частности в применении и к морфологическим подсистемам и микросистемам, что они характеризуются неодинаковой степенью закрытости. С этим связан и вопрос об единицах, конституирующих ядро грамматической категории, и о периферийных образованиях, частично входящих или примыкающих к парадигматическим рядам данной грамматической категории (ниже этому комплексу вопросов посвящается небольшой раздел).

Однако для уточнения вопроса об иерархии граммем, объединяемых в одной словоформе, более важна неоднородная распространенность той или иной грамматической категории в языке.

Конечно, можно предполагать, что в целом граммемы равноправны, ибо каждая из них — и совмещенная, и изолированная — представляет какой-то существенный признак плана содержания, что и позволяет их рассматривать в аспекте разных противопоставлений. Однако существуют разные типы или классы граммем: так, граммемы категории числа в русском, немецком, азербайджанском и многих других языках выступают обычно дифференциальными признаками внутри однородного парадигматического ряда (падежной системы в имени или частной глагольной подсистемы, например, настоящего или прошедшего времени), тогда как граммемы таких категорий, как залог, наклонение, время и т. д., являются дифференциальными признаками разных парадигматических рядов — это межпарадигматические граммемы. При совмещенности этих граммем в одном маркере или при их включении в одну словоформу как отдельных маркеров можно предположительно рассматривать второй класс граммем как функционально более значимый. Впрочем, решающим в каждом конкретном случае будет общий статус данной категории в структуре языка. Особо следует подчеркнуть, что все эти замечания делаются только в параметрах парадигматики, тогда как в речевом

⁶⁹ И. Вахек отмечал недавно, что одним из основных тезисов, отличающих пражскую школу от других структуральных направлений, является тезис об открытом характере языковой системы (J. Vachek. On the integration of the peripheral elements into the system of language. — В сб.: «Travaux linguistique de Prague», 1966, стр. 23); ср. также; М. М. Гухман. Проблема системности в синхронии и диахронии. — ВЯ, 1962, № 4.

отрезке функциональная нагрузка граммем может до известной степени меняться в зависимости от актуального содержания. С этим связана и известная структурная дифференциация в оформлении противопоставлений и взаимосвязей для разных грамматических категорий: в принципе, как универсальную закономерность, можно утверждать, что если обозначение лица, числа, времени, наклонения образуют грамматические категории глагола, то первые наличествуют во всех простых и комплексных парадигмах, являясь элементарными структурными сетками, к которым как бы привязано моделирование других категориальных противопоставлений.

VI

Для статуса грамматической категории морфологического уровня (в том случае, конечно, если она в этом языке имеется) весьма существенно соотношение центральных и периферийных структур⁷⁰. Хотя грамматическая категория не существует без определенной системы словоформ ее конструирующих, но эта система обычно составляет только ядро или центральную зону того поля, с которым связана данная грамматическая категория. На периферии поля располагаются разнотипные единицы, функционально однопорядковые с данной грамматической категорией, но представляющие собой менее формализованные структуры: это полусвободные сочетания с грамматической направленностью (типа некоторых глагольных сочетаний в немецком языке с модальными глаголами), словообразовательные группировки с обобщенным грамматическим значением (ср. функционирование русских глаголов на *-ся*), втягивающиеся в парадигматические противопоставления, наконец, единицы, включающиеся в данное поле в результате транспозиции, подобно, например, инфинитиву, включающемуся в поле грамматической категории наклонения как в немецком, так и в русском языках. В отличие от грамматической категории и парадигмы, понятий чисто парадигматических,

⁷⁰ Выделению в языковых системах центральных и периферийных категорий специально посвящен второй том «Travaux linguistiques du Prague», 1966, (ср. особенно: Fr. Daneš. The relation of centre and periphery as a language universal; J. Vachek. On the integration of the peripheral elements into the system of language).

поле представляет собой структуру, включающую также единицы, находящиеся на грани парадигматики и синтагматики и образующие периферийную зону поля. Языковая природа этих единиц и их связь с данной грамматической категорией могут быть весьма разнородными, но общим является отсутствие контекстуальной и лексической не обусловленности в широком значении этого слова.

Конфигурация поля может быть разной — менее и более сложной — в зависимости от смысловой структуры грамматической категории и степени разветвленности конституирующих ее парадигм. Но общим является включение не только системы словоизменительных форм, а и функционально примыкающих образований.

В отличие от выделенных нами грамматических категорий и словоизменительных парадигм, поле — неоднородное понятие, т. е. это не структура какого-то определенного уровня. Неточным было бы называть его «морфологическим полем», поскольку на его периферии могут оказаться неморфологизованные, свободные или полусвободные словосочетания; тем более нельзя говорить здесь о словоизменительном поле. Наиболее точным было бы говорить о «грамматическом поле», поскольку из этой структуры безусловно исключаются, например, изолированные лексические единицы, семантически сближающиеся со значением тех или иных грамматических категорий. Тем самым устанавливается определенный порог обобщенности и известная «привязанность» периферийных единиц к центральным структурам. Поэтому, хотя грамматическое поле и не является моделью структур определенного уровня, оно все же не характеризуется простой глобальностью. Членимость поля на центральные и периферийные субструктуры означает не только соотносительность значимостей каждой из них, но (что является основным) отражает определяющую роль структур, образующих центральную сферу, т. е. словоизменительных парадигм в собственном значении этого слова. Только при условии наличия структуры этой сферы единицы второго порядка могут стать компонентами, хотя и периферийными, данного поля. При этом вовлекаемые периферийные единицы могут быть частичными синонимами существующих словоизменительных единиц, а также являться зародышевыми элементами новых

оппозиций. Так, древнеиндийские глагольные основы на *-ya*, частично связанные с обобщенной группировкой интранзитивных глаголов состояния, включались как периферийные структуры в уже существовавшее залоговое поле в качестве частичных синонимов медиально-пассивных форм. В классической латыни залоговое поле, центральную сферу которого представляла оппозиция актива пассиву на *-r*, пополнялось за счет сочетаний причастия на *-to-* + связка, занимавших первоначально периферийную позицию полусвободных синтаксических сочетаний, а затем переместившихся, в связи с изменениями в закономерностях употребления форм на *-r*, в центральную зону. Но могут быть и иные отношения: так, во всех древних германских языках грамматическая категория времени конституировалась двучленной оппозицией «претерит — не претерит», именно эта оппозиция и являлась центральной зоной грамматического поля; за пределами этой зоны располагались разнотипные сочетания глаголов неполного высказывания с именными формами глагола, вступавшие в сложные соотносительные связи с компонентами центральной зоны. В процессе исторического развития на базе этих периферийных структур оформляются в результате их преобразования новые компоненты временной словоизменительной системы; так, выделилась во всех германских языках путем преобразования либо сочетаний с определенными модальными глаголами, либо сочетаний с глаголами становления, грамматическая категория будущего времени, изменившая смысловую структуру временных оппозиций в этих языках, а следовательно, и структуру поля. Продвижение единиц из периферийной зоны в центральную связано с выработкой тех черт, которые выше определялись как отличительные признаки словоизменительных форм.

Сам факт особой соотнесенности и связанности внепарадигматических единиц с парадигматическими системами, что и позволило выделить поле, как особую структурную единицу грамматического моделирования, подтверждается фактами языковой диахронии: инвентарь периферийных зон представляет собой «потенциальный запас» будущих словоизменительных единиц, хотя лишь очень незначительная часть этого «потенциального запаса» меняет свой статус и переходит в центральную зону.

Т. В. БУЛЫГИНА

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ

(К постановке вопроса)

Идея противопоставленности, взаимной соотносительности грамматических единиц существует с самого начала возникновения грамматики в качестве научной дисциплины. Однако осознание и эксплицитное провозглашение центральной роли понятия «оппозиция», в том числе и «грамматическая оппозиция», связано в первую очередь с концепцией языка как системы знаков «ou tout se tient», родоначальником которой явился, как известно, Ф. де Соссюр¹.

В настоящее время понимание, согласно которому определение грамматических единиц — как количественное, так и качественное — полностью зависит от их взаимных отношений в системе, получило почти повсеместное распространение. Лишь в виде исключения можно встретиться с таким взглядом, который допускает наличие в языке единственного числа при отсутствии

¹ Противопоставляя структурной фонологии и структурной грамматике структурную семантику, для которой — в отличие от первых двух дисциплин — «трудно указать предшественников», Л. Ельмслев писал: «Если проследить всю линию развития лингвистики и взглянуть на вещи взглядом постороннего наблюдателя, отвлекаясь от споров, которые все еще продолжают, то можно обнаружить, что беспристрастное сравнение практических методов, используемых в фонологии и морфологии, с одной стороны, классической, а с другой — структурной лингвистикой, создает впечатление скорее преемственности, чем разрыва. Основной вклад, который структурная лингвистика внесла в изучение плана выражения и морфологии, — это осознание того, что делается, четкая формулировка принципа, лежащего в основе метода, который сам по себе уже и до того оказался необходимым» (Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 118); ср. также: Н. Д. Арутюнова. О структурных и традиционных методах в грамматике. «Филол. науки», 1963, № 4, стр. 172.

множественного или существование одного падежа и т. п.² Признавая тезис о системности языка, нельзя не согласиться с тем, что лингвистический статус той или иной категории определяется наличием выбора, по крайней мере между двумя возможностями (что, собственно, и является условием существования оппозиции) и что поэтому «язык не имеет тонов, если он не различает хотя бы двух из них, например восходящего и нисходящего; сказать, что язык имеет только один тон, равносильно тому, чтобы утверждать, что в этом языке нет тонов»³ — и равным образом в грамматике: если n обозначает число членов, принадлежащих к той или иной грамматической категории, то при $n=2$, $n-1=0$, или в более общей форме⁴: $n-(n-1)=0$.

Таким образом, многие современные лингвисты едины в том мнении, что «оппозиции составляют основу всякой языковой реальности»⁵. Однако их согласие кончается, как только встает вопрос о характере лингвистических противопоставлений, в особенности о природе так называемых «значимых оппозиций», в том числе и тех, которые действительны для грамматики.

Отсутствие однозначного решения вопроса о грамматических оппозициях связано не в последнюю очередь с достаточно разнообразным и не всегда достаточно четким пониманием самого термина «оппозиция». Очевидно, что этот термин призван обозначать особый тип отношений между различными языковыми единицами, определяющий действие всего языкового механизма, но отнюдь не единственный. Ибо принятие знаменитого сосюрковского определения языка как системы «ou tout se tient» (по удачной формулировке А. Мейе), все элементы которой являются «взаимноотносительными, взаимоотночительными и взаимнопротивопоставленными» (*rélatifs, négatifs et oppositifs*)⁶, не должно заслонять реаль-

² Ср.: В. М. Жирмунский. О синхронии и диахронии в языкознании. — ВЯ, 1958, № 5.

³ A. Martinet. La marque et l'altérité. — В кн.: A. Martinet. Linguistique synchronique. Paris, 1964, стр. 187—188.

⁴ Это парадоксальное уравнение заимствовано нами из работы: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 16.

⁵ A. Martinet. La marque et l'altérité.

⁶ Это относится как к плану означающего, так и к плану означаемого — ср.: Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 117—118.

ного многообразия отношений, существующих в языке, в котором все «se tient» не в одинаковой степени и который представляет собой систему более тонко организованную, чем можно предположить, понимая цитированный тезис Соссюра слишком буквально⁷.

Для определения понятия «оппозиция» необходимо, таким образом, уметь отличать данный тип отношения от других видов возможных отношений между языковыми единицами. Наиболее простым и наиболее общим различием всех мыслимых отношений между различными объектами является противопоставление отношений различия отношениям идентичности, или тождества. Известно, однако, что ни различие, ни тождество двух объектов не может быть абсолютным, т. е. совершенно безусловным, с какой бы точки зрения мы эти объекты ни рассматривали. Выбор определенной точки зрения является необходимым условием сопоставления двух объектов. Для языкознания критерием установления тождества или различия двух языковых элементов является выполняемая ими функция. Этот критерий, который, вслед за Бюлером, стали называть принципом релевантности, позволяет проводить строгое различие двух типов внутриязыковых отношений — лингвистического (функционального) тождества и лингвистического (функционального) различия, или отношений между вариантами одной и той же языковой единицы и отношений между различными с лингвистической точки зрения единицами, т. е. инвариантами.

Именно для различения этих двух принципиально отличных друг от друга типов отношений некоторые лингвисты используют термин «оппозиция», противопоставляя оппозитивные отношения (т. е. отношения «оппозитивных единиц», или инвариантов) неоппозитивным отношениям (т. е. отношениям «неоппозитивных», или «функционально тождественных», элементов, или вариантов одного и того же инварианта)⁸. Процедуры, приводящие к уста-

⁷ Ср. замечания Л. Ельмслева о слишком прямолинейном, слишком механическом и слишком абсолютном приложении знаменитой максимы Соссюра: L. Hjelmslev. La structure morphologique.— В кн.: L. Hjelmslev. Essais linguistiques (TCLC, vol. XII). Copenhagen, 1959, стр. 114.

⁸ Ср., например, такие выражения, как: «испанский не противопоставляет (n'oppose pas) апикальный смычный соответствующему фрикативному, и таким образом [d] и [ð] представляют одну и ту же

новлению при помощи метода коммутации инвариантного инвентаря тех или иных языковых единиц, называют соответственно оппозицией и идентификацией⁹. Указанное различие является наиболее общим для всех лингвистов, разделяющих идею системности языка, выдвинутую Соссюром и разработанную в теории фонологических оппозиций Трубецким, хотя любопытно отметить, что оба основоположника современного структурализма употребляли термин «оппозиция» иначе, чем это принято сейчас. Так, в отличие от большинства современных лингвистов, для которых оппозиция представляет собой специальный тип различия (а именно только релевантное различие), Соссюр использует соответствующий термин для обозначения более широкого, чем «различие», понятия. Отношение между объемом понятий «различие» (*différence*) и «оппозиция» (*opposition*), как показывают следующие замечания Соссюра, противоположно отношению между объемом этих понятий в современной лингвистике: «Как только сравнивают между собой знаки — термины положительные — нельзя более говорить о различиях (*de différences*); это выражение было бы здесь неуместным...; два знака... не являются различными (*ne sont pas différents*), они только различимы (*distincts*). Между ними есть только противопоставление (*il n'y a qu'opposition*)»¹⁰.

Что касается Трубецкого, который, как известно, первым со всей определенностью указал на необходимость дифференциации двух типов звукового различия («значимых» и «незначимых» различий), то он называл и те и другие различия «оппозицией», терминологически дифференцируя их лишь с помощью определений: отношения между вариантами фонемы обозначались им как «недистинктивные, или нефонологические, оппозиции», а отношения между инвариантами как «дистинктивные, или фонологические, оппозиции»¹¹.

Здесь, впрочем, нам важно отметить, что независимо от чисто терминологических несовпадений большинство

фонему» (A. Martinet. *La description phonologique*. (Genève — Paris, 1956) и многие подобные.

⁹ Ср. например: В. М а л м б е р г. *Structural linguistics and human communication*. Berlin-Göttingen-Heidelberg, 1963, стр. 72.

¹⁰ Ф. де С о с с ю р. Указ. соч., стр. 119—120.

¹¹ Н. С. Трубецкой. *Основы фонологии*. М., 1960, стр. 38.

представителей современной лингвистики считает необходимым строго различать отношения между функционально тождественными (пусть физически либо семантически различными) единицами и отношения между функционально различными (хотя, возможно, физически или семантически сходными) единицами. Первый тип отношения мы будем в дальнейшем называть функциональным, или лингвистическим, или, для краткости, просто тождеством, а второй тип отношения — функциональным различием (или просто — различием), резервируя термин «оппозиция» для более специального типа функционального различия языковых единиц.

Для выделения оппозитивных отношений из других типов языковых отношений существенно, в частности, различие синтагматических и парадигматических зависимостей, которое восходит, как известно, к Ф. де Соссюру, противопоставлявшему отношения «in praesentia» между «двумя или несколькими элементами, в равной мере наличными в актуальной последовательности» («rapports syntagmatiques»), отношениям, соединяющим «элементы отсутствующие («in absentia») в потенциальный мнемонический ряд» («rapports associatifs») ¹².

Именно на различии отношений между элементами сосуществования и отношений между элементами выбора основано противопоставление «реляции» — «корреляции» (определяемых соответственно как «конъюнкция», или функция «и-и», и как «дизъюнкция», или функция «или-или») в глоссематике ¹³ и противопоставление понятия «контраст» понятию «оппозиция» в некоторых направлениях, близких к пражской школе, которые определяют контраст как отношение между одновременно сосуществующими элементами текста или, иначе, отношение между различными классами (образуемыми единицами, способными вступать в определенные сочетания), а оппозицию как отношение между двумя таки-

¹² Ф. де Соссюру. Указ. соч., стр. 121.

¹³ Ср. также связанные с тем же различием синтагматики и парадигматики противопоставления «цепи» — «парадигме», «части» — «члену», «разделению» (т. е. сегментации) — «членению» (т. е. классификации), «селекции» — «спецификации», «солидарности» — «комплементарности», «комбинации» — «автономии» (см., например: L. Hjelmslev. La structure morphologique, стр. 127 и след.; Он же. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. I. М., 1960, стр. 284—285, 289, 294—299.

ми единицами системы, которые взаимно исключают друг друга в некоторой точке высказывания, или, иначе, отношение между двумя единицами, входящими в один парадигматический класс¹⁴.

Следует заметить, что при очевидном сходстве обеих концепций (которое противопоставляет их «чистым дистрибутивистам», не стремящимся к четкому разграничению синтагматических и парадигматических отношений) между ними имеется существенное различие: если глоссематическая «корреляция» подразумевает лишь способность единиц, связанных данным отношением, вступать в одинаковые «реляции», то для большинства представителей второй концепции противопоставление «контраста» «оппозиции» связывается с противопоставлением синтагматического определения единицы (по отношению к тому окружению, в котором она встречается в речи) парадигматическому определению, которое состоит в установлении того, что противопоставляет друг другу единицы, способные фигурировать в одном и том же окружении, т. е. в выявлении тех признаков фонетической или семантической субстанции, которые отличают данную единицу от других единиц того же рода¹⁵. Понятие оппозиции, таким образом, предполагает разложимость сопоставляемых единиц на частью общие, частью различные элементы¹⁶, обычно называемые дифференциальными признаками единицы (ср., однако, предложение Б. Мальмберга, тоже противопоставляющего «оппозицию» как название парадигматического отношения «контрасту» как названию синтагматического отношения, употреблять термин «оппозиция» — в исследованиях звуковых явлений языка — лишь в качестве обозначения «чисто абстрактной языковой функции

¹⁴ А. Мартинет. Структурные вариации в языке. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 454—455; см. также: Р. Якобсон, М. Халле. Фонология и ее отношение к фонетике. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 233, 251—252; R. Jakobson. The correct presentation of phonemic problems.— В кн.: R. Jakobson. Selected writing, I. 's-Gravenhage, 1962, стр. 442.

¹⁵ А. Мартинет. Substance phonique et traits distinctifs.— BSL, 1958, t. 53, f. 1, стр. 72.

¹⁶ Ср. общее определение оппозиции: A. W. de Groot. Neutralisation d'oppositions. «Neophilologus», 1940, Jg. 25, стр. 131 (подробнее см. раздел «Пражская лингвистическая школа» в кн.: «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 65).

смыслоразличения» в отличие от термина «дистинкция», долженствующего обозначать на более низкой ступени абстракции отношения между дифференциальными, или «дистинктивными», фонетическими признаками¹⁷.

Будем считать оба из названных выше признаков (принадлежность членов отношения 1) к разным инвариантам, 2) к одному парадигматическому классу) необходимыми для признания единиц членами оппозиции, а каждый из них в отдельности — недостаточным для этого. Соблюдение первого условия исключает из оппозитивных отношений отношения между факультативными вариантами одной и той же единицы, хотя они связаны между собой парадигматическими отношениями, которые, следовательно, нужно дифференцировать на отношения между «взаимозаменяемыми» и отношения между «взаимоисключающими» элементами¹⁸. Соблюдение второго условия заставляет ограничивать отношения между, например, русскими фонемами /p/ и /o/ от отношения между, скажем, /p/ и /b/, рассматривая первое как неоппозитивное, а второе — как оппозитивное, так как, несмотря на то, что то и другое различия являются в одинаковой мере существенными для русской фонологической системы, принадлежат к отношениям между инвариантами, члены первой пары не относятся, а члены второй пары относятся к одному парадигматическому (или «дистрибутивному») классу¹⁹.

¹⁷ B. Malmberg. Levels of abstraction in phonetic and phonemic analysis. «Phonetica», 1962, v. 8, № 4, стр. 224—225; Он же. Terminologisches und Begriffliches zur Methodik der phonematischen Beschreibung. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 1963, Bd. 16, Hf. 1—3, стр. 134.

¹⁸ Ср. употребление этих терминов в «правилах различения фонем и вариантов» для звуков, встречающихся в одной и той же позиции: Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 52 и след.

¹⁹ Аналогичным образом следует дифференцировать отношения между классом согласных и классом гласных, с одной стороны, и отношения внутри каждого из этих классов, например, во французском языке, несмотря на наличие таких пар, как, например, /kap/(cap) — /kaos/(cahot, chaos). Как кажется, основанием для этого является не только то, что «проще и целесообразнее противопоставлять целиком категорию слоговых категории неслоговых, первые из которых способны употребляться сами по себе, а вторые — лишь являются сопровождением первых» (ср.: A. Martinet. Substance phonique, стр. 73), но прежде всего то, что /p/ и /o/ занимают и в приведенных примерах не одинаковую позицию (ср. интерпретацию противо-

Возможна, однако, и дальнейшая дифференциация отношений между инвариантными единицами внутри одного парадигматического класса. Сопоставляя, например, отношения между русскими фонемами /t/ — /d/ и /t/ — /b/, каждая из которых принадлежит к одному парадигматическому классу «согласных, способных занимать инициальную позицию перед /o/» (ср. *ток* — *док* — *бок*), мы устанавливаем более тесную связь между членами первой пары, чем между членами второй пары: /t/ и /d/ являются в русском языке единственными представителями класса «зубных, смычных, непалатализованных, неносовых», в то время как общие признаки для /t/ и /b/ (смычность, непалатализованность, неназальность) повторяются и в других членах фонологической системы (/d/, /p/, /k/, /g/).

Принципиальная важность различия между отношением /t/ : /d/ и отношением /t/ : /b/ (которое соответствует различию между «одномерными» и «многомерными оппозициями» в последней версии теории оппозиций Трубецкого²⁰) станет очевидной, если мы подвергнем специальному рассмотрению особый тип отношения между двумя языковыми элементами, который, по мнению некоторых исследователей, один только и заслуживает названия «оппозиция». Наиболее четко концепция оппозиции, о которой идет речь, представлена в высказываниях голландского теоретика языка Х. Поса, указавшего на то, что оппозиция «всегда объединяет два различных объекта, связанных, однако, таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, имплицитно содержащего оба противочлена и разлагающегося на эксплицитную оппозицию, когда оно относится к конкретной действительности...»²¹. Таким образом, присутствие одного члена

поставления двух фонологических слогов, представленных односложными словами русского языка *от* и *на*, в виде схемы «нуль ↔ /п/, /о/ ↔ /а/, /т/ ↔ нуль»: С. К. Шаумян. Некоторые вопросы применения дихотомической теории фонем к исторической фонологии польского языка. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961, стр. 232).

²⁰ См.: Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 74 и след.

²¹ H. J. Pos. La notion d'opposition en linguistique.— «Onzième Congrès international de Psychologie». Paris, 1937, стр. 246.

оппозитивного отношения необходимо подразумевает присутствие второго, противоположного члена: понятию «белого» противопоставлено лишь понятие «черного», понятию «прекрасного» — понятие «безобразного», в то время как при других отношениях ни один из членов «не несет какой-либо предсказывающей информации о другом члене»²².

Очевидно, что определяемая таким образом оппозиция должна по праву стать центральным понятием лингвистической концепции, основным положением которой является тезис о системности языка. Ведь эта лингвистическая концепция, в отличие от подхода, стремящегося к выявлению «свойств некоего элемента, помещенного в заведомо искусственные условия изоляции от связанных с ним элементов и рассматриваемого как нечто самодовлеющее», ставит своей задачей определение «некоторой модели, способной отражать целый класс языковых явлений, дающей возможность предсказать, что будет с теми или иными элементами, если данный изменить определенным образом»²³, и считает, что «каждый элемент языка не может быть определен из самого себя..., а требует для своего объяснения знания целой системы противопоставленных ему элементов», в результате чего «каждое заключение структурного порядка является заключением не об одном элементе, а о некоторой системе элементов»²⁴.

Нельзя, однако, не заметить, что специфический тип отношения, о котором говорит Х. Пос, может связывать лишь элементарные единицы, принадлежащие к категории, состоящей всего из двух членов. Что касается так называемых «базисных» (неэлементарных) единиц разных языковых уровней, то отношение между ними, очевидно, нельзя квалифицировать как оппозицию в указанном смысле, так как ни одна конкретная фонема (или морфема, или лексема) не имеет в качестве однозначно предсказуемого противочлена какую-нибудь определенную единственную фонему (соотв. морфему или лексему). Так, например, русская фонема /б/ имеет не один.

²² H. J. Pos. *Perspectives du structuralisme*.— TCLP, 1939, 8.

²³ В. Н. Топоров. О структурном изучении языка. «Русский язык в национальной школе», 1961, № 1.

²⁴ Там же.

а несколько «противочленов», находящихся от нее на одинаковом минимальном «расстоянии» в один дифференциальный признак (/п/, /б'/, /м/, /в/, /д/) и несколько более «отдаленных» «противочленов» (/п'/, /ф/, /д'/, /г/, /в'/, /н/, /х/ и т. д.). На лексемном уровне — даже если речь идет о такой компактной и относительно замкнутой системе, какую представляют собой, например, термины родства, — каждая единица противопоставляется не одной, а нескольким единицам, максимально сходным с ней в семантическом отношении (и нескольким менее сходным). Так, неизвестно, какой термин родства является семантическим противочленом лексемы «отец» до тех пор, пока она не разложена на семантические компоненты, и пока не указано, по какому именно признаку данная лексема должна быть противопоставлена другой лексеме той же системы, т. е. о какой именно оппозиции идет речь. Подобным образом общее значение грамматической формы (в нашей терминологии — «граммема»; см. ниже) противопоставлено значениям целого ряда других грамматических форм (или целому ряду других граммем), так что, например, форма *делает* предполагает в качестве семантического противочлена форму *сделает*, если речь идет о противопоставлении по признаку «совершенство — несовершенство», форму *делал*, если имеется в виду оппозиция по признаку «прошедшее — непрошедшее», формы *делаю, делаешь*, если во внимание принимается признак «персональность — имперсональность», форму *делается*, если дело касается признака «рефлексивность — нерефлексивность» и т. д. — так что и в этом случае возможность определить тот или другой противочлен конкретного грамматического значения обуславливается его предварительным разложением на элементарные семантические признаки, каждый из которых однозначно предсказывает признак, прямо ему противопоставленный.

Нужно признать, что, если в термин «оппозиция» вкладывать то специфическое содержание, которое придавал этому понятию Х. Пос, следует перенести оппозитивную значимость с фонемы, лексемы или граммы на минимальный, далее неразложимый элемент соответствующей единицы (фонологический дифференциальный признак в плане выражения, элементарное семантическое значение в плане содержания), как это сделал —

для фонологии — Р. О. Якобсон²⁵. Во всяком случае очевидно, что отношение, которое связывает два языковых элемента, каждый из которых принадлежит к единственной «*dualité d'opposition*», заслуживает особого места в классификации возможных языковых отношений. В то же время необходимо отметить, что приведенное определение «оппозиции» применимо и к синтагматическим отношениям, существующим между членами различных парадигматических классов. Так, например, выделение класса «основ» с необходимостью предполагает выделение класса «окончаний», класс «согласных» выделяется лишь по отношению к классу «гласных», наличие «имен» предполагает наличие «глаголов» и т. п. В связи с этим представляется, что, определяя специфику оппозитивного отношения, отличающую его от всех прочих типов возможных языковых отношений, едва ли следует считать единственным (т. е. не только необходимым, но и достаточным) «дифференциальным признаком» признак взаимной детерминированности членов оппозиции, каким, кажется, склонен считать его Р. О. Якобсон и при определении отличия «оппозиции» от «контраста». Так, в резких замечаниях против «дезориентирующего употребления» термина «контраст» (уместного для обозначения «соположения и сопоставления двух перцептивно смежных одновременных или сукцессивных» элементов) вместо термина «оппозиция», подчеркивающего «ситуа-

²⁵ Убедительные аргументы в пользу того, что «собственно оппозитивными» являются не фонемы, а их дифференциальные элементы, Р. О. Якобсон приводит, в частности, в докладе на Четвертом международном съезде фонетических наук в 1961 г. (показывая, между прочим, на основании недавнего исследования Годелем рукописных материалов сосюрковского «Курса», что такое решение не противоречит аутентичному учению Соссюра — см.: R. Jakobson. The phonemic concept of distinctive features. «Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences». Helsinki, 1961), а также и в ряде других своих работ. См. еще в связи с данным вопросом: Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа, стр. 65—66.— Следует отметить, что и при исследовании семантического содержания грамматических категорий Р. О. Якобсон последовательно исходил из оппозитивной значимости минимальных компонентов грамматического значения. Однако здесь указанный принцип не всегда достаточно очевиден, так как ряд формулировок грамматических работ Якобсона позволяет предполагать, что он видит в некоторых элементарных грамматических значениях аналогию фонеме, а не дифференциальному признаку.

цию двоичного выбора», существо различия между отношениями обоих типов сводится, как будто, все же к тому, что наличие одного из контрастирующих членов не предполагает наличия другого, в то время как два члена оппозиции необходимо предполагают один другой, хотя в данном высказывании присутствует только один из них²⁶.

Можно, однако, заметить, что, хотя наличие конститутивного (центрального) элемента определенной синтагматической единицы (компоненты которой связаны, по определению, отношением контраста) необязательно предполагает наличие в данном высказывании факультативного (маргинального) элемента (что, собственно, и является основой отнесения одних единиц к «центральным», других — к «маргинальным»), само приписывание единице признака «центральности» (или, более конкретно: отнесение определенных фонем к «гласным» на основе той роли, которую они играют в слоге, определенных слов — к «глаголам» — на основе их первичной синтаксической функции, т. е. той роли, которую они играют в предложении, и т. п.) необходимо предполагает наличие в системе соотносительных единиц, обладающих признаком «маргинальности» (т. е. соотв. «согласных», «имен» и т. п.). В этом смысле взаимозависимость между соотносительными элементами «контраста» не отличается, как кажется, от взаимозависимости между оппозитивными членами.

В то же время весьма существенным представляется обстоятельство, что классы единиц, полученные с помощью чисто функциональной классификации (т. е. без обращения к фонетической либо семантической «субстанции»), с достаточной регулярностью обнаруживают различие, которое может быть описано и в терминах субстанциальных признаков²⁷. Так, например, для фонем, являющихся маргинальным элементом слога, характерным артикуляционным признаком можно считать образование и преодоление преграды, для фонем, являющихся

²⁶ R. Jakobson. The correct presentation..., стр. 442.

²⁷ На недавнем съезде фонологов в Вене обсуждался вопрос о зависимости синтагматических характеристик фонемы от ее парадигматической характеристики (доклады Мулячича, Бирнбаума). Представляется, что эта проблема существенна не только для фонологии, но и вообще для лингвистики.

ся центральным элементом слога — отсутствие такой преграды²⁸; делению категории гласных в английском языке на два подкласса в зависимости от возможности или невозможности функционирования в качестве финальных в ударном слоге (синтагматическая характеристика) соответствует различие между субстанциональными признаками «долготы» и «краткости» (парадигматическая характеристика)²⁹; различие первичных синтаксических функций частей речи соотносится с соответствующими семантическими различиями³⁰ и т. п. Это обстоятельство дает возможность включать в число релевантных признаков языковой единицы те черты ее содержания (фонологического или семантического), которые отличают ее как представителя определенного парадигматического класса от всех единиц других соотносительных классов. Так, можно считать, что в фонологическом содержании всех согласных фонем входит существенный признак «консонантность», отличающий их от всех фонем класса гласных, который характеризуется признаком «вокальность», что в грамматическое значение существительных (как представителей определенного синтаксического класса) входит существенная семантическая черта «предметность», отличающаяся от черты «признак (предмета)», который характеризует с семантической стороны два других синтаксических класса — глаголы и прилагательные, в свою очередь различающиеся между собой релевантной семантической чертой «процессуальный — непроцессуальный признак (предмета)» и т. п.

Однако при этом представляется важным проводить строгое разграничение между собственно дифференциальными признаками, различающими единицы одного класса (например, «смычность — фрикативность», «назальность — неназальность», «имперфектность — перфектность», «сингулярность — плюральность» и т. п.), от признаков, различающих целые классы единиц («консонантность», «вокальность», «субстантивность», «адвербиальность» и т. п.).

²⁸ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 104.

²⁹ В. Malmberg. Structural linguistics..., стр. 70.

³⁰ См.: Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Приемлемым обозначением признаков второго рода является, пожалуй, название «интегральные», терминологически соотносительное с названием «дифференциальные»³¹ и, кроме того, подразумевающие момент соединения («интеграции») соотносительных признаков для образования некоторой синтагматической единицы (так, например, сочетание признаков «вокальность» и «консонантность» характеризует слог, «субстантивности» и «глагольности» — предложение и т. п.) — в отличие от альтернативного выбора соотносительных дифференциальных признаков.

Используя термин Б. Мальмберга (в более узком смысле?), назовем отношение между двумя соотносительными дифференциальными признаками «дистинкцией»³². Тогда оппозицию можно будет определить как отношение между двумя единицами, которые характеризуются общим интегральным признаком и для различия которых достаточно одной дистинкции. Это определение является как бы синтезом рассмотренных выше концепций оппозиции: в соответствии со сложившейся традицией, оппозицией считается отношение не между элементарными признаками, а между совокупностями таких признаков; однако, поскольку речь идет об одной определенной дистинкции, каждый член оппозиции имеет однозначно предсказываемый противочлен. Вместе с тем из оппозитивных отношений исключаются отношения, основанные на различии между разными интегральными признаками, хотя бы эти признаки и предполагали друг друга (как, скажем, «вокальность» и «консонантность» или «компактность» и «диффузность» в сочетании с разными интегральными признаками — ср. отношение между компонентами слогов [pi] или [tu].

³¹ Термин «интегральный» заимствован нами у А. А. Реформатского, употребляющего его, правда, в ином смысле, но также противопоставляющего дифференциальные признаки интегральным по признаку различительности — неразличительности (А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 212).

³² Приводимые Б. Мальмбергом примеры «дистинкций» соответствуют данному толкованию, хотя определение дистинкции, которое дает автор, может, кажется, относиться ко всякому различию между любыми «дистинктивными» признаками (т. е. и между соотносительными «интегральными» признаками, и между несоотносительными дифференциальными).

Выше речь шла об общем определении оппозиции, т. е. об установлении тех «дифференциальных признаков», которые отличают этот специальный тип различия между языковыми единицами от других видов возможных между ними отношений. В соответствии с этим определением, грамматической оппозицией следует считать отношение между двумя грамматическими единицами, имеющими общий интегральный признак и различающимися при помощи одной дистинкции, или, другими словами, особый тип релевантного различия между грамматическими единицами, которые, следовательно, должны быть инвариантами по отношению друг к другу и, кроме того, принадлежать к одному парадигматическому классу, различаясь одним дифференциальным признаком.

Это определение можно было бы считать исчерпывающей характеристикой грамматических оппозиций, если бы его практическая ценность не была весьма ограничена из-за неопределенности лежащих в его основе понятий — таких, как грамматическая единица (соответственно — грамматический инвариант в его отношении к грамматическому варианту), парадигматический класс в грамматике, грамматический дифференциальный признак и другие связанные с ними понятия. Все эти понятия, являющиеся базисными понятиями структурно-функциональной лингвистики, представляют собой лишь экспликацию идей, имплицитно содержащихся в любой научной грамматической концепции. Впрочем, с самого начала сознательного отношения к языку соответствующие идеи не были чужды и пониманию звуковой стороны языка. Лишь во второй половине XIX в. функциональный подход к изучению фонологической системы был отчасти предан забвению, так что структурной лингвистике пришлось вести борьбу «за восстановление утраченных позиций»³³. Этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что именно фонологии суждено было стать той областью языкознания, в которой идеи структурализма получили сознательное практическое применение, в результате чего была выработана строго продуманная система свя-

³³ J. Hjelmslev. La notion de rection.— В кн.: L. Hjelmslev. Essais linguistiques, стр. 142.

занных со структурно-функциональным подходом к языку понятий. И хотя в начале возникновения фонологической науки речь шла об использовании в фонологии тех же методов, которые применяются в грамматике³⁴, впоследствии встал вопрос о возможности применения фонологических понятий в грамматическом исследовании — вопрос, который нередко решался отрицательно со ссылкой на неправомерность «механического перенесения фонологических идей в область, принципиально отличную».

С другой стороны, может быть, именно с тем обстоятельством, что в грамматике всегда учитывались как факты содержания, так и факты выражения, в то время как в фонетических исследованиях в определенный период развития лингвистики внимание к семиологической функции звуков отошло на задний план (так что предметом изучения стала исключительно фонетическая субстанция без достаточного учета роли отдельных ее сторон в установлении смысла), связан весьма распространенный взгляд на организацию системы в грамматике и в фонологии. Согласно этому взгляду, своеобразие названных областей состоит в том, что в то время как система фактов выражения в большинстве случаев ограничена тем, что действует лишь внутри своего плана без отражения в плане содержания, грамматическая система имеет отношение к обоим планам одновременно. Частным проявлением этого мнения является убежденность

³⁴ Подробнее об этом см.: Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа, стр. 98—100, где цитируются соответствующие высказывания основателей фонологии, из которых здесь уместно привести следующие замечания Трубецкого: «Так как мир стоящих за эмпирическими звуками ценностей оказался упорядоченной системой, которую по ее в основном регулярной структуре можно сравнить с системой грамматических ценностей, то между наукой о звуках... и грамматикой отныне нет пропасти. Понимаемая таким образом наука о звуках становится отныне... частью языкознания, в которой должны использоваться те же методы, что и в других его разделах» (N. Trubetzkoy. Anleitung zu phonologischen Beschreibungen. Brno, 1935, стр. 3); «Фонология как теория звуковых противопоставлений и морфология как теория формальных противопоставлений представляют собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать противопоставления лингвистических значимостей, причем, все отрасли этой науки должны применять одинаковые методы исследования...» (N. Trubetzkoy. Über eine neue Kritik des Phonembegriffes. «Archiv für vergleichende Phonetik», Bd. I, 1937, стр. 151). (Разрядка наша.— Т. Б.).

большинства исследователей (независимо от положительного или отрицательного решения вопроса о плодотворности использования понятий теории фонологических оппозиций в исследовании оппозиций грамматических) в том, что в качестве членов фонологических противопоставлений выступают односторонние единицы (не-знаки), а в качестве членов грамматических противопоставлений — двусторонние единицы, т. е. знаки. (Нельзя не признать, что позиция тех, кто на основании данного положения относится скептически к попыткам найти сколько-нибудь строгие аналогии между структурой фонологических и грамматических оппозиций, более логична, чем позиция тех, кто, придерживаясь того же положения, считает возможным говорить об их принципиальном изоморфизме). Между тем в действительности и в том и в другом случае — не только в грамматике, но и в фонологии — необходимым условием установления системы оппозиций является обращение к обеим сторонам знака, хотя собственно оппозитивными элементами — не только в фонологии, но и в грамматике — являются односторонние элементы, — не минимальные знаки, но минимальные единицы означаемого либо означаемого. (Это обстоятельство свидетельствует о большей адекватности ельмслеевского определения языка как системы «фигур» по сравнению с формулировкой Соссюра, определяющей язык как систему знаков. Впрочем, определение Ельмслева хорошо согласуется с имеющимися в «Курсе» Соссюра замечаниями о том, что положение о «взаимной противопоставленности, относительности и отрицательности» языковых элементов действительно «лишь в отношении означаемого и означающего, взятых в отдельности; как только мы начинаем рассматривать знак в целом, мы оказываемся перед чем-то в своем роде положительным... Хотя означаемое и означающее, взятое каждое в отдельности, — величины чисто дифференциальные и отрицательные, их сочетание есть факт положительный; это даже есть единственный вид имеющихся в языке положительных фактов, потому что основным свойством языковой организации является именно сохранение параллелизма между этими двумя рядами различий»,³⁵ — замечаниями, на которые

³⁵ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 119.

последователи Соссюра не обратили, как кажется, должного внимания.)

Важно подчеркнуть, что характер отражения определенного типа отношения между единицами одного плана в другом плане в принципе одинаков как в том случае, когда исходным моментом являются единицы плана выражения (и речь идет о том, как именно специфическое отношение между ними отражается в плане содержания), так и в том случае, когда исходным моментом является определенное отношение между единицами плана содержания (и речь идет о том, какому типу отношения соответствует данный тип в плане выражения). Конкретно здесь имеется в виду, что если фонологической оппозиции (т. е. специальному типу отношения между двумя означающими) соответствует какое угодно различие между означаемыми, не только не оппозитивными в узком смысле слова, но даже не обязательно принадлежащими к одному парадигматическому классу³⁶, то и «значимой» оппозиции (т. е. оппозиции между означаемыми) может соответствовать любой тип отношения между означающими, лишь бы они были различны. Так, ни у кого не вызывает сомнения, что отношение между означающими знаков *бить* — *пить* или *дам* — *там* или *гол* — *кол* носит принципиально иной характер по сравнению с отношением между соответствующими означаемыми, так как, с одной стороны, — /б'ит'/ : /п'ит'/ ≠ «бить» : «пить»; /дам/ : /там/ ≠ «дам» : «там»; /гол/ : /кол/ ≠ «гол» : «кол», и, с другой стороны, — /б'ит'/ : /п'ит'/ = /дам/ : /там/ = /гол/ : /кол/, но «бить» : «пить» ≠ «дам» : «там» ≠ «гол» : «кол».

³⁶ Ср. примеры коммутации, приведенные в посвященной этому методу статье Л. Прието, которые показывают, что замена одной из взаимоисключающих фонем на другую не приводит к аналогичному изменению в плане содержания — так, например (во французском языке), в результате замещения фонемы /ʃ/ фонемой /m/, которое превращает означающее /rgard l ʃjẽ/ (Regarde le chien) в означающее /rgard l mjẽ/ (Regarde le mien), происходит замена означаемого «(la chose à regarder est un) chien» означаемым «(la chose à regarder est celle) de celui qui parle», не исключающим первого (тот факт, что предмет, на который нужно смотреть, — собака, не исключает того, что она принадлежит говорящему, так же как тот факт, что предмет, на который нужно смотреть, принадлежит говорящему, не исключает, того, что этот предмет — собака). Таким образом, полученные в результате коммутации означаемые не связаны функцией «или-или» и, следовательно, принадлежат к разным парадигматическим классам (см.: L. J. Prieto. A propos de la commutation. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 17, 1960).

Менее очевидным оказывается тот факт, что и оппозициям, членами которых являются единицы плана содержания, соответствуют лишь различия в плане выражения. Этот факт особенно легко проиллюстрировать на примере означаемых лексических морфем — ср. пропозициональные оппозиции единицы содержания «отец»: «мать» = «сын» : «дочь» = «дядя» : «тетя» = «брат» : «сестра», соответствующие весьма разнообразным различиям между означающими морфем, что, несомненно, является прямым следствием открытого Соссюром принципа произвольности знака. Подобное соотношение, между прочим, доказывает членимость означаемого лексической морфемы на односторонние единицы (т. е. на единицы плана содержания, не имеющие собственного означающего); лишь определенная комбинация таких минимальных единиц соотносится с некоторым означающим, образуя минимальный знак (или, по терминологии Мартине, монему), совершенно так же, как лишь определенное сочетание односторонних единиц плана выражения (фонем) соотносится с некоторым означаемым. Поэтому позиция А. Мартине, который признает фр. *père* и *fils* коррелятивными членами «сигнификативной» оппозиции³⁷ (на том основании, что существование отца предполагает существование сына и обратно)³⁸, но в то же время считает, что «второму членению» может быть подвергнуто лишь означающее этих знаков, представляется нам противоречивой.

Аналогичные сомнения вызывают высказывания Мартине о нечленимости (в плане содержания) «автономных

³⁷ См.: A. Martinet. *Substance phonétique et traits distinctifs*. BSL, 1958, t. 53, f. 1, стр. 78.

³⁸ Там же. — Это утверждение неточно, на что обратил внимание Р. Якобсон, отметив, что «в действительности понятие «отец» («first-degree male ancestor», по определению Х. С. Сёрнсена) необходимо предполагает лишь понятие «дитя», но не более специфическое понятие «дитя мужского пола» (R. Jakobson. *Retrospect*. — В кн.: R. Jakobson. *Selected writings*, I, стр. 645). — Формулируя эту мысль иначе, можно утверждать, что лексема «отец», определяемая как «first-degree male ancestor», необходимо предполагает наличие в системе не только лексемы «сын», прямо противопоставленной первой лексеме по третьему семантическому признаку (ancestor — descendant), но и лексемы «мать» (дифференциальный признак male — female) и лексемы «дед» (дифференциальный признак first-degree — second-degree).

монем» типа франц. hier 'вчера'³⁹. Пропорция оппозиций «там»: «туда» = «здесь»: «сюда» или литовск. «gytoj» ('завтра'): «gytojus» ('завтрашний день') = «šiandien» ('сегодня'): «šis dienas» ('этот день') свидетельствует о том, что содержание соответствующих знаков складывается по крайней мере из двух элементов; так один из элементов означаемого знака *там* совпадает с одним из элементов означаемого знака *туда*, а второй — с одним из элементов означаемого знака *здесь* и т. д. Наличие приведенных пропорциональных оппозиций делает возможным предположение о «полимонематичности» названных слов (при необходимом допущении, что их означающее является «амальгамой» означающих соответствующих монем, так как означающее этих слов не члениится на морфемы), однако это предположение следует отвергнуть ввиду непропорциональности сигнификативных и дистриктивных соотношений «там»: «туда» = «здесь»: «сюда», но /там/ : /туда/ ≠ /здесь/ : /с'удá/. Таким образом, вполне логичным является признание компонентов означаемых *там*, *туда* и т. п. односторонними единицами плана содержания.

Тот же ход рассуждений ведет к признанию членимости означаемого грамматических морфем типа русских или латинских флексий на односторонние единицы плана содержания — таких, как «генитивность» и «сингулярность» или «имперфектность», «непрошедшесть», «1-е лицо» и т. п. По Мартине, окончание русского слова *роза* следует трактовать как комбинацию двух монем «именительный падеж» и «единственное число», имеющих «амальгамированное» означающее, т. е. как сочетание двух двусторонних единиц, между означающими которых невозможно провести границу.

Таким образом, окончания флективных языков типа русского или латинского интерпретируются так же, как франц. *du* (= *de le*) или *aux* (= *à les*). Однако между указанными случаями имеется существенная разница. Монемы *de* или *à* не связаны отношениями интерdependентности с монемой *le*; каждая из них не предполагает наличие другой: так, *de* (или *à*) может сочетаться с существительным без артикля, а артикль, естественно, встреча-

³⁹ См.: A. Martinet. A functional view of language. Oxford, 1961, стр. 43 и след.

ется и без предлога. Кроме того, при сочетании тех же предлогов с определенным артиклем женского рода вполне отчетлива граница между соответствующими означающими: *de la...* и *à la...*. Между тем значения падежа и числа не могут существовать отдельно друг от друга, т. е. связаны отношениями симультанности. Их сочетание представляет собой определенное единство, подобное совокупности фонологических дифференциальных признаков, образующей фонему. При этом отношения между означаемыми, в состав которых входят подобные единицы содержания, носят иной характер по сравнению с отношениями между соответствующими означающими. Так, например, оппозиция, существующая между означаемыми форм *стол* : *столы*, пропорциональная оппозиции между означаемыми *волны* : *волн* (и та и другая образуется оппозицией по числу, так что они могут быть символизированы как $L_1\text{masc.nom.sing.} : L_1\text{masc.nom.plur.} = L_2\text{fem.gen.sing.} : L_2\text{fem.gen.plur.} = \text{sing.} : \text{plur.}$), выражается, с одной стороны, различием между означающими /стол/ : /столы/, сводимым к различию /θ/ : /ы/, и, с другой стороны, различием между означающими /волны/ : /волн/, которое можно свести к различию /-ы/ : /θ/. Таким образом, тождеству двух оппозиций плана содержания $\frac{\text{Sing.}}{\text{Plur.}} = \frac{g}{\text{Plur.}}$ соответствует не только ни в коей мере не аналогичное, но прямо противоположное отношение между двумя различиями в плане выражения (/θ/ : /-ы/ ≠ /-ы/ : /θ/). Отсюда следует, что грамматические оппозиции устанавливаются между односторонними единицами содержания так, что этим оппозициям соответствуют различия между означающими тех знаков, элементами которых являются данные единицы⁴⁰. Это разли-

⁴⁰ Сходного понимания оппозиции как отношения принципиально отличного от простого различия придерживается Н. Д. Арутюнова (см. ее рец. на кн.: Л. Прието «Принципы ноологии». — ВЯ, 1966, № 3). На то, что оппозиции на уровне означаемого (auf der Ebene des *signatum*) обычно сопутствует лишь различие на уровне означающего (auf der Ebene des *signans*) со всей четкостью указал в 1939 г. Р. О. Якобсон (Zur Struktur des Phonems. — В кн.: R. Jakobson. Selected writings, I, стр. 298). Следует подчеркнуть, что именно соответствие содержательной оппозиции различию в плане выражения является основанием для того, чтобы считать элементами «сигнификативных оппозиций» элементы означаемого, т. е. не знаки, независимо от того, что некоторые элементы содержания обна-

чие, т. е. факт коммутабельности рассматриваемых единиц содержания, является необходимым условием их оппозитивности. Другим необходимым условием является, по определению, принадлежность единиц к одному парадигматическому классу, или, другими словами, их способность занимать одну и ту же позицию по отношению к другим единицам содержания.

Как же определяется позиция для элементов плана содержания, который, по мнению многих лингвистов, лишен организации, аналогичной организации плана выражения?

Как известно, организацию плана выражения многие связывают с линейностью означающего, т. е. с развертыванием означающего во времени, основными категориями которого являются отношения сукцессивности и симультанности. На основании критериев сукцессивности и симультанности различаются такие элементы плана выражения, как дифференциальный признак (элементарная единица плана выражения, встречающаяся лишь в сочетании с дифференциальными признаками другого рода), фонема (с одной стороны — сложная, т. е. не элементарная, единица, представляющая собой совокупность симультанных дифференциальных признаков, с другой стороны — единица минимальная, не способная к разложению во времени), слог (минимальная единица синтагматики, т. е. минимальная структура, состоящая из це-

руживают «тенденцию к непосредственной филологической символизации, но тенденцию лишь частичную и непоследовательную» — как заметил в другой связи У. Чейф, приводя в качестве иллюстрации того, что «одна и та же единица может быть компонентом в одном окружении, морфемой — в другом», в частности, «семологический» элемент «объективность», выделяющийся в англ. *him, them* (по противопоставлению «субъективности» в *he, they*), который, как можно полагать, непосредственно символизуется фонемой *m*, чего нельзя сказать о том же семологическом элементе в *us* или *her* (W. L. Chafe, *Meaning in language*. — «*American Anthropologist*», 1965, pt. 2, v. 67, № 5, стр. 31—32). С тем же успехом можно было бы приписывать морфемный статус, например, элементу «3-е лицо» (в русском языке), считая, что означающим этой морфемы является фонема *t* в форме *говорит, говорят*, а означающими морфем «сингулярность» и «плюральность» — *-и-* и *-а-* соответственно (ср.: R. Jakobson, *Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Harvard University, 1957). Однако в формах *говорю, говорим* естественнее считать, что соответствующие семантические элементы не имеют собственного означающего. Число подобных примеров можно было бы, разумеется, значительно увеличить.

почки последовательных фонем, характеризующейся определенной иерархией, или сочетание одного центрального элемента с одним или несколькими маргинальными элементами, которые могут и отсутствовать), фонологическое слово (один или несколько слогов, единство которых определяется обязательным наличием одного ударения, представляющего собой суперсегментное или надлинейное явление). Все эти единицы существенны для фонологических оппозиций: минимальной единицей парадигматики является фонема, минимальной единицей синтагматики — слог, дифференциальный признак фонемы представляет собой минимальное различие двух фонологических оппозиций, слово — минимальное единство, необходимое для коммутативного испытания, т. е. для установления факта функционального различия фонем, являющегося условием их оппозитивности.

Что же в плане содержания аналогично названным единицам выражения? Можно ли говорить об определенной организации и об определенной иерархии элементов грамматического значения?

Совершенно очевидно, что понятия «позиция», «порядок», «одновременность», «последовательность», «центральность», «маргинальность» и т. п. могут относиться к единицам плана содержания в том случае, если их понимать не как термины пространства и времени, а только в чисто логическом смысле взаимной независимости или односторонней либо двусторонней зависимости. Именно такое понимание лежит в основе некоторых, пока еще немногочисленных, исследований организации плана содержания, авторы которых считают возможным говорить об определенном «порядке» (*order*) элементов в «цепочке» (*chain*), образуемой сочетанием единиц содержания, или о simultанности некоторых элементов содержания, позволяющей выделять в плане содержания единицу, которая представляет собой совокупность одновременных семантических признаков и в этом смысле аналогична фонеме. Так, например, в статье Й. Хольта «Порядок единиц содержания»⁴¹, в терминах предшествования и следования описывается «порядок расположения» морфем (так называются в соответствии с глоссематической

⁴¹ J. Holt. *Order of content entities*. «Language and Society», Copenhagen, 1961,

традицией единицы содержания, составляющие часть флективного элемента, в отличие от «плерем», принадлежащих основе): так в латинских существительных «число» предшествует «падежу», стоя, так сказать, ближе к центру; в прилагательных порядок расположения морфем — 1) «род», 2) «число», 3) «падеж»; в глаголе «наклонение» предшествует «времени», а «число» — «лицу» и т. п.

Понятием «симультанности» широко пользуется при исследовании плана содержания Л. Прието, в работах которого доказывается, что в означаемом высказывании присутствие некоторого релевантного признака может быть необходимо связано с присутствием другого признака (так что эти признаки образуют некое единство) и не связано с другими присутствующими в высказывании признаками (образующими другие единства). Такие совокупности предполагающих друг друга признаков (называемые «ноэмами») обычно совпадают с означаемым слов, хотя анализ означаемого высказывания на ноэмы проводится совершенно независимо от членения высказывания на слова ⁴².

Эти исследования убедительно опровергают мнение тех, кто, подобно Р. Уэллсу, считает, что в то время, как в плане выражения «текст организован при помощи временного порядка» (the text is *ordered* by the order of time) ⁴³, в плане содержания «фактор времени отсутствует; текст лишен временной организации, если не говорить о случайностях, обязанных ассоциации с планом выражения («...time is lacking; the text has no temporal ordering, except per accidens through its association with the E-plane»); следовательно, при почти полном отвлечении от плана выражения ⁴⁴ даже эта случайная организа-

⁴² См.: L. J. Prieto. Rapport paradigmatic et rapport syntagmatic sur la plan du contenu. «Omăgiu lui Iorgu Iordan». București, 1958; Он же. Les principes de noologie. The Hague, 1964.

⁴³ См.: R. Wells. Is a structural treatment of meaning possible? «Reports of the VIII-th International Congress of Linguists». Oslo, 1957, стр. 202.

⁴⁴ А при установлении грамматических оппозиций речь как раз и идет об исследовании отношений между грамматическими значениями при «почти полном отвлечении» (under nearly-total abstraction) от грамматических форм, т. е. об исследовании отношений между означаемыми, принимающем во внимание лишь тождество

ций перестанет существовать и здесь не будет вовсе никакой организации⁴⁵. Можно, правда, сомневаться в том, что, как полагает Прието, «организация звукового означающего, действительно, полностью зависит от того, что оно развертывается во времени» и что поэтому, хотя «глобальное означаемое... также представляет определенную организацию», «в известной мере аналогичную организации означающего», она все же «основана на совершенно отличных фактах» (разрядка наша.—Т. Б.)⁴⁶. Ведь и в плане выражения понятия, связанные с понятием организации, следует интерпретировать скорее в терминах логической зависимости, чем в терминах времени и пространства; так, очевидно, что «центральность» гласных и «маргинальность» согласных в структуре слога не определяется их линейной позицией: гласные занимают центральную, а согласные маргинальную позицию не только в слогах структуры CVC или CCVCC, но и в слогах структуры CV, VC, CCCC, VCC и т. д., аналогичным образом, понятие «неразложимости во времени» определяется не собственно временной последовательностью определенных артикуляционных движений; каждая фонема определенного языка «неразложима во времени» лишь с точки зрения данной фонологической системы⁴⁷, так что понятия фонологической и «субфонологической» симультанности и линейности могут и не совпадать⁴⁸.

Что касается конкретной интерпретации организации плана содержания, которая содержится в упомянутых выше работах, то нам представляется целесообразным предложить несколько отличную концепцию иерархии грамматических единиц.

или различие соответствующих означающих (см.: L. J. Prieto. *Rapport paradigmatique...*, стр. 706).

⁴⁵ R. Wells. Указ. соч., стр. 202.

⁴⁶ L. J. Prieto. *Rapport paradigmatique...*, стр. 706.

⁴⁷ Ср. фонологическую интерпретацию у Трубецкого нем. [y:] как единицы, неразложимой во времени, хотя «с фонетической точки зрения это [y:] представляет собой некоторый промежуток времени, заполненный артикуляцией [y]» (Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 42), или же приписывание звуковой последовательности [tʃ] бифонемной значимости в английском и монофонемной значимости в испанском языке, например у Мартине.

⁴⁸ Об этом нам уже приходилось говорить в работе «Пражская лингвистическая школа», стр. 63—64.

Такие элементы грамматического значения, как, например, «совершенство», «прошедшесть», «расчлененность» («плюральность») и т. п., сопоставимы с фонологическими дифференциальными признаками (а не с фонемой, как имплицитно⁴⁹ или эксплицитно полагают те, кто называет эти значения «морфемами»⁵⁰ или «граммемами»⁵¹ или «семами»⁵²). Являясь минимальными, далее неделимыми компонентами грамматического значения, они—так же как в плане выражения дифференциальные признаки фонемы—представляют собой элементарные единицы плана содержания и подобно дифференциальным признакам являются собственно оппозитивными и (в смысле Поса и Якобсона), ибо каждый из них однозначно и необходимо связан с определенным противочленом (нет «совершенности» без «несовершенности», «прошедшесть» без «непрошедшесть», «феминальности» без «маскулинности» или «нефеминальности» и т. п.).

Совокупность симультанных (т. е. не встречающихся одно без другого, «интердепендентных», если воспользоваться термином ельмслевовской классификации логических зависимостей) элементарных грамматических значений представляет собой в плане содержания единицу,

⁴⁹ Имеется в виду терминологическая соотносительность названий соответствующих единиц.

⁵⁰ См.: J. Holt. Указ. соч., а также и другие работы глоссе-матической ориентации.

⁵¹ Ср.: K. Pike. Grammemic theory. «General Linguistics», 1957, v. 11, № 2. Он же. On tagmemes, nées grammemes. IJAL, 1958, vol. XXIV, 4; З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964.— Следует отметить, что авторы последней работы не вполне последовательны, когда они определяют грамему как элементарное морфологическое значение (стр. 35) и в то же время считают «граммемами» не только действительно минимальные элементы грамматического значения (например, «единственное число» и «множественное число», «совершенный вид» и «несовершенный вид»), но и сложные его компоненты (как, например, «1-е лицо», «будущее время» и т. п.), «комплексность» которых вытекает из того, что соответствующие единицы принадлежат к «многочленным категориям» (подробнее об этом ниже).

⁵² См. работы В. Скалички, о которых нам уже приходилось говорить в соответствующем разделе кн. «Основные направления структурализма» (стр. 100—102). Там же отмечалась целесообразность считать сему не базисным элементом грамматики, а компонентом содержания морфемы, и предлагалось сближать сему не с фонемой, а с дифференциальным признаком (стр. 102).

аналогичную «неразложимой во времени» единице плана выражения — фонеме. С точки зрения терминологической последовательности удобно называть такую совокупность граммемой, а аналогичную совокупность элементарных лексических значений («семантических множителей») — лексемой. Так, например, грамматическое значение формы *постучу* (которое представляет собой граммему, принадлежащую к подклассу финитных класса глагольных граммем) разлагается на ряд сосуществующих и предполагающих одно другое элементарных грамматических значений (дифференциальных признаков граммемы): «совпадение субъекта действия с говорящим» (ср. *постучишь*); имплицированный этим признаком признак «персональности», противопоставляющий рассматриваемую граммему вместе с граммемой формы *постучишь* граммеме, содержащей признак «имперсональности» (ср. *постучит* с «нулевым подлежащим»: *стучит в голове — ничего, постучит и перестанет*); «непрошедшесть» (ср. *постучал*); «совершенство» (ср. *стучу*); «нерасчлененность субъекта» (ср. *постучим*), «индикативность» (ср. *постучал бы*); «нерефлексивность» (ср. *постучится*), а также имплицированный всеми этими признаками признак «процессуальность» (противопоставляющий весь класс глагольных граммем граммемам других дистрибутивных классов) и признак «финитность» (противопоставляющий весь подкласс финитных граммем нефинитным глагольным граммемам).

Следует заметить, что факт взаимной детерминированности, или интердепендентности, («симультанности») этих признаков не опровергается тем, что глагольные граммемы других подклассов могут обнаруживать меньшую сложность, включая в свое содержание лишь некоторые из перечисленных выше признаков. Так, например, граммемы, принадлежащие к подклассу нефинитных класса глагольных граммем, могут быть противопоставлены одна другой только по двум признакам: «совершенство — несовершенство» и «рефлексивность — нерефлексивность» (ср. *стучать — постучать, стучать — стучаться*), которые, следовательно, могут существовать и отдельно от остальных названных выше признаков, связанных с признаком «финитности». Но аналогичная «парадигматическая нейтрализация» (т. е. несовместимость некоторых признаков, в данном случае — признака «инфинитно-

сти» с признаками «персональности» и «времени») происходит и в плане выражения. Так, признак «назальности» в русской консонантной системе несовместим с признаком «глухости — звонкости», признак «заднеязычности» — с признаком «твердости — мягкости», признаки «заднеязычности» и «фрикативности» — не только с признаком «твердости — мягкости», но и с признаком «глухости — звонкости» и т. п. Однако дифференциальные признаки максимально сложных по фонологическому содержанию фонем, например, фонемы б' («губно-губность», «смычность», «звонкость», «мягкость») следует признать симультанными несмотря на то, что «губно-губность» и «смычность» относятся соответственно к тем же категориям, что «заднеязычность» и «фрикативность», которые встречаются в других фонемах (русск. х) отдельно от признаков «звонкости — глухости» и «твердости — мягкости».

Сочетание лексемы и граммемы, представляющее собой минимальную единицу номинации (и совпадающее обычно с означаемым слова), уместно сопоставлять со слогом. При этом грамма функционально сходна с гласной, а лексема с согласной фонемой. Грамматическое значение (грамма) является обязательным, то есть центральным компонентом означаемого слова, лексическое (лексема) — не обязательным, или маргинальным, элементом, как об этом свидетельствует наличие местоимений, значение которых представляет собой совокупность ряда грамматических признаков (например, «нечто» = «субстантивность» · «именительный падеж», «где-то» = «место действия»; «некий» = «адъективность» · «мужской род» · «единственное число» · «именительный падеж»⁵³. Обязательность присутствия в озна-

⁵³ Интерпретация местоимений как слов, лишенных лексического значения, дает возможность согласиться с определением грамматического значения как обязательно выражающегося в слове, в отличие от неграмматического (наиболее четкая формулировка этого взгляда содержится в статье: И. А. Мельчук. О типах языковых значений.— В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук... О точных методах исследования языка. М., 1961). В противном случае следовало бы признать, что лексическое (по терминологии Мельчука, «неграмматическое») значение является столь же обязательным элементом значения слова, как и грамматическое значение — с той только разницей, что вероятность появления каждой данной лексемы неизмеримо меньше вероятности появления

чаемом слова одной и только одной граммемы (т. е. невозможность наличия в грамматическом значении слова двух взаимнопротивопоставленных грамматических признаков) при возможности отсутствия лексем, с одной стороны, и присутствия нескольких лексем, с другой, можно сопоставить с аналогичной структурой слога в плане выражения: семантическую структуру местоимений, которую можно символизировать как «G»⁵⁴, можно сравнить со слоговой структурой типа V, структура большинства «обычных» слов, например, *стучу* или *вода*, изображаемая как «LG», аналогична канонической слоговой структуре CV и, наконец, структура «(L)LLG» (ср. слова *чернобелая*, *серобуромалиновый*, *носорог*, в означаемом которых сочетаются лексем, принадлежащие к одному парадигматическому классу), сопоставима со слоговой структурой (C)CCV. (Можно было бы продолжить дальше предложенную аналогию: ср. наличие в языке большого количества лексем и согласных при малом количестве граммем и гласных — при их примерно одинаковом распределении в тексте; аналогичное соотношение частотности лексем и граммем и частотности согласных и гласных; большая информативность лексем и согласных по сравнению с информативностью граммем и гласных; — все это, однако, не столь существенно для нашей задачи: выявление организации единиц содержания в синтагматике и парадигматике для определения грамматических оппозиций.)

Роль, аналогичную той, которую выполняет в установлении фонологических оппозиций слово, выполняет для грамматических оппозиций предложение. Подобно тому, как функциональному различию фонем должно соответствовать различие в значении слов, в состав каждой данной граммемы. Однако в обоих случаях эта вероятность существенно меньше единицы: $\frac{1}{n}$ для лексем (n — число существующих в языке лексем, очень большое, но конечное), $\frac{1}{2}$ (или несколько меньшая для многочленных категорий) — для граммем. Что касается вероятности появления в слове какой угодно из существующих в языке лексем и граммем, то в обоих случаях (если не считать местоимений или если считать, что они обладают определенным лексическим значением) она будет равняться единице.

⁵⁴ «G» — условное обозначение граммемы, «L» — лексем.

рых они входят, так релевантному различию грамматических значений должно соответствовать различие в форме предложения, ограничивающееся иногда лишь, например, порядком слов.

Акцентную схему (фонологического) слова можно сравнить с синтаксической схемой, характеризующей все предложение. Элементарные синтаксические значения уместно сопоставить с суперсегментными, или просодическими, признаками. С точки зрения той роли, которую играют просодические признаки в оппозициях плана выражения и синтаксические признаки в грамматических оппозициях, следует различать два типа этих признаков.

К одному типу относится динамическое ударение в языках, не имеющих постоянного места ударения. В этих языках место ударения может служить средством дифференциации означающих двух слов, имеющих и различные значения — ср. русск. *мука́* — *му́ка*. Однако ударение в подобных случаях не является дифференциальным признаком ударного гласного; нельзя говорить об оппозиции *y: ú* и *á: a* в приведенной паре слов, так как *y* и *ú*, *a* и *á* никогда не находятся в одном и том же фонологическом окружении, в одной и той же позиции⁵⁵ и, следовательно, принадлежат к разным парадигматическим классам. Функция ударения, устанавливающего не оппозицию в парадигматическом плане, а контраст между ударным и безударным слогами в плане синтагматики, является, таким образом, контрастивной («культуративной»), а не дистинктивной⁵⁶.

С другой стороны, двум качественно различным видам ударения, занимающим одинаковую позицию в двух словах, в прочих отношениях тождественных (например, латышск. *liēls* 'голень' — *li ls* 'большой'; *plāns* 'тонкий' — *plāns* 'глиняный пол'; лит. *áušta* 'становится прохладно' — *ūšta* 'светает'; *ántis* 'утка' — *añtis* 'пазуха'; *mérkti* 'мор-

⁵⁵ Ср., например: П. С. Кузнецов. К вопросу о фонологии ударения. «Доклады и сообщения филол. ф-та МГУ», 1948, вып. 6; Р. И. Аванесов. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 121—122.

⁵⁶ См.: А. Martinet. Accent et tons. «Miscellanea Phonetica», 1954, II, а также: Р. Garde. L'application des méthodes phonologiques à la description synchronique des faits d'accent. (Доклад на недавнем фонологическом конгрессе в Вене).

гать' — *teĩktĩ* 'мокнуть' и т. п.), можно было бы приписать роль дистинктивного признака, прямо противопоставляющего друг другу соответствующие фонемы.

Как кажется, позволительно видеть определенную аналогию описанному положению вещей и в сфере синтаксиса. С одной стороны, не следует считать оппозицией чисто синтаксическое различие между единицами плана содержания, не осложненное добавочным качественным (семантическим) различием. Так, например, нет никакой семантической оппозиции между личной формой глагола и действительным причастием в русском языке⁵⁷. Они всегда находятся в различных грамматических контекстах, всегда занимают разную позицию, являясь либо чисто предикативными глагольными образованиями (спрягаемые формы), либо непредикативными (причастия) — ср.: *мальчик бежит — бегущий мальчик*, но невозможно: **мальчик бегущ* или **мальчик был бегущим (бежавшим)*⁵⁸. Точно так же во многих случаях нет оснований считать оппозитивными разные падежные «значения» в языках типа русского или латинского. Так, в предложениях *наших бьют* и *наши бьют* винительный и именительный падежи занимают различные позиции; их взаимная субституция автоматически изменяет всю синтаксическую схему предложения; находясь, следовательно, в различных грамматических контекстах, они не являются прямо противопоставленными; можно говорить лишь об оппозиции формы *наших* «нулевому дополнению» предложения *наши бьют* и об оппозиции формы *наши*

⁵⁷ Ср. интересные соображения М. В. Панова, доказывающего, что причастие не является в русском языке особой частью речи (М. В. Панов. О частях речи в русском языке. «Филол. науки», 1960, № 4, стр. 5, сноска 5).

⁵⁸ Иначе обстоит дело, например, в литовском языке. Случай предикативного употребления причастий, которые находятся, таким образом, в позиции, тождественной позиции личного глагола, дают возможность говорить о вертикальном противопоставлении (термин Е. Куриловича, употребленный в высказанных в другой связи замечаниях о первичности синтаксических различий по отношению к семантическим, в силу чего семантические различия должны устанавливаться только в пределах одного и того же синтаксического класса, см.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 190) значений «финитности» и «причастности». Это дает основание ввести в список литовских глагольных оппозиций оппозицию, члены которой семантически противопоставлены друг другу по признаку «эвиденциальности».

«нулевому подлежащему» предложения *наших бьют*⁵⁹. Формы именительного и винительного падежей, принадлежа к различным парадигматическим классам, связаны отношением «in praesentia» (ср. *свои своих бьют* или *рука руку моет* или Paulus Paulum videt), которое представляет собой не оппозицию, а контраст⁶⁰ (так же, как ударный и безударный слоги, ср.: *кукушка, баба* и т. п.), в то время как члены, выполняющие тождественные синтаксические функции — два подлежащих или два прямых дополнения (если только они не связаны при помощи сочинения) — взаимно исключают друг друга, т. е. связаны отношением «in absentia» и, следовательно, образуют оппозицию⁶¹.

С другой стороны, в языке наблюдаются случаи, когда между двумя различными синтаксическими формами существует семантическое различие. Так, например, чисто синтаксическое различие между винительным и родительным падежом⁶² в русском или литовском языке (*читать книгу — чтение книги, skaityti knygą — knygos skaitymas*) противостоит семантическому различию между теми же падежами, когда они занимают тождественные позиции и, следовательно, прямо противопоставлены друг другу (так, винительный и родительный падежи в сочетании с одними и теми же глаголами являются чле-

⁵⁹ См. соображения С. Лампаша о соотношении латинских предложений *vir videt — virum videt*, которые он сравнивает с предложениями *Paulus virum videt* и *Paulum vir interfecit*, доказывая, что при любом порядке слов лишь члены, имеющие тождественные «синтагматические функции», взаимно коммутательны: *Paulus/vir, virum/Paulum, videt/interfecit* (S. Lampach. La neutralisation des oppositions grammaticales. «Travaux de l'Institut de Linguistique», 1957, v. II, стр. 190—191).

⁶⁰ Там же, стр. 191.

⁶¹ В данном случае лексическую, а не грамматическую (как, кажется, полагает Лампаш).

⁶² Ср.: Е. Курилович. Проблема классификации падежей. «Очерки по лингвистике». М., 1962. — По-видимому, именно на отсутствие семантического различия между соответствующими падежами обращал внимание Н. С. Трубецкой, когда писал, что тот факт, что аккузатив функционирует как «приглагольный детерминант» (le cas déterminant adverbial immédiat), а генитив — как «применной детерминант» (le cas déterminant adnominal), объясняет формальное совпадение аккузатива и генитива (частично или полное) во многих языках, см.: N. Trubetzkoy. Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini. «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally». Genève, 1939, стр. 78.

наии оппозиции по признаку «определенности — неопределенности») ⁶³.

Если рассматривать описанные выше явления с точки зрения отношения к оппозициям, позволительно сравнивать чисто синтаксические (неопозитивные) различия с кульминативной (неопозитивной) функцией ударения, а семантические, дистинктивные, различия разных синтаксических форм, занимающих одну и ту же позицию в предложении, — с дистинктивным, качественным различием разных видов ударения, занимающих одну и ту же позицию в слове. По признаку центральности — маргинальности уместно сопоставить с центральным элементом (фонологического) слова — ударным слогом — предикативное слово (обычно — глагол), являющееся центральным элементом предложения (ср. безличные и неопределенно-личные предложения типа русск. *светает, подморозило, говорят, жаль, холодно, пора* и т. п.) ⁶⁴, а с маргинальными элементами (фонологического) слова — безударными слогами (с возможной дифференциацией на первый предударный, второй предударный, первый заударный, второй заударный и т. д.) — прочие члены предложения (с дифференциацией на различные синтаксические классы, примерно соответствующие «частям речи»).

Таким образом, иерархия единиц плана содержания (в их отношении к оппозициям) в сопоставлении с иерархией единиц плана выражения может быть представлена следующим образом (см. таблицу, стр. 208).

Представляется, что достаточным оправданием предложенной аналогии между структурной организацией обоих языковых планов является сходство соответствующих единиц хотя бы только в отношении тех характеристик, которые даны в левом столбце таблицы, — даже если сходство между ними этим бы и исчерпывалось. То обстоятельство, что сопоставление рассматриваемых единиц оказывается уместным и по ряду других основа-

⁶³ См. подробнее: Т. В. Булыгина. О сочетаниях с родительным падежом в современном литовском литературном языке. «Lietuvių kalbos klausimai», II. Vilnius, 1959.

⁶⁴ Ср. соответствующую идею Куриловича, который предлагает иное сопоставление: предложение — слог, глагол — гласный, прочие члены предложения — согласные, что в принципе представляется также вполне уместным (Е. Курилович. Понятие изоморфизма. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике).

Единицы, расположенные в порядке возрастающей сложности	План выражения	План содержания
Односторонние элементарные единицы, каждая из которых предполагает наличие в системе другой, прямо противопоставленной ей единицы	Дифференциальный признак	Семантический дифференциальный признак («семантический множитель», «сема»)
Симультанная совокупность элементарных единиц, являющаяся минимальной единицей парадигматики	Фонемы (согласные и гласные)	Семемы (лексемы и граммы)
Минимальная единица синтагматики, обычно большая, но эвентуально совпадающая с предыдущей единицей центральный элемент маргинальные элементы	Слог гласная согласные	Автономная синтагма, примерно совпадающая со «словом» граммема лексемы
Двусторонняя единица, в рамках которой производится коммутация (обычно большая, но иногда совпадающая с предыдущей единицей) ⁶⁵ центральный элемент маргинальные элементы	(Фонологическое) слово ударный слог безударные слоги	Предложение предикативное слово (≈ «глагол») прочие «члены предложения»

ний (о некоторых из них говорилось выше), а также то, что примерно те же «сигнификативные» единицы, которые были выделены нами специально как аналоги соответствующих фонологических единиц, издавна выделяются в языкознании на основе совершенно других предпосылок (т. е. факт совпадения «в одной точке» различных критериев, который, по замечанию К. Бейзеля⁶⁶, яв-

⁶⁵ Наличие двух типов единиц синтагматики не является универсальным ни для плана выражения, ни для плана содержания: в некоторых языках (например, в «моносиллабических» типа бирманского, см.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 274) совпадают фонологическое слово и слог; или же нет оснований для разграничений «слова» и «морфемы».

⁶⁶ Ср. следующее высказывание Бейзеля (по поводу лингвистического статуса фонемы): «...фонемы — это ни артикуляторные, ни аку-

ляется доказательством лингвистической реальности единицы) — все это представляет лишний аргумент в пользу правомерности предложенной аналогии.

В соответствии со сказанным, следует различать два основных типа отношений между единицами плана содержания: отношения контраста между сосуществующими единицами (*in praesentia*) на синтагматической оси и оппозитивные отношения между взаимоисключающими единицами (*in absentia*) на парадигматической оси. Отношения первого типа связывают, во-первых, лексему и грамему внутри автономной синтагмы (это отношение подобно контрасту между согласной и гласной внутри слога) и во-вторых, автономные синтагмы внутри предложения (эти отношения подобны контрастам между безударными и ударным слогами внутри фонологического слога). Отношения второго типа связывают различные семемы, принадлежащие к одному классу — классу лексем или классу граммем, т. е. некоторые совокупности элементарных лексических значений, способные сочетаться с данной граммемой, и некоторые совокупности элементарных грамматических значений, способные сочетаться с данной лексемой.

Грамматической оппозицией можно называть, таким образом, минимальное релевантное⁶⁷ семантическое различие между двумя граммемами, находящимися в тождественном грамматическом окружении, т. е. принадлежащими к одному парадигматическому классу. При этом принадлежность граммем к одному парадигматическому классу определяется не только тождественностью непосредственного семематического окружения внутри одного слова (т. е. сочетаемостью с одной и той же лексемой), но и тождественностью синтаксической позиции включающих данные граммемы слов внутри предложения

стические, ни нервные (*neural*), ни чисто функциональные единицы; фонемы — это лингвистические единицы, которые должны быть постулированы на основании совпадающих показаний всех уровней. Именно это совпадение создает единицу. «Лингвистическая реальность» фонемы — это как раз факт совпадения различных критериев в одной точке. Маргинальный характер единицы определяется отсутствием их совпадения» (С. Е. V a z e l l. *Phonemic and morphemic analysis*. «Word», 1952, v. 8, № 1, стр. 35).

⁶⁷ «Релевантное» — т. е. имеющее отражение в различии между соответствующими единицами плана выражения.

(совершенно так же, как позиция фонемы определяется не только непосредственным фонематическим окружением, но и «синтаксической» позицией слога в составе фонологического слова) ⁶⁸.

Таким образом, первой процедурой граммематического анализа должно быть установление инвентаря граммем, способных фигурировать в каждой данной позиции (напомним, что, поскольку речь идет о единицах содержания, «позиция» употребляется не в пространственном смысле, а как термин логической зависимости). Эта процедура, которую некоторые исследователи называют именно «оппозицией» ⁶⁹, соответствует процедуре установления «микрофонем» в методике фонологического анализа пражской школы ⁷⁰.

В качестве иллюстрации рассмотрим, например, предложения: 1) *маленький школьник почтительно слушает большого школьника*; 2) *школьник, почтительно слушающий большого школьника, мал*; 3) *почтительный школьник слушает*; 4) *маленький школьник почтителен*.

Последовательно подвергнув коммутационному испытанию все граммемы, содержащиеся в первом предложении, структуру которого можно изобразить при помощи схемы ^{70а}:

$$1) A_n \rightarrow N \leftrightarrow V \begin{cases} \swarrow \text{Acc} \leftarrow A_{acc} \\ \searrow A_v \end{cases}$$

мы обнаружим, что в один парадигматический класс войдут граммемы, способные выступать в позиции N, т. е. входить в состав означаемого слов, находящихся в атрибутивной связи с A_n и в предикативной — с V, или — в терминах «семантической субстанции» — в состав слов, способных быть «носителями непроцессуального и процессуального признаков» (этот класс граммем представ-

⁶⁸ Ср., например, E. Fischer-Jørgensen. The commutation test and its application to phonemic analysis. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, стр. 146.

⁶⁹ См. выше, стр. 178.— Впрочем, Мальмберг имеет в виду соответствующую процедуру фонологии.

⁷⁰ См.: «Основные направления структурализма», стр. 66—67.

^{70а} В схеме приняты следующие сокращения: V — глагольный центр предложения, N и Acc — существительные в именительном и винительном падежах соответственно, A_n и A_{acc} — адъективные определения к существительным соответствующих падежей, A_v — адвербиальное определение глагола, P₁ — причастие, A_{p1} — адвербиальное определение причастия; стрелки указывают направление синтаксической зависимости.

лен грамматическими значениями слов *школьник, школьницы, школьница, школьницы*); в другой класс войдут граммемы, которые могут занимать центральную позицию V, т. е. входить в состав слов, способных быть предикатом для N и детерминатом со стороны Av и Acc, или — содержательно — обозначать процессуальный признак предмета N и определяться непроцессуальным признаком Av и объектом Acc (этот класс представлен грамматическими значениями форм *слушает, слушал, слушала, слушают, слушали, послушает, послушают, послушал, послушала, послушали, слушал бы, послушал бы* и т. д.); в третий класс войдут граммемы, способные выступать в позиции Ap (это грамматические значения форм *маленький, меньший, наименьший* или *самый маленький*, обозначающие непроцессуальный признак предмета N); в четвертый — граммемы, возможные в позиции Acc, т. е. способные образовывать синтагмы, обозначающие предмет, являющийся объектом (это грамматические значения форм *школьника, школьников, школьницу, школьниц*); в пятый — граммемы, возможные в позиции Aacc, т. е. граммемы, которые входят в состав слов, обозначающих, подобно Ap, непроцессуальный признак предмета Acc (этот класс представлен грамматическими значениями форм *большого, большего, наибольшего* или *самого большого*), и наконец, в шестой — граммемы, возможные в позиции Av, образующие слова, которые обозначают непроцессуальный признак процессуального признака V (класс Av представлен граммемами, являющимися компонентами означаемых слов *почтительно, почтительнее, почтительнейше* или *наиболее почтительно*).

Аналогичная процедура в отношении остальных предположений, структуру которых изобразим соответственно с помощью схем

$$2) \text{Ap}t \rightarrow \text{Pt} \rightarrow \text{N}' \leftrightarrow \text{A}'n \quad 3) \text{Ap}'' \rightarrow \text{N}'' \leftrightarrow \text{V}'$$

$$\begin{array}{c} | \qquad \uparrow \\ \text{A}'acc \rightarrow \text{Acc}' \end{array}$$

4) $\text{A}'''n \rightarrow \text{N}''' \leftrightarrow \text{A}''n$, приводит к установлению еще двенадцати грамматических «микроклассов»: классы N', N'', N''', V', Apt, Acc', A'acc, A'''n, представленные каждый определенным набором грамматических значений форм, уже перечисленных соответственно для классов N, V, Av, Acc, Aacc и Ap, а также класс Pt, представленный

грамматическими компонентами слов, обозначающих процессуальный признак N' (*слушающий, слушавший, послушавший*), класс A'п, в который входят граммы, образующие названия непроцессуального признака предмета N' (это грамматические значения форм *мал, меньше, самый маленький*), класс A''п, объединяющий грамматические значения форм *почтительный, более почтительный* (или *почтительнейший*), *самый почтительный* (или *наипочтительнейший*), и, наконец, класс A'''п, включающий граммы, которые являются компонентами означаемого слов *почтителен, почтительнее* и *самый почтительный* (или *наиболее почтителен*).

При помощи серии оппозиций внутри каждого класса устанавливается семантическое содержание («значимость») каждой граммы, т. е. определяются дифференциальные признаки, необходимые и достаточные для того, чтобы отличить любую грамму от всех других грамм данного класса.

Так, в содержание грамм класса N (а также классов N', N'', N''') входят дифференциальные признаки «маскулинность», «сингулярность»; «маскулинность», «плюральность»; «феминальность», «сингулярность»; «феминальность» «плюральность» (названия этих и следующих элементарных грамматических значений носят сугубо условный характер). «Основанием для сравнения» этих грамм является общий семантический элемент «предметность»⁷¹, однако он не является дифференциальным внутри данного класса, так как присутствует в содержании всех членов данной парадигмы. Те же самые семантические элементы являются дифференциальными признаками грамм, способных занимать позицию Acc (а также Acc'): грамматическое значение формы *школьника* семантически отличается от грамматического значения формы *школьников*, с одной стороны, и от грамматического значения формы *школьницу* — с другой, тем же, чем грамма формы *школьник* отличается соответственно от грамм форм *школьницы* и *школьница*. Подобным образом дифференциальные признаки, составляющие значимость грамм класса

⁷¹ Можно было бы сказать также «номинативность» или «субъектность», но это было бы quasi-семантической этикеткой для определения позиции граммы по отношению к другим грамматическим компонентам предложения, т. е. для определения факта синтагматики.

A_n (а также $A'''n$), окажутся тождественными дифференциальным признакам граммем класса A_{acc} (A'_{acc}), а также дифференциальным признакам граммем классов $A'n$, $A''n$ и A_v , так как «маленький»: «меньший» = «большого»: «большого» = «мал»: «меньше» = «почтительно»: «более почтительно» и т. д. (следует иметь в виду, что «адъективность», или «репрезентация значения основы как непроцессуального признака предмета», не является дифференциальным признаком граммем внутри класса A , так как характеризует все граммеы данного класса, так же как «адвербиальность», или «репрезентация значения основы как непроцессуального признака», не является дифференциальным признаком граммем класса A_v ; то же можно сказать и о признаках «полнота» — «краткость», или «постоянность» — «временность признака», которые можно было бы приписать соответственно граммемам классов A_n и $A'''n$, с одной стороны, и граммемам классов $A'n$ и $A''n$ — с другой).

Семантические пропорции «слушает»: «слушал» = «слушающий»: «слушавший»; «слушал»: «послушал» = «слушавший»: «послушавший»; «слушал»: «слушался» = «слушавший»: «слушавшийся» и т. п. обнаруживают определенную общность семантической структуры и между граммемами, принадлежащими соответственно к классам V и Pt .

Учитывая то обстоятельство, что граммеы, устанавливаемые при помощи рассмотренной процедуры, аналогичны фонологическим единицам, составляющим инвентарь фонем для каждой данной позиции, и могут быть соответственно названы «микрограммеами», можно было бы предложить в качестве следующего этапа анализа «идентификацию» граммем, т. е. сведение в один семантический инвариант тех «микрограммем», которые обнаруживают тождественную семантическую структуру и при этом никогда не встречаются в одинаковой позиции. Так, на основании тождества дифференциальных признаков и комплементарного распределения «микрограммем», представленных грамматическими значениями форм *школьницы* и *школьниц*, можно считать их синтаксическими вариантами одной граммеы, инвариантную значимость которой составляют признаки «(предмет) · Fem. · plur.»⁷². Аналогичным образом инвариантную се-

⁷² В скобки здесь и в дальнейшем заключается название недифференциального («интегрального») семантического признака, представляющего собой элемент содержания, общий для всех идентифи-

мантическую значимость⁷³ граммеы, представленной «микрограммемами» форм *более почтительный, более почтителен и более почтительно* составят черты «(непроцессуальный признак) · сопр.» и т. д.

Следует иметь в виду, что необходимым условием сведения разных «микрограммем» в один семантический инвариант является, кроме дополнительного распределения, такая общность их семантических компонентов, которая противопоставляет эти «микрограммемы» всем прочим граммемам данной грамматической системы. Так, например, хотя грамма «действительной причастности» входит в состав автономных синтагм, фигурирующих только в атрибутивной позиции в русском языке (*бегущий мальчик*, но невозможно: *мальчик бегущ*), а грамма «краткой прилагательности» входит в состав автономных синтагм, возможных только в предикативной позиции, их нельзя считать вариантами одного семантического инварианта, так как единственный общий для них семантический элемент (и та и другая граммы представляют значение лексемы как «признак») встречается также и в других граммах, а именно в грамматических значениях полных прилагательных и глаголов.

Наконец, классификация граммем по сходству их семантической структуры, которое выражается в наличии общего семантического элемента и альтернативного наличия одного из прямопротивопоставленных друг другу однородных семантических признаков, приводит к установлению классов и подклассов граммем, примерно соответствующему традиционной классификации по частям

цируемых «микрочассов» и имплицированный семантическим коррелятом синтаксической характеристики каждого из этих «микрочассов». Так, признак «(предмет)» имплицирован как признаком «(субъект)», который является семантическим коррелятом синтаксической характеристики класса N, так и признаком «(объект)», который является семантическим коррелятом синтаксической характеристики класса Acc. Черта «(непроцессуальный признак)» является общим знаменателем для признаков «([атрибутивный] непроцессуальный признак предмета)», «([предикативный] непроцессуальный признак предмета)» и «(непроцессуальный признак признака)», представляющих собой семантико-синтаксическую характеристику полных прилагательных, кратких прилагательных и «качественных наречий» соответственно.

⁷³ Инвариантная семантическая значимость — это содержание, не зависящее от синтаксической позиции, т. е. системно, а не контекстно обусловленное.

речи. Так, например, «макрокласс» субстантивных граммем (в русском языке) составляют грамлемы семантической структуры «(предметность) · Sing. V Plur.»⁷⁴, специальным подклассом которого оказываются грамлемы, входящие в состав значения одушевленных существительных, имеющие структуру «(предметность) · Masc. V Fem. Sing. V Plur.», подкласс нефинитных «макрокласса» глагольных граммем состоит из граммем семантической структуры «(процессуальность) Perf. V Imperf. · Refl. V Non-refl.» и т. п.

Как видно, полученные результаты вполне соответствуют распространенным во всех или некоторых грамматических концепциях представлениям⁷⁵, являясь лишь попыткой их экспликации на основе использования в грамматике разработанных фонологией «правил», приводящих к определению единиц, их идентификации и классификации — что представлялось настолько же необходимым предварительным шагом для исследования характера грамматических оппозиций, насколько соответствующие фонологические процедуры необходимы для исследования оппозиций между фонемами.

* * *

Итак, семантическое содержание каждой данной грамлемы (или грамматическое значение данной формы) противопоставлено значению другой или других граммем данного языка, от которого оно отличается дискретными

⁷⁴ Знак «V» употребляется здесь в качестве знака логической дизъюнкции.

⁷⁵ Так, например, идентификация граммем, являющихся компонентами значения разных падежных форм одного и того же существительного, наряду с признанием различной инвариантной значимости за граммемами, заключенными в разных формах числа существительного, в общем соответствует отнесению различных падежей к формам одного слова (и склонения — к словоизменению) и интерпретации форм числа как разных слов (т. е. отнесения «изменения» по числу к словообразованию), на котором настаивает фортуновская школа; отождествление граммем, входящих в состав так называемых «качественных наречий», с граммемами соответствующих прилагательных параллельно отрицанию семантического (т. е. признанию только синтаксического) различия между соответствующими «частями речи» в концепции Куриловича; классификация граммем на субстантивные, вербальные и т. д. на основании сходства их семантической структуры (т. е. сходной системы оппозиций для каждого класса граммем) соответствует классификации на части речи, основанной на морфологических критериях.

семантическими компонентами, играющими роль дифференциальных признаков. Выше отмечалось, что понятие дифференциального признака непосредственно связано с понятием оппозиции. Противопоставление по дифференциальному признаку можно интерпретировать в математическом смысле как разбиение некоторого множества на два непересекающихся подмножества, или, в терминах формальной логики, как деление данного «универсального класса» на два комплементарных подкласса⁷⁶.

Поэтому такие, например, компоненты грамматического значения глагольных форм, как «будущее время» в русском языке (выделяемое наряду с «настоящим» и «прошедшим» временем), «долженствовательное наклонение» в латышском (выделяемое наряду с изъявительным и условно-желательным наклонениями) или «возвратный залог» в литовском (выделяемый наряду с активным и пассивным залогом), не являются элементами и дифференциальными признаками. Каждое из этих значений должно рассматриваться как сокращенное наименование разнородных элементарных признаков: «будущность» в русских (синтетических) глагольных формах представляет собой комбинацию элементарных дифференциальных признаков «совершенности» и «непрошедшести»; «долженствовательное наклонение» латышских глаголов — комбинацию одного из двух противопоставленных наклонений с «дебитивностью», являющейся дифференциальным признаком особой оппозиции по сравнению с противопоставлением по модальности; «возвратный залог» в литовском языке — комбинацию «активности» либо «пассивности» со значением «возвратности», которую не следует считать дифференциальным признаком залоговой оппозиции. Неправомерность традиционного объединения в одну грамматическую категорию дебитивного значения с модальными в латышском языке и значения возвратности с залоговыми значениями в литовском доказывается, в частности, возможностью сосуществования в одной граммеме значения «дебитивности» со значением «условно-желательности» и значения «возвратности» со значением «пассивности»: латышск. *man būtu jāraksta* 'я должен был бы пи-

⁷⁶ См.: А. В. Исаченко. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения.— ВЯ, 1963, № 2, стр. 41 и след.

сать³ — ср. rakstu 'пишу' и man jāraksta 'я должен писать' (последнюю форму следует, вопреки существующим грамматикам, трактовать как принадлежащую по наклонению к индикативу, что не противоречит семантике данной области употребления дебитива, сигнализирующего об объективной, безусловной необходимости действия; в отличие от условной необходимости, выражаемой в результате пересечения с условно-желательным наклонением); литовск. perasirašytas 'не написанный (для себя)', išsikirstyta (part. praet. pass. refl. в безлично-предикативной форме «среднего рода») — ср.: pakalbėta ir išsikirstyta 'поговорили и разошлись', juokiamasi (part. praes. pass. refl. neutr.) ср. ir jo kartais juokiamasi 'и он иногда смеется' (приведенные формы содержат граммы, включающие в себя элементарные дифференциальные признаки «пассивности» и «центростремительности», причем последний признак образует особую категорию, которую можно было бы называть категорией «сферы действия», отличной от категории залога; возвратные формы личных глагольных форм следует трактовать, таким образом, как принадлежащие к активному залогу, в частности, и потому, что залоговая оппозиция, как и всякая другая оппозиция, может быть основана лишь на одном единственном признаке, в данном случае на признаке направленности действия от подлежащего vs. на подлежащее⁷⁷).

Приведенная интерпретация элементарного дифференциального признака как минимального различия между двумя граммами, в прочих отношениях тождественными, соответствует тому пониманию, согласно которому количество информации, содержащейся в граммеме, следует рассматривать как функцию включающих ее бинарных оппозиций, т. е. определять семантическую структуру граммы в строгой зависимости от количества противопоставлений, членом которых она является. Подобно тому, как два фонетически тождественных звука могут в разных фонологических системах являться реализацией фонем,

⁷⁷ Ср.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, т. II. Братислава, 1960, стр. 354 и сл., где автор убедительно доказывает необходимость «отказаться от трихотомического деления залогов русского глагола и заменить его дихотомическим, противопоставляющим пассив — «не-пассиву» (или «активу»).

существенно отличающихся друг от друга по объему фонологического содержания (ср., например, у Трубецкого, фонологический анализ немецкой и адыгейской фонемы, одинаково реализующихся в звуке [k]⁷⁸), два семантически тождественных слова разных языков (т. е. два слова, относящихся к одной и той же внеязыковой реальности) могут различаться по количеству заключенной в них грамматической информации. Так, хотя конкретный смысл, в котором реализуется субстантивная граммема, содержащаяся в англ. *my cousin*, может полностью совпадать с конкретным смыслом граммемы фр. *mon cousin* ('мой двоюродный брат'), содержание второй граммемы «(субст.) Masc. · Sing» оказывается богаче, чем содержание первой граммемы: «(субст.) Sing.», так как наличие противопоставления по «роду» включает в значимость второй граммемы лишний дифференциальный признак. Нет смысла умножать соответствующие примеры, так как они хорошо известны.

Инвариантную значимость граммемы составляет совокупность дифференциальных признаков, необходимых и достаточных для того, чтобы отличить любую грамматическую форму от всех других грамматических форм данного языка. Такое определение принадлежит к типу так называемых «минимальных определений»⁷⁹: установленное с его помощью содержание граммемы принимает внимание лишь «системно обусловленные» элементы значения и игнорирует «контекстно (или ситуационно) обусловленные» смыслы, которые может выражать рассматриваемая граммема в том или ином конкретном семантическом окружении (системно обусловленная значимость граммемы соответствует, следовательно, фоно-

⁷⁸ См. подробнее: «Основные направления структурализма», стр. 57.

⁷⁹ Ср.: E. H. Vendix. Componential analysis of general vocabulary. The semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese.— IJAL, 1966, p. II, v. 32, № 2. Ср. также замечания У. Вейнрейха относительно определения лексических значений: «...семантическое описание не должно стремиться к абсолютным определениям, но к таким определениям, которые ограничивают значение единицы (of a term) от единиц со сходными значениями (синонимов). Следует откровенно признать, что в результате получается логический круг, но что это является не пороком, а ведущим принципом лексикографии» (U. Weinreich. Lexicographic definition in descriptive semantics.— IJAL, 1962, v. 28, № 2, стр. 30).

логическому содержанию фонемы, или ее инвариантной значимости, а контекстно обусловленные конкретные «смыслы» — фонематическим вариантам).

Поэтому любое непосредственное противопоставление двух граммем обнаруживает идентичную структуру, которая может быть описана при помощи схемы «+v—» (где «+» обозначает наличие определенного признака, «—» его отсутствие, а «v» является знаком логической дизъюнкции), независимо от того, является ли данная оппозиция нейтрализуемой или ненейтрализуемой, т. е. «привативной» или «эквиполентной», в смысле Трубецкого. Признание наряду с «привативными» оппозициями, символизируемыми при помощи формулы $a\bar{p} \sim a\bar{p}$ (что соответствует формуле «+v—»), «эквиполентных» оппозиций, изображаемых в виде формулы $a\bar{p} \sim a\bar{p}$, как кажется, противоречит признанию тезиса о системности языка, из которого следует, что существенными в языке являются только взаимно соотносительные элементы. Ибо если $m \neq \bar{p}$, то m и p являются взаимно независимыми, и единицы, содержащие эти элементы, определяются «из самих себя».

Универсализация формулы «+v—» диктуется и чисто методическими соображениями, а именно соответствием критерию экономности, или минимальной избыточности, описания. В самом деле, если приписывать одному члену минимальной оппозиции признак p , а другому признак \bar{m} , то один член должен быть описан в виде формулы $a\bar{p}\bar{m}$, а другой — в виде формулы $a\bar{p}m$, ср. матрицу идентификации граммем:

Признаки	Граммемы	
	A	B
a	+	+
m	—	+
p	+	—

Такое описание является явно избыточным, т. к. внутри каждой граммемы один дифференциальный признак

несет совершенно определенную информацию о другом (если p , то m , и если \bar{p} , то \bar{m} ⁸⁰). Формула «+v—» дает возможность представить удобным способом семантические отношения внутри граммем одного парадигматического класса в матрицах идентификации граммем, подобных той, которую дал Р. О. Якобсон для системы грамматических значений английского глагола⁸¹, или А. В. Исаченко для русской глагольной системы⁸². В таких матрицах значимость каждой граммемы предстает в виде уникального набора положительных и отрицательных значений строго ограниченного количества дифференциальных семантических признаков. Что касается содержательной интерпретации данной формулы, то здесь необходимо рассмотреть следующие возможности. Можно считать, что отсутствие определенного дифференциального признака эквивалентно присутствию противоположного признака, так что оба члена оппозиции — граммема, включающая в свой состав позитивный признак, и граммема, содержащая негативный признак, — семантически равноправны. Поэтому выбор того или иного признака в качестве «марки» оппозиции безразличен и соответственно характеристика одной граммемы как «маркированного» члена противопоставления, а другой — как «немаркированного» является произвольной. Именно в этом смысле можно толковать замечания М. С. Руипереса об альтернативных способах описания соотношения (в плане содержания) презенса и аориста в греческом языке: «...дуративное значение презентной основы принимается либо за положительный, самодовлеющий признак, либо выводится из оппозиции к значению основы аориста. Если дуративное значение принимается за положительный признак, оно должно быть функционально определено как маркированный член оппозиции презентная основа/аористная основа. Если, напротив, положительным образом определяется аорист, презентная основа становится немаркированным членом;

⁸⁰ Иначе аргументирует большую экономность описания, использующего контрадикторные, а не контрарные признаки, Бендикс (указ. соч., стр. 4).

⁸¹ R. Jakobson. La notion de signification grammaticale selon Boas. R. Jakobson. Essais de linguistique générale. Paris, 1963.

⁸² А. В. Исаченко. Бинарность, привативные оппозиции..., стр. 54.

так, если аорист определен как моментальный, тогда презенс является не-моментальным, что представляет собой негативный эквивалент дуративного; если аорист определяется как перфектный, законченный, тогда презенс имеет имперфектное, незаконченное значение, опять же эквивалентное дуративному»⁸³.

Противоположная точка зрения представлена в грамматической концепции Р. О. Jakobsona, выдвинутой в начале 30-х годов⁸⁴ и оказавшей наиболее глубокое влияние на современные представления о характере соотношения членов грамматической оппозиции.

В основу анализа грамматической системы должно быть положено, по Jakobsonу, понятие морфологической корреляции, подчиняющейся открытому Н. С. Трубецким в области звуковых противопоставлений принципу неравноправности членов фонологической коррелятивной оппозиции⁸⁵. Несколькими видоизменяя определение понятия «неравноправности», данное Трубецким для фонологических корреляций, Jakobson утверждает, что общие значения коррелятивных грамматических категорий всегда соотносятся между собой таким образом, что в то время как первая выражает определенный позитивный признак, другая оставляет его невыраженным, т. е. включает в свое значение как обладание этим признаком, так и его отрицание (эти частные значения беспризнаковой категории всецело определяются контекстом). «Рассматривая две противопоставленные друг другу морфологические категории, — пишет Jakobson, — исследователь часто исходит из той предпосылки, что будто бы обе категории являются равноправными, так что каждая обладает своим собственным положительным значением: катего-

⁸³ M. S. Ruiperez. The neutralization of morphological oppositions as illustrated by the neutral aspect of the present indicative in Classical Greek. «Word», 1953, 9, стр. 241.

⁸⁴ R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbuns. «Charakteria G. Mathesio... oblata». Pragaе, 1932; Он же. Beitrag zur allgemeine Kasuslehre. — TCLP, 1936, 6.

⁸⁵ Ср.: «Два члена коррелятивного противопоставления не являются равноправными: один член обладает определенным признаком (или обладает им в его положительной форме), другой им не обладает (или обладает им в его отрицательной форме). Мы обозначаем первый член как маркированный, второй — как немаркированный» (N. S. Trubetzkoy. Die phonologischen Systeme. — TCLP, 1931, 4, стр. 97).

рия I обозначает, будто бы А, категория II — поп-А. Или по крайней мере: I обозначает А, II обозначает отсутствие, отрицание А. В действительности общие значения коррелятивных категорий распределяются иначе: если категория I возвещает о присутствии А, то категория II не сообщает о присутствии А, т. е. не говорит ничего о том, присутствует ли А или нет. Общее значение категории II в сравнении с категорией I ограничивается отсутствием сигнализации А. В том случае, если в определенном контексте категория II сообщает об отсутствии А, это является лишь одним из употреблений данной категории: это значение обусловлено ситуацией, и если это даже наиболее частая функция этой категории, исследователь не должен отождествлять статистически преобладающее значение категории с ее общим значением»⁸⁶. В полном согласии с соответствующими наблюдениями Трубецкого в области фонологических корреляций⁸⁷ находится утверждение Якобсона относительно функционирования беспризнаковой формы в языковом мышлении в качестве представителя коррелятивной пары (так, несовершенный вид в русском языке ощущается в известной мере как первичный по сравнению с совершенным, невозвратные глаголы как первичные по сравнению с возвратными, единственное число — по сравнению с множественным, настоящее время — по сравнению с прошедшим). Данное Якобсоном определение общего значения беспризнаковой категории подтверждается возможностью ее употребления в значении соответствующей признаковой формы (ср., например, в сфере русского глагола употребление немаркированной по отношению к форме 1-го лица формы 2-го лица: *выпьешь, бывало*, выражающей действие, относимое к говорящему и т. п.) без ощущения «транспозиции» формы, в то время как обратная субституция встречается лишь в редких исключениях и воспринимается как образное выражение. Например, форма мужского рода *теленки*, являющаяся бес-

⁸⁶ R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums, стр. 74.

⁸⁷ Ср. его замечание о том, что символом архифонемы (т. е. общего звукового представления, отвлеченного от соответствующего коррелятивного признака, которое лежит в основе корреляции) служит для нормального языкового сознания всегда немаркированный член корреляции (N. S. Trubetzkoy. Die phonologischen Systeme, стр. 98).

признаковой в корреляции пола в русском языке, может нормально обозначать как самца, так и самку, не представляя собой в этом последнем случае расширения значения. Напротив, в случае семантического противопоставления соответствующей признаковой форме, которое может возникнуть в условиях специального контекста (например: *Это телка? — Нет, теленок*), речь идет о сужении общего значения беспризнаковой формы. В то же время употребление признаковой формы корреляции пола *дура* по отношению к мужчине ощущается как метафора с отчетливой аффективной окраской. Другое свидетельство в пользу предложенного понимания морфологических корреляций представляют более ранняя утрата признаковой категории, чем беспризнаковой, при афазии, соответствующие явления детской речи и психологии овладения иностранным языком и такие случаи, как, например, замена признаковых форм корреляции лица беспризнаковой формой, происшедшая в русском языке в результате исчезновения форм спряжения глагола *быть* (ср. *ты есть, таковы мы есть*)⁸⁸.

Выдвинутый Р. О. Якобсоном принцип неравноправности морфологических категорий представлен как частное проявление открытого С. Карцевским общего свойства асимметричности структуры языкового знака, являющегося основной предпосылкой языковых изменений⁸⁹. По Якобсону, асимметрия коррелятивных грамматических категорий проявляется, с одной стороны, как антиномия сигнализации А и несигнализации А (противопоставление общих значений коррелятивных форм, заключающееся в том, что два знака могут относиться к одной и той же предметной данности, а другой оставляет его невыраженным), и, с другой стороны, как антиномия общего и частного значения беспризнаковой формы, являющаяся следствием первой антиномии (антиномия: не сигнализация А и сигнализация не-А) и заключающаяся в том, что один и тот же знак может обладать двумя различными значениями⁹⁰.

⁸⁸ R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums, стр. 74—75, 79, 89.

⁸⁹ С. Карцевский. Об асимметричном дуализме языкового знака. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 196.

⁹⁰ R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums, стр. 83—84.

Изложенная концепция кажется более привлекательной, чем мнение об абсолютной условности понятий «маркированность — немаркированность»: если последняя точка зрения соответствует так называемому «*hocus-rosus argoash*», то теорию морфологических корреляций, предполагающую, что определение маркированности — немаркированности членов грамматической оппозиции зависит от функционирования языковой системы, характеризуют поиски «Code-given truth» если воспользоваться каламбуром самого Jakobsona, заметившего однажды⁹¹, что это выражение более точно отражает суть дела, чем определение подхода, противоположного «фокусническому», как поиски «God-given truth»).

Вместе с тем, данное Jakobsonom определение «общего значения» немаркированного члена грамматической оппозиции вызывает некоторые сомнения.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что, хотя теория Jakobsona исходит из глубоких аналогий между фонологическими и грамматическими оппозициями, о чем свидетельствует не только «фонологическая» терминология грамматических исследований Jakobsona («комбинаторные варианты общего значения», «маркированность — немаркированность», «корреляция» и т. п.), но и эксплицитные высказывания автора относительно сходства в строении грамматических и фонологических корреляций⁹², трактовка соотношения значимостей членов грамматического противопоставления оказывается существенно иной по сравнению с фонологическим противопоставлением (в версии Трубецкого и большинства других фонологических концепций). В отличие от фонологической корреляции, один из членов которой характеризуется присутствием определенного фонетического признака, а другой — его отсутствием, немаркированный член морфологической корреляции отличается от маркированного лишь большим объемом значения, не сообщая ничего ни о присутствии, ни об отсутствии данного семантического признака. Другими словами, «общее значение» беспризнаковой категории аналогично не беспризнаковой фонеме, а архифонеме. Это обстоятельство дало основание сделать вывод о «существенном различии» в характере

⁹¹ R. Jakobson. Retrospect.— В кн.: R. Jakobson. Selected writings, I, стр. 650.

⁹² См. подробнее в кн.: «Основные направления структурализма».

грамматических и фонологических оппозиций»⁹³. Однако прежде чем констатировать наличие или отсутствие сходства в структуре оппозиций разных планов (естественно, нет никаких оснований ни для того, чтобы постулировать изоморфизм тех или других оппозиций, ни для того, чтобы его отвергать а priori), необходимо, очевидно, исследовать их организацию, исходя из одних и тех же исследовательских предпосылок. Между тем грамматическая концепция Р. О. Якобсона отличается от существующей практики исследования фонологической системы именно в своих исходных принципах.

Фонологическое описание обычно кладет в основу максимальное число звуковых оппозиций, возможных в данном языке и исходит в установлении фонемного инвентаря из позиций максимального различения; лишь на этой основе определяются затем условия, в которых часть из оппозиций снимается (нейтрализуется); при этом происходит «расширение» фонологического содержания фонемы, выступающей в позиции нейтрализации (ею обычно бывает немаркированная фонема). Инвертированная процедура состоит в установлении минимального инвентаря единиц, противопоставление между которыми оказывается существенным для всех позиций; на основе этой «минимальной системы»⁹⁴ прослеживается затем «расщепление» единиц в определенных контекстах в результате действия определенных «добавочных» оппозиций⁹⁵.

Предлагаемая Якобсоном концепция морфологических корреляций соответствует именно этому последнему решению аналогичных проблем фонологии. Определение общего, инвариантного значения немаркированной категории исходит из минимального числа

⁹³ См.: J. Vachek. *The linguistic school of Prague*. Bloomington — London, 1966, стр. 84.

⁹⁴ См. в этой связи: B. Malmberg. *Minimal systems, potential distinctions, and primitive structures*. «Proceedings of the 9-th Intern. Congr. of Linguists», The Hague, 1964.

⁹⁵ Такая процедура предлагается, в частности, в статье: R. A. Hall, Jr. *Italian [z] and the converse of the archiphoneme*. «Lingua», IX, 2. Убедительная критика позиций Холла и аргументы в защиту «традиционного» способа фонологического описания содержатся в ст.: A. Avram. «Cahiers de linguistique théorique et appliquée». «Lingua», II, 1965.

противопоставлений. Системно обусловленными считаются ситуации, когда немаркированный член не противопоставлен маркированному, значение же, противопоставленное значению признакового члена, интерпретируется как результат сужения инвариантной значимости беспризнакового члена. Естественно поэтому, что в концепции Якобсона отсутствует понятие нейтрализации.

Мнение о «существенном различии» между фонологическими и грамматическими оппозициями основано, таким образом, на сопоставлении результатов исследования тех и других с различных исходных позиций. Оно не более оправдано, чем, например, заключение о принципиально различном характере фонематических оппозиций в двух разных языках, которое можно было бы сделать, сравнивая фонологическое описание одного языка, проведенное с позиций школы Щербы, с описанием другого языка, проведенным с позиций Московской фонологической школы.

Якобсоновское определение общего значения немаркированного члена грамматической корреляции вызывает сомнения не только потому, что оно не соответствует определению немаркированного члена фонологической корреляции (хотя, как кажется, недопустимость «фонологической контрабанды» в сферу грамматики, о которой говорил Р. О. Якобсон в другой связи⁹⁶, не дает оснований считать, что сами принципы исследования того и другого плана должны быть различными: едва ли можно оправдать выбор противоположных процедур исследования спецификой одного и другого плана).

Представляется, что рассматриваемое определение не вполне согласуется и с идеей об обязательности грамматического значения, развиваемой как самим Якобсоном⁹⁷, так и его единомышленниками. Такие высказывания, как, например: «...грамматические категории отличаются не столько способностью выражать то или иное (грамматическое) значение, сколько абсолютной неспособностью оставить данное значение невы-

⁹⁶ См.: Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением («American contributions to the IV-th International Congress of Slavists»). 's-Gravenhage, 1958.

⁹⁷ См.: R. Jakobson. La notion de signification grammaticale selon Boas, стр. 197 и след.

раженным»⁹⁸, кажутся едва ли совместимыми с настойчиво подчеркиваемой особенностью слабого (т. е. немаркированного) члена грамматической оппозиции, которая заключается в том, что он «не содержит никаких эксплицитных указаний на наличие признака, ... противоположного тому, который содержится в семантике сильного члена», т. е., иными словами, в том, что он «не сигнализирует о присутствии данного признака, а оставляет данный признак невыраженным»⁹⁹.

Наконец, последнее замечание (которое нам уже приходилось делать в другом месте¹⁰⁰ в связи с рассматриваемым определением) сводится к тому, что, исходя из большего семантического объема немаркированного члена по сравнению с маркированным, логично предполагать, что принципиально возможно замещение второго первым в любых случаях (а не только в некоторых специфических условиях). Однако исследование конкретных языков показывает, что такая возможность является весьма ограниченной¹⁰¹.

В связи со всем сказанным представляется, что меньше недоразумений вызвала бы такая интерпретация маркированности — немаркированности членов грамматического противопоставления, которая соответствовала бы решению аналогичных проблем фонологии. Фонологическая «немаркированность» является, как известно, в некоторой степени условным термином: немаркированный член фонологической оппозиции не совпадает с архифонемой, а только может в определенных условиях (а именно в некоторых позициях нейтрализации) выступать в качестве представителя архифонемы¹⁰². Можно

⁹⁸ А. В. Исаченко. О грамматическом значении. — ВЯ, 1961, № 1, стр. 31.

⁹⁹ Там же, стр. 36.

¹⁰⁰ См.: «Основные направления структурализма», стр. 106—111.

¹⁰¹ Ср. исследования М. Докулила, П. Новака, К. Эбелинга, цит. в кн.: «Основные направления структурализма», стр. 110—111. Ср. также: Л. С. Бархударов. О бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем. — ВЯ, 1966, № 4, стр. 99, примеч. 6.

¹⁰² Как правильно подчеркнула недавно Л. В. Бондарко, критерием для определения «маркированности» и «немаркированности» членов фонологического противопоставления не может служить их артикуляторная или акустическая характеристика, но только выяснение «роли соответствующих членов оппозиции во всей системе» (Л. В. Бондарко. Некоторые замечания по поводу маркирован-

предположить, что объективные критерии для определения иерархии членов грамматической оппозиции могло бы дать исследование семантических контекстов, в которых возможна только одна из противопоставленных в «позиции релевантности» граммем, т. е. исследование ситуаций, сходных с явлением фонологической нейтрализации.

Так, несмотря на то, что соответствующее рассмотренному выше определению «беспризнаковости» понимание русского несовершенного вида как «нейтральной», «нулевой» категории¹⁰³ оказывается верным лишь для некоторой части видовых пар (типа *писать* — *написать*, *пить* — *выпить*) и неверным для других противопоставленных по виду глаголов (типа *переписывать* — *переписывать*, *выбросить* — *выбрасывать*)¹⁰⁴, можно было бы все же не отказываться от понятия «маркированность — немаркированность», если бы было установлено, что в позиции «структурно обусловленной нейтрализации» в качестве представителя «архиграммемы» выступает граммема «несовершенности». Такой позицией снятия видового противопоставления для русского языка является, по-видимому, семантический контекст «отрицательности» (что, в общем, представляется вполне естественным, так как если действие не произошло или не должно произойти, способ его протекания является безразличным), ср.: *Обязательно скажи ему об этом — Ни в коем случае не говори ему этого; Сегодня я должен позвонить брату — Сегодня мне не нужно звонить брату; Как же ему теперь быть? Рассказать ли это все Журу? Или не рассказывать? Рассказать или не рассказывать?* (П. Нилин). *Вместить-то я много могу, да не знаю, что вместишь* (Л. Андреев); *Трудно объяснить этот ваш шаг... объяснить его испорченностью не хочется* (А. Чехов); ... *пробормотал Ставрогин, который очень бы мог встать и уйти, но не вставал и не уходил* (Достоевский); *Быть ли ж за мною Софьюшке? — Не бы вать* (Фонвизин). *Рассудок пытался возмутиться и не возмутился* (А. Толстой) и т. п.

ности — немаркированности членов фонетических противопоставлений «Исследования по фонологии». М., 1966, стр. 394 и след.).

¹⁰³ Ср. определения А. А. Шахматова, С. Карцевского, В. Н. Сидорова и др.

¹⁰⁴ См.: «Русский язык и советское общество» (проспект). Алмата, 1962, стр. 24—25.

Аналогичным образом сфера употребления граммы, включающей в свой состав дифференциальный признак «мужской пол», оказывается шире, чем сфера употребления граммы, содержащей признак «женского пола»: несмотря на то, что в сочетании с некоторыми лексемами обе граммы оказываются вполне равноправными (ср. *русский — русская, француз — француженка, москвич — москвичка, киевлянин — киевлянка, сибиряк — сибирячка* и т. д.; так что невозможно выражение: *обязательный француз Нинон Бросье* и т. п.¹⁰⁵), в определенных синтактико-семантических условиях, например при предикативном определении лица с точки зрения профессии, когда противопоставление по признаку пола оказывается нейтрализованным, «архиграмма» всегда представлена граммемой «маскулинности» — ср.: *наша математик — хороший математик; поэтесса Марина Цветаева — мой любимый поэт* и т. п.

В зависимости от условий функционирования грамматической системы близкое семантическое соотношение между членами грамматической оппозиции может получаться в разных языках различное определение.

Так, например, в русском языке существует семантическое противопоставление между кратким и полным прилагательным в предикативном употреблении. В состав краткого прилагательного входит граммема, содержащая признак «ограниченности во времени указанного лексемой качества»¹⁰⁶, ср.: *вообще он веселый, но вчера он был невесел; она больна — и: Ты видишь — она больная. У нее застрелился сын, музыкант, в Москве; а она все ждет его, вот уже два года, почти* (Горький).

В атрибутивном положении данная оппозиция нейтрализуется: хотя и здесь адъективная граммема может иметь конкретный смысл «постоянно присущего предмету качества» (т. е. «реализоваться» так же, как в «позиции релевантности»), данный признак, не будучи противопоставленным другому, противоположному признаку, воспринимается как несущественный. Граммема, содержащаяся в полном прилагательном, выступает в данной позиции в качестве представителя архиграммы («непроцессуальный признак предмета без указания на его

¹⁰⁵ Там же, стр. 24.

¹⁰⁶ См.: М. В. П а н о в. Русский язык. — В кн.: «Языки народов СССР». Т. I. Индоевропейские языки. М., 1966.

временную ограниченность или постоянство») и может, следовательно, квалифицироваться как немаркированный член рассматриваемого противопоставления.

Та же оппозиция в литовском языке должна, по-видимому, определяться иначе. Противопоставление между кратким и полным прилагательным действительно только для атрибутивного положения, в предикативной же позиции оно снимается ввиду отсутствия выбора между полным и кратким прилагательным (здесь возможно только последнее, если не считать некоторых специальных конструкций). Следовательно, граммема, содержащаяся в кратком прилагательном, должна определяться как немаркированная, а в основу определения оппозиции, действующей в сфере атрибутивного употребления прилагательного, может быть положен, например, признак «определенность — неопределенность» (ввиду сходства значения полного прилагательного со значением определенного артикля, ср.: *Ant aukšto stataus kalno pasirodė stebuklingas žiburys* (здесь при первом упоминании употребляется краткая форма прилагательного, в дальнейшем повествовании она заменяется полной формой); *Bet ne vieni jau metai aukų ir pasišventimo prajėjo, o dar nė vienas iš lipančiųjų nepasiekė kalno viršūnės, nepasilytėjo stebuklingojo žiburio*; *Atsiminė stebuklingąjį žiburį ir visi, kaip vienas, skubinos prie iškeiktojo kalno pažiūrėtų* (J. Biliūnas)¹⁰⁷.

Отметим, что такая интерпретация соответствует и тенденциям развития в обоих языках¹⁰⁸ (постепенное сужение сферы употребления краткой формы в русском языке и полной формы в литовском, т. е. все большее приближение немаркированной категории к собственно «беспризнаковой»).

Примеры нейтрализации, уничтожения противопоставления, т. е. превращения некоторого признака в несущественный, показывает уязвимость трактовки немаркированного члена, как члена, «оставляющего данный признак невыраженным». Странно было бы предполагать, что может уничтожаться, сниматься, подвергаться

¹⁰⁷ Пример заимствован из Академической грамматики литовского языка («*Lietuvių kalbos gramatika*», t. I. Vilnius, 1965, стр. 508).

¹⁰⁸ Ср. замечания В. Брэндаля о языковой тенденции к сохранению «нейтральных» и утрате «сложных» форм. V. B r e n d a l. *Essais de linguistique générale*. Copenhagen, 1943, стр. 23.

«депертинизации» отсутствие, или невыраженность, признака. Поэтому негативный признак следует трактовать скорее как признак, чем как отсутствие признака, как заметил по поводу фонологической немаркированности К. Бейзел¹⁰⁹.

Другими словами, противопоставление «маркированность — немаркированность» заключается не в противопоставлении категории «специфической», «осложненной добавочным представлением» — «нейтральной» категории, которая включала бы в себя первую (что соответствовало бы родо-видовым отношениям, существующим в сфере лексики — ср. *растение — дерево — береза* и т. п.¹¹⁰), а в том, что в тех случаях, когда противопоставление должно быть снято (ср. обозначения множественного числа лиц, включающих в себя лиц того и другого пола, несовершенство действия вообще, ни в его длительности, ни в тех или иных ограничениях и т. п.) — в роли «обобщающего» обозначения выступает один из членов грамматической оппозиции, а именно тот, который в силу этой своей функции и признается нами немаркированным. Однако при этом происходит нейтрализация именно существенных для данной оппозиции признаков.

¹⁰⁹ С. Е. B a z e l l. Three conceptions of phonological neutralizations. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956.

¹¹⁰ Ср.: «Основные направления структурализма», стр. 107.

В. Г. АДМОНИ

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

I

Система типов (моделей) предложения является центральным моментом всей системы синтаксиса. Установление системы типов предложения так или иначе, сознательно или неосознанно, лежит в основе всех синтаксических концепций, в той или иной форме оперирующих понятием предложения.

Но лишь в редких случаях в трудах по синтаксису, как в обзорах учебного характера, так и в работах чисто исследовательского порядка, типология предложения дается в достаточно развернутом и систематическом виде. Нередко важнейшие вопросы, связанные с соотношением разных типов предложений, — как внутри одного аспекта, так и (что особенно важно) между аспектами — трактуются без всякого учета подлинной системы типов предложения, что приводит к резкому искажению реальной картины синтаксической сферы языкового строя.

Поэтому нам кажется целесообразным снова вернуться к этому вопросу и остановиться на основных проблемах типологии предложения, хотя более тридцати лет тому назад мы предложили (на материале современного немецкого языка) определенную систему типологии предложения¹, которую мы и сейчас считаем в основном правильно передающей существенные черты объекта исследования².

¹ В. Г. Адмони. Структура предложения. — В сб. «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении». Л., 1935. (В сокращенном виде в немецком переводе — в сб.: «Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik». Hsg. v. H. Moser. Darmstadt, 1962, стр. 381—398).

² В систематическом виде такие типы (без этого наименования) были выдвинуты, насколько нам известно, К. Сведелиусом.

В статье «Структура предложения» нами подчеркивалось, что необходимой предпосылкой для установления типологии предложения является решение вопроса о системе аспектов предложения. Там же — применительно к строю современного немецкого языка — нами было выдвинуто семь аспектов предложения, по каждому из которых существует ряд специфических типов предложения³.

Первый аспект — логико-грамматический. Он охватывает те типы предложения, которые формально различаются по морфологическому облику необходимых членов предложения, причем каждый такой формальный тип обладает своим особым обобщенным грамматическим значением. Например, отношение носителя признака и признака производителя действия или носителя состояния и действия или состояния и т. д.

Второй аспект — модальный. Принадлежащие к нему типы предложения различаются формально рядом показателей разного рода (наклонения глагола, некоторые глагольные конструкции — например, футурум II, модальные слова, некоторые частицы, отрицания), а по своему содержанию эти типы выявляют разные формы оценки реальности и достоверности того синтаксическо-смыслового отношения, которое организует предложение. Сюда относится, таким образом, как различие утвердительных и отрицательных предложений, так и различие предложений по степени достоверности (подчеркнутая достоверность, сомнение и т. п.).

Третий аспект — аспект полноты предложения. Предложения различаются в зависимости от комплексного или некомплексного наличия в предложении его необходимых членов (полные и неполные предложения) и от наличия или отсутствия в нем членов второстепенных (распространенные и нераспространенные предложения), причем оба эти признака могут перекрещиваться

(C. Svedelius. *L'analyse du langage appliquée à la langue française*. Upsala, 1897).

³ Это частный случай того многолинейного, партитурного строения системы грамматических значений, который вообще является одной из важнейших черт в структуре предложения. См.: В. Г. Адмони. Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. «Филол. науки», 1961, № 3.

(предложение может быть одновременно неполным и распространенным и т. д.).

Четвертый аспект — место предложения в развернутой речи. Формально выявляясь с помощью интонации, союзов, порядка слов и сочетательных закономерностей предложений, различие предложений выражается в выделении предложений самостоятельных, т. е. грамматически не входящих в более тесные единства с другими предложениями, и предложений несамостоятельных разного рода (сочиненных и членов сложноподчиненных предложений, т. е. главных и подчиненных).

Пятый аспект — аспект познавательной установки говорящего. К нему относятся различия предложений в зависимости от различий в том пути, которым идет раскрытие содержания предложения, и от различий в той степени важности, которая приписывается говорящим разным компонентам предложения. Основные формы выявления типов предложения, относящихся к этому аспекту, — интонация и порядок слов.

Шестой аспект — коммуникативная задача, стоящая перед предложением. По нему, выявляясь интонацией, порядком слов, глагольными наклонениями, специализированными словами, различаются предложения повествовательные, побудительные и вопросительные.

Седьмой аспект — степень эмоциональности предложения. Формы его выявления — прежде всего интонация и порядок слов, а также специализированные слова (междометия). Однако различие типов здесь удается провести лишь очень суммарно, противопоставляя друг другу эмоционально нейтральные и эмоционально повышенные предложения.

При развертывании этой системы аспектов предложения их последовательность не представляется случайной, хотя в этом отношении в разных изложениях системы иногда допускались некоторые колебания. Определяется эта последовательность тем, что аспекты строятся здесь, начиная с самого глубинного, наиболее удаленного от условий ситуаций и контекста, и кончая теми, которые в наибольшей степени погружены в процесс речевой коммуникации. Если логико-грамматические типы предложения (во всяком случае основные и решающие из них) могут быть определены безотносительно к каким-либо требованиям коммуникации, то типы предложения,

идущие по таким аспектам, как коммуникативная задача или степень эмоциональности предложения целиком погружены в стихию коммуникации и могут быть поняты, лишь опираясь на нее.

Таким образом, охарактеризованная выше система аспектов объединяет те типы предложений, которые принадлежат наиболее бесспорно — языку, с теми, которые принадлежат наиболее бесспорно — речи. Вернее, в своей последовательности она ведет от языка к речи, органически связывая эти стороны существования предложения, выявляя, что в структуре предложения они неразрывно соединены и переходят друг в друга, а не выступают как отдельные, противопоставленные друг другу сферы.

В этой системе аспектов все типы предложений по каждому аспекту обладают как своей формой, так и своим содержанием — своим обобщенным грамматическим значением. Каждое предложение должно образовывать один из типов предложения по каждому аспекту, обладая его содержанием и его формой. Но вместе с тем все эти значения и все эти формы так или иначе, оказываясь принадлежностью одного и того же реального предложения, соотносены друг с другом. Значения, свойственные более «внешним» аспектам, наслаиваются на значения, свойственные более «глубинным» аспектам⁴, а формальные выражения этих значений взаимодействуют друг с другом, образуя конкретный формальный облик данного предложения.

Те типы предложения, которые выдвигаются здесь по всем аспектам предложения, в равной мере могли бы быть названы и моделями. Именно поэтому в первом абзаце данной статьи термин «модели» стоит в скобках после термина «типы». Устанавливая типы предложения по всем его аспектам как определенные, объективно существующие в данном языке структуры, мы вместе с тем устанавливаем и те образцы, которые существуют в данном языке и в соответствии с которыми говорящий на этом языке строит свою речевую деятельность, организует свой словарный материал в высказывании. Но мы

⁴ Эта система изложена здесь с помощью несколько модернизированной фразеологии, но по сути вся ее трактовка полностью соответствует той, которая содержалась в статье «Структура предложения».

предпочитаем термин «типы», потому что в нем в большей мере выражается объективный характер данных образований, тот факт, что они составляют реальный строй соответствующего языка. Впрочем, как все терминологические вопросы, выбор термина «типы» или «модели» имеет здесь самое подчиненное значение.

Такова была та система аспектов предложения и вообще типологии предложения, которую на материале немецкого языка мы предложили в свое время. За истекшие с тех пор тридцать с лишним лет, естественно, появилось чрезвычайно много новых исследований, частично трактующих систему типов предложения, примерно в той плоскости и с тех же позиций, как она трактовалась нами⁵, частично же совсем в другом плане и совсем с других позиций.

В некоторых случаях система аспектов предложения оказывалась как бы заслоненной стремлением дать общую опись всех свойственных данному языку синтаксических конструкций — иногда только предложений, а иногда даже всех видов словосочетаний. При таком подходе, обычно опирающемся на анализ нарастающего состава синтаксических конструкций, образования, относящиеся к разным аспектам предложения, легко перемешиваются.

Так, в оказавшей большое влияние на развитие синтаксической мысли работе Л. Теньера в общей системе синтаксических схем, составляющей костяк всей его книги, в качестве первой схемы приводится предложение *Alfred parle*, а в качестве второй схемы предложение *Mon ami parle*, которое по своему типу совершенно не отличается от первого предложения, обладая лишь особенностями в строении своего первого компонента (группа существительного вместо одиночного существительного в функции) — подлежащего. Между тем в качестве третьей схемы приводится предложение, отличающееся как по своему лексическому наполнению, так и по самой своей структуре: *Mon vieil ami chante cette jolie chanson*⁶.

⁵ Особенно близка к нашей системе аспектов предложения концепция, изложенная в работе: W. Schmidt. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin, 1965.

⁶ L. Tesnière. *Eléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, стр. 111.

Усердно проводилась и разработка некоторых аспектов предложения как таковых, причем особенно много нового материала накопилось в трактовке следующих аспектов — логико-грамматического, модального, познавательной установки говорящего. Поэтому представляется целесообразным сначала остановиться на этих аспектах в отдельности, а затем вернуться к вопросу о всей системе аспектов в целом.

II

Установление системы логико-грамматических типов в последнее десятилетие стало весьма распространенным в разных грамматических концепциях на материале многих языков. Получая самые различные наименования (модели предложения, схемы предложения, планы предложения, строительные планы предложения, основные формы предложения и т. д.) подобные типы сменяют друг друга, рассматриваясь отдельно разных форм сказуемого и подлежащего⁷. Особенно широко они представлены, однако, в новых грамматиках немецкого языка. Обзор соответствующих систем дан в книге Х. Бринкманна⁸, но мы приведем соответствующие материалы и здесь.

Вообще необходимость выдвижения таких типов предложения, в которых формально-морфологические различия в наборе необходимых членов предложения выявляют различия в обобщенно-грамматическом содержании этих предложений, уже давно (по крайней мере с конца XIX в.), ощущается в языкознании очень явно. В той или иной форме, с тем или иным обоснованием они возникают у представителей разных языковедческих направлений (К. Сведелиус, Э. Сепир, В. А. Богородицкий, Ч. Фриз, К. Бюлер, Ван Ляо-и, Х. Глинц, Л. Вейсгербер, Х. Бринкманн и др.), которыми в разное время были выдвинуты логико-грамматические типы предложения под тем или иным наименованием (на

⁷ Краткий обзор выдвигавшихся в языкознании систем логико-грамматических типов предложения см.: В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 105—106; W. G. Admoni. Der deutsche Sprachbau. L., 1960, стр. 213.

⁸ H. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Düsseldorf, 1962, стр. 510—513.

материале различных языков). Характерно, что многие из них разрабатывали свою систему логико-грамматических типов предложения, даже не подозревая, что у них имеются предшественники.

Отправным пунктом в разработке логико-грамматических типов предложения были, естественно, уже давно отмечавшиеся в грамматике различия в форме сказуемого (реже — и в форме подлежащего). В тех случаях, когда эти различия рассматривались грамматистами в связи с их различиями в обобщенном грамматическом значении, путь к выдвиганию логико-грамматических типов предложения был даже закономерен. Очень близко подходит к установлению логико-грамматических типов предложения при анализе форм сказуемого, например, Г. Пауль⁹.

Все же подлинный переход к логико-грамматическим типам предложения как таковым становится возможным лишь тогда, когда в принципе и последовательно утверждается рассмотрение подлежащего и сказуемого и их обобщенных значений как взаимно соотнесенных компонентов, которые могут быть определены лишь в их отношении друг к другу. Такой отказ от прямого смыслового определения отдельно взятой формы сказуемого был, кстати, одним из проявлений тенденции к рассмотрению грамматических явлений в их системных связях — тенденции, общей для различных направлений грамматической мысли, начиная с конца прошлого века. Вместо дробного, атомизирующего подхода к сказуемому и подлежащему как к отдельно существующим величинам здесь они начинают трактоваться как части цельной структуры, существующие в своих специфических качествах лишь в своей взаимосвязи, т. е. как часть определенной (синтагматической) системы. Если она непохожа на обычные системы в сфере грамматики, выдвигавшиеся структурализмом как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане, поскольку ее компоненты не просто являются противочленами оппозиций и не находятся лишь в отношениях соседствования как непосредственно составляющие, а образуют динамическое единство, активно стремясь внутри предложения друг к дру-

⁹ H. Paul. Deutsche Grammatik, Bd. III. Halle/S., стр. 29, 42.— Все же на передний план здесь иногда выдвигаются чисто смысловые различия.

гу, то этим лишь выявляется многообразие систем, существующих в грамматическом строе, и демонстрируется тот факт, что переход к системному рассмотрению грамматических явлений совершался в первой половине XX в. отнюдь не только на путях структурализма.

Конечно, многие уже давно известные характеристики форм подлежащего и сказуемого были почти непосредственно использованы при определении логико-грамматических типов предложения, но здесь возникало и много нового. Так, подлежащее начинало здесь рассматриваться значительно более широко — в частности, как производитель действия (в сочетании с соответствующими сказуемыми глаголами), а не только как «предмет, о котором идет речь в предложении» и т. п.

Иногда на путях четкого выявления системы логико-грамматических типов предложения препятствием оказывается недостаточная разграниченность разных аспектов предложения. А именно, те сдвиги в структуре предложения, которые возникают в связи с необходимостью выразить грамматические значения, свойственные другим аспектам предложения, иногда рассматриваются как основание для выделения особых логико-грамматических типов предложения там, где фактически имеет место лишь их преобразование в особых синтаксических условиях. Так, Х. Глинц в качестве особого «грамматического плана предложения» (этим термином у Х. Глинца фактически обозначается то, что мы обозначаем логико-грамматическими типами предложения) выступает конструкция *Komm!* — (т. е. побудительное предложение, образуемое 2-м лицом единственного числа повелительного наклонения глагола)¹⁰. Но ведь весь ряд побудительных предложений является лишь аспектным видоизменением соответствующих логико-грамматических типов предложения (*Komm!* соотнесено с *Du kommst*, *Kommen Sie* — с *Sie kommen* и т. д.), при сохранении обобщенного грамматического значения этих типов (в *Komm!* значение «субъект действия + действие» и т. д.) и их важнейших формальных признаков (в данном случае образование сказуемого непереходным глаголом действия). Четкое же формальное различие, которое здесь имеется, т. е. отсутствие подлежащего

¹⁰ H. Glinz. Der deutsche Satz. Düsseldorf, 1957, стр. 163 и сл.

в побудительном предложении, обусловлено, как это неоднократно отмечалось грамматистами, устойчивыми особенностями той речевой ситуации, которая порождает предложения этого типа и разгружает их от необходимости указания на подлежащее, так как оно, как правило, совпадает с лицом, к которому обращается говорящий.

Таким образом, не каждая формальная разновидность предложения является особым логико-грамматическим типом предложения, а может относиться к какому-либо другому аспекту предложения, поскольку в каждом аспекте имеется своя система типов предложения, различающихся как по своему содержанию, так и по своему оформлению.

Выделение, например, в немецком языке логико-грамматических типов предложения — даже там, где исследователи остаются в пределах данного аспекта — характеризуется значительным расхождением в количестве типов, выделяемых отдельными исследователями. Так, у Глинца их девять, у Гребе несколько десятков, у Бринкманна четыре, в нашей статье «Структура предложения» их намечалось пять, в нашей книге «Der deutsche Sprachbau» — 12. Но в значительной мере эти различия кажущиеся. Если выделять только основные типы, лежащие в основе всех остальных, то у всех исследователей их число будет очень близким. Чаще всего в качестве таких основных типов фигурируют следующие четыре: с непереходным глаголом (по Бринкманну: предложение с семантикой процесса-происшествия), с переходным глаголом + дополнение (по Бринкманну: предложение с семантикой действия), с предикативом — существительным (по Бринкманну: варианты субстантивного предложения), с предикативом — прилагательным (по Бринкманну: адъективное предложение). Все остальные типы так или иначе опираются на эти четыре. В частности, и в той классификации, которая дана в книге «Der deutsche Sprachbau», эти четыре типа выделены как основные совершенно четко.

Чрезвычайно важными грамматическими понятиями, с помощью которых проводилась и проводится работа по выделению логико-грамматических типов предложения, являются (тесно связанные друг с другом) весьма старое понятие простого нераспространенного предложения (*der nackte Satz*) и новое понятие обязательной

сочетаемости. Именно различие необходимых (главных) и ненужных (второстепенных) членов предложения, лежащее в основе разграничения нераспространенных и распространенных предложений, является предпосылкой для рассмотрения логико-грамматических типов предложения. Логико-грамматические типы предложения — это типы, которые различаются между собой особенностями в форме необходимых членов предложения, выражающими, как правило, особенности в обобщенном значении этих типов. Таким образом, введение в грамматику понятия логико-грамматических типов предложения не только не отменило старое понятие нераспространенного предложения, но, напротив, придало ему особое значение.

Но кое в чем это понятие должно было все же существенно измениться. А именно, само понимание «необходимости» члена предложения должно было существенно расширяться. При ближайшем рассмотрении оказалось, что далеко не всегда сочетание номинативного подлежащего и глагольного сказуемого оказывалось достаточным для полноты предложения — даже если оставить в стороне предложения с именным предикативом при связочных глаголах. Так, например, оставаясь в пределах немецкого языка и ограничиваясь сферой переходных глаголов, предложения с глаголами типа *Ich nehme* резко отличаются от предложений с глаголами типа *Ich schreibe* тем, что первые нуждаются для того, чтобы образовались полноценные, законченные предложения, в некоем восполнении, а именно в объекте (прямом дополнении). Это доказывается, во-первых, ощущением носителей языка, причем данное доказательство отнюдь не является субъективным и интуитивным. Подобное ощущение является всеобщим, свойственным всем носителям данного языка и может быть эмпирически обнаружено путем простейших экспериментов-вопросов. Во-вторых, это доказывается путем анализа языкового материала (текстов), демонстрирующего, что в предложениях с глаголами типа *nehmen*, *geben* почти всегда присутствует прямое дополнение, а редкие исключения всегда могут быть объяснены особыми условиями контекста и ситуации, специфической эмоциональностью и ритмикой. Другими словами, конструкции с прямым дополнением являются здесь нормальной исходной формой, свойственной данной структуре в «состоянии синтаксического

покою», а конструкции без прямого дополнения поддаются объяснению (путем указания на разнообразные факторы), исходя из конструкции с прямым дополнением, но не наоборот.

Таким образом, оказывается, что переходные глаголы существенно отличаются друг от друга с точки зрения необходимости своих связей с прямым дополнением. Глаголам, у которых такая связь возможна, но не необходима, противостоят глаголы, у которых такая связь не только возможна, но и необходима. Другими словами, употребляя термины, которые кажутся нам наиболее точными, глаголам с факультативной сочетаемостью с прямым дополнением противостоят глаголы с обязательной сочетаемостью с прямым дополнением. А в плане логико-грамматического построения предложения это означает, что прямое дополнение при переходных глаголах с обязательной сочетаемостью становится уже необходимым компонентом предложения и что фактически мы имеем здесь дело уже с особым логико-грамматическим типом предложения.

Различия между переходными глаголами с точки зрения обязательности или факультативности их сочетаемости с прямым дополнением непосредственно связаны с лексической семантикой глаголов. Но из этого отнюдь не следует, что тем самым эти их свойства остаются лишь в пределах лексической системы языка. Именно тот факт, что они создают разный набор реально необходимых членов предложения и тем самым ведут к образованию особых логико-грамматических типов предложения, делает их и явлением грамматической структуры языка. Лексическая сочетаемость переплетается здесь с сочетаемостью грамматической.

На основе учета обязательной лексической сочетаемости возникает необходимость пересмотра понятий сказуемого и, в частности, предикатива. Стремление к этому обнаруживается уже у некоторых грамматистов начала века, но в более широких размерах оно проявилось в середине столетия. Наиболее четким выражением этого стремления является выдвижение понятия «расширенного сказуемого» (впервые, насколько нам известно, на материале немецкого языка у Зюттерлина¹¹), под которым

¹¹ L. Sütterlin. Die deutsche Sprache der Gegenwart. 5. Aufl., Leipzig, 1923, стр. 306—309.

понимаются структуры, состоящие из полнозначного глагола (включая и глагол *sein* со значением «пробытия где-либо когда-либо») с обязательной двусторонней (т. е. направленной не только к подлежащему) сочетаемостью и того или иного компонента предложения (дополнения или обстоятельства), к которому эта обязательная сочетаемость глагола направлена. Таким образом, в состав расширенного сказуемого, кроме тех компонентов, которые предикативны по своему существу и которые обладают только предикативными функциями, входят и такие компоненты, которые одновременно обладают и иными синтаксическими функциями.

Так, в предложении *Ich nehme den Koffer* компонент *den Koffer* непосредственно является прямым дополнением, но в структуре данного предложения он одновременно становится членом расширенного сказуемого, так как глагол *nehme* в силу своей семантики не может сам по себе в сочетании с подлежащим создать структурно завершенное предложение и обладает обязательной сочетаемостью, направленной на прямое дополнение.

Поэтому понятие нераспространенного предложения охватывает и предложения с расширенным сказуемым.

Но из этого совсем не следует, что это понятие вообще является лишним и устарелым, как это полагают некоторые новейшие исследователи. Напротив, именно теперь, в свете учения о логико-грамматических типах предложения, это понятие становится особенно плодотворным и необходимым.

Выше было сказано, что в отличие от понятия нераспространенного предложения понятие обязательной сочетаемости было новым в грамматической теории. Эта новизна, однако, относительная, так как фактически оно уже содержалось в понятии сильного управления, как оно складывается в русской грамматической литературе в начале XX в. Различение тех случаев, когда подключение дополнения к глаголу является только возможным (слабое управление), от тех случаев, когда такое подключение является необходимым (сильное управление), соответствует различению факультативной и обязательной сочетаемости. Но все же последние понятия значительно шире первых. Сильное управление (в своей противопоставленности слабому) касается только определенных типов сочетания слов: связи глагола и предлога с именем. Между

тем обязательная сочетаемость (в своей противопоставленности факультативной) касается самых различных случаев подчинительных словосочетаний, распространяется и на отношения между предложениями. Обязательная сочетаемость существует не только в силу наличия особых грамматических или лексических значений, постоянно присущих тем или иным морфологическим разрядам слов или отдельным лексемам именно на основе их морфологической и лексической природы. Обязательная сочетаемость возникает так же, как порождение особой синтаксической позиции, в которую ставится та или иная форма слова. Так, получая функцию подлежащего, именительный падеж приобретает обязательную сочетаемость со сказуемым, в функции первого компонента оборота с абсолютным винительным винительный падеж получает обязательную сочетаемость со вторым компонентом этого оборота (наречием или предложной группой с обстоятельственным значением) и т. д.

Таким образом, и в основе понятия обязательной сочетаемости лежат понятия уже давно известные грамматической теории, но они пересмотрены и углублены на базе современного состояния грамматической теории.

Проанализируем несколько развернутых систем логико-грамматических типов предложения, памятуя, что только такая конкретизация может показать те трудности, которые возникают на пути применения общей теории логико-грамматических типов предложения и вообще является практической проверкой этой теории. Все эти системы построены на материале немецкого языка, так как системы логико-грамматических типов предложения, построенные на материале других языков, или слишком суммарны, или совершенно недостаточно разграничивают логико-грамматические типы и другие типы предложения, рассматриваемые в других аспектах.

В работе норвежского философа и логициста Улафа Неса «Опыт общего синтаксиса высказываний»¹² на немецком и норвежском языковом материале с привлечением отдельных примеров из других языков (в частности,

¹² O. Naes. Versuch einer allgemeinen Syntax der Aussagen. «Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik», стр. 280—334. — Типология Неса характеризуется нами без точного соблюдения его терминологии.

и из русского) был дан обзор «схем предложений»¹³, которые устанавливаются на основе различий в их логическом содержании при учете формальной структуры предложения. Выделяются 1) предложения со значением свойства (Eigenschaftssätze), 2) предложения, служащие введению неопределенных характеристик, к которым причисляются предложения, выражающие единство отдельного и общего (Karo ist ein Hund), 3) определительные предложения, в которых выражается эквивалентность подлежащего и предикатива (Hamsun ist der Verfasser von «Pan»), 4) реляционные предложения, в которых отношение выражено существительным (со значением «отец», «супруг» и т. п.), или прилагательным в сравнительной степени, 5) реляционные предложения с переходным глаголом. Между всеми этими типами предложений намечаются связи и переходы. Грамматическая форма учитывается, но оказывается подчиненной. Так, к предложениям со значением свойства относятся не только предложения со связкой и предикативом-прилагательным, но и предложения с глаголом haben и с предикативом-существительным в винительном падеже типа Er hat Hunger; норв. Han har helse og ungdom 'он здоров и молод', которые рассматриваются нами как особый тип предложения со значением состояния¹⁴. Нес специально подчеркивает, что существительное, выражающее в этих конструкциях свойство, стоит без артикля. В связи с этим он отмечает, что существительные, выражающие неопределенную характеристику (в предложениях соответствующего типа) со значением свойства, также употребляются без артикля и вообще обнаруживают тенденцию «стать обозначениями свойства». Он иллюстрирует это положение норвежскими примерами и указывает, что немецкий язык в этом отношении аналогичен норвежскому, между тем как в английском языке в аналогичных конструкциях употребляется артикль.

Большое внимание уделяет Нес обратимости («переоформлению», «конверсии») разных «схем предложения» — в частности, реляционных предложений

¹³ Термин «схемы предложения» для обозначения тех структур, которые мы называем логико-грамматическими типами предложения, был введен К. Бюлером (K. Bühler. Sprachtheorie. Jena, 1934).

¹⁴ W. G. Admoni. Der deutsche Sprachbau, стр. 218.

(например, *a ist größer als b, b ist kleiner als a*). Указывается также, что некоторые «схемы» тесно граничат друг с другом и даже переходят друг в друга при особой наполненности лексическим материалом или в связи с некоторыми изменениями в структуре. Так, в предложениях с симметричной реляционностью (типа *a ist gleich groß wie b*), где исходная конструкция, как отмечает Нес, совпадает с конверсией, предложение приобретает видимость предложения со значением свойства или предложения, вводящего неопределенную характеристику.

Таким образом, в концепции Нес дается довольно широкая и, что особенно ценно, многообразно переплетенная своими внутренними отношениями система логико-грамматических типов предложения. Но поскольку исходным пунктом здесь все же являются отношения логические, как они строятся в системе реляционной логики Нес, опирающейся на логический синтаксис Карнапа, эта система не дает достаточно четкой картины логико-грамматических типов предложения как языкового явления, в недостаточной мере — несмотря на наличие целого ряда тонких замечаний в этой области — учитывает важность формальных различий для разграничения этих типов. Чисто смысловые моменты ставятся в ней в один ряд с морфологическими единицами (значение времени рассматривается как такой же «аргумент» при глаголе, как подлежащее или дополнение), в связи с чем становится понятным, почему и после своего вторичного (сокращенного) опубликования в сборнике «Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik», широко известного германстам, она не получила сколько-нибудь значительного отклика.

Чрезвычайно подробно и дифференцированно трактуется система логико-грамматических типов предложения, обозначаемых термином «основные формы предложения», в «Грамматике современного немецкого языка», выпущенной под редакцией П. Гребе в качестве четвертого тома «Большого Дудена» в ФРГ¹⁵.

Эта грамматика, в соответствии со своим названием и со своим назначением, ставит перед собой не общезыковедческие задачи, а стремится дать глубокую и точную,

¹⁵ «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache». — «Der große Duden», Bd. 4. Hsg. v. V. P. Grebe. 2. Aufl., Mannheim, 1965.

научно обоснованную характеристику грамматического строя современного немецкого литературного языка.

К установлению набора основных форм предложения эта грамматика подходит на основе метода «вычеркивания» (*Abstrichmethode*). А именно, из предложения с большим числом компонентов вычеркиваются все «свободные», т. е. поддающиеся вычеркиванию компоненты, в результате чего остаются компоненты, образующие «остов» (*Gerüst*) предложения и распределяемые, исходя из их формальных различий, по разным логико-грамматическим типам (основным формам) предложения с установлением обобщенного грамматического содержания-значения каждого типа.

Отвлекаясь от односоставных предложений типа *Feuer!*; *Herein!*; *Wunderbar!*; *Guten Tag!*; *Au!* грамматика Гребе устанавливает как основную структуру предложения структуру двусоставную, «называющую нечто, о поведении чего во времени нечто высказывается»¹⁶. Различные формы такого «высказывания» и составляют основу для различения логико-грамматических типов предложения, так как по этим формам «мы яснее всего осознаем духовный подход нашего родного языка по отношению к бытию и к происходящему в мире»¹⁷. Особенность этих форм заключается в характере их «необходимых по смыслу» членов, исходя из чего устанавливаются 3 группы основных форм предложения: 1) предложения без восполнения, т. е. такие, в которых «высказывание» осуществляется одним глаголом (*Die Sonne scheint*), 2) предложения с одночленным дополнением, 3) предложения с многочленным восполнением. Таким образом, решающим моментом для классификации основных форм предложения, как и в других системах логико-грамматических типов предложения, является различие форм сказуемого.

Предложения I группы образуются лишь такими глаголами, которые фиксируют «покоящееся в себе состояние (или происшествие) или покоящееся в себе действие существа (или предмета), названного в подлежащем»¹⁸. С точки зрения «Грамматики современного немецкого языка», это — абсолютные глаголы, т. е. те непереходные

¹⁶ Там же, стр. 434.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 437.

и подлинно возвратные глаголы, которые не требуют смыслового восполнения, а также безличные глаголы.

Предложения 2-й группы весьма многообразны. Сюда относятся предложения с идентифицирующим именительным (*Karl ist mein Freund*), с дополнениями во всех трех косвенных падежах и с предложным дополнением, с обстоятельственным восполнением (*München liegt an der Isar*; *Die Beratung dauerte zwei Stunden*; *Wilhelm benimmt sich schlecht*; *Das Verbrechen geschah aus Eifersucht*).

Еще более многообразны предложения 3-й группы. Здесь предусматриваются предложения, в которых сочетаются а) дополнение в винительном падеже с дополнением в дательном падеже (в основном при глаголах со значением «давать» и «брать» и со значением «сообщать» и «умалчивать»); б) дополнение в винительном падеже с дополнением в родительном падеже (особенно при глаголах судебной лексики); в) дополнение в винительном падеже с предложным дополнением (приводится обширный список глаголов, при которых употребительна эта конструкция); г) дополнение в винительном падеже с пространственным восполнением; д) дополнение в винительном падеже с пространственным восполнением и с дополнением в дательном падеже (*Karl legte seinem Freund die Hand auf die Schulter*); е) дополнение в дательном падеже с временным восполнением и т. д. (всего в этой группе дается 22 разных типа). Все эти многообразные формы предложения рассматриваются в «Грамматике современного немецкого языка» также в более обобщенном плане. Так, отмечается различие между «направленным» и «ненаправленным» совершением событий (*zielendes Geschehen—nicht zielendes Geschehen*)¹⁹, т. е. все предложения с переходным глаголом (у которых «дополнение в винительном падеже способно образовывать пассивную конструкцию») противопоставляются предложениям с непереходным глаголом. Далее, различаются главные и второстепенные основные формы предложений. А именно, в качестве главных форм рассматриваются все формы с одночленным восполнением и семь форм с многочленным восполнением: предложения, в которых наряду с дополнением в винительном падеже имеется один из следу-

¹⁹ «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache», стр. 459.

ющих компонентов: идентифицирующий винительный (Karl nennt mich einen Lügner), дополнение в дательном падеже, дополнение в родительном падеже, предложное дополнение, пространственное восполнение, временное восполнение, восполнение образа действия (Die Mutter macht die Suppe warm).

Таким образом, всего здесь насчитывается 17 главных основных форм предложения, а все остальные являются второстепенными, как бы наслаивающимися на главные. Например, предложение Der Arzt schrieb den Patienten krank является по своей структуре главной основной формой, а предложение Der Richter sprach diesen Mann des Diebstahl schuldig, в котором дополнительно появляется генетивный объект, — второстепенной основной формой.

Соответственно с этим в «Грамматике современного немецкого языка» в предложениях с многочленным восполнением различаются примарные и секундарные члены предложения, т. е. входящие в состав главных основных форм предложения и входящие только в состав второстепенных форм²⁰.

При всей полезности того детализованного, сугубо дифференцированного рассмотрения логико-грамматических типов предложения, которое дается в «Грамматике современного немецкого языка», оно представляется несколько спорным именно в силу своей крайней детализованности и разветвленности, ставящей на одну доску предложения очень разного удельного веса, в языковой системе частично находящиеся по отношению друг к другу в положении основной структуры и структуры наслаивающейся. Именно сознание этой неравноценности «основных форм предложения» с точки зрения их роли в языковой системе и явилось, несомненно, причиной того, что в этой книге дополнительно было введено различие главных и второстепенных основных форм предложения. Но по сути дела это различие вступает в противоречие с основной классификацией, что проявляется даже терминологически: сочетание «главные основные формы» и «второстепенные основные формы» представляются несколько противоречивыми. Если форма является основной, как же она может быть второстепенной?

²⁰ Там же, стр. 460.

Но и помимо этого, сведение всего реестра главных основных форм предложения к 17 типам ставит в один ряд предложения явно неравноценные с точки зрения своего вхождения в языковую систему. Предложение типа *Ich hänge das Bild an die Wand* (с двумя восполнениями: дополнением в винительном падеже и пространственным восполнением) явно не стоит в одном ряду с предложением типа *Ich nehme das Bild*, а опирается на него. Предложения типа *Karl geht ins Theater* опирается, соответственно, на предложение *Karl geht* и т. д. С другой стороны, в этом реестре вообще отсутствуют такие специфические логико-грамматические типы предложения (хотя и не важнейшие, а основывающиеся на типе предложений с дополнением в винительном падеже), как выражающие наличие предложения типа *Es gibt Leute*, выражающие состояние предложения типа *Ich habe Angst* и некоторые другие. Таким образом, даже с учетом дополнительного подразделения типов предложения на главные и второстепенные классификация основных форм (логико-грамматических типов) предложения, несмотря на богатство охватываемого этими формами предложения материала, оказывается здесь в некоторых моментах неполной и недостаточно убедительной.

Причиной этого является то, что в основу выделения основных форм предложения в системе «Граматики современного немецкого языка» положена сочетаемость глагола (хотя этот термин там не применяется). Несмотря на подчеркивание целостного характера основных форм предложения и изменений в обобщенной семантике номинативного подлежащего в зависимости от общего построения и семантики сказуемого, реальным критерием для установления основных форм предложения здесь все же оказывается только стремление глаголов к постановке при них «восполняющих» членов высказывания (предикатива), т. е. конкретная семантика глаголов, возводимая, правда, к некоторым выражаемым ими более обобщенным видам процесса — действия-состояния. Фактически решающим здесь становится именно лексическое значение глагола, его способность к сочетанию с разными по форме и по значению компонентами предложения.

Что самое главное, здесь не проводится четкого различия между факультативной и обязательной сочетаемостью. Скорее, определяющим моментом здесь являет-

ся возникновение особого нового семантического отношения между процессом, выраженным в глаголе, и тем или иным зависящим от него компонентом предложения. Действительно, вряд ли можно считать, что немецкий глагол gehen не создает достаточную структурную завершенность предложения, т. е. нуждается в обязательном выполнении со стороны обстоятельства места. Здесь фактически обязательной сочетаемости нет — и с этой точки зрения нет подлинной необходимости причислять эту конструкцию к основным формам предложения. Но между глаголом gehen и направлятельным обстоятельством места здесь действительно имеется особое, своеобразное смысловое отношение, которое не представлено в таком виде ни в одной из других основных форм предложения — и очевидно именно из-за этого данное сочетание в «Грамматике современного немецкого языка» рассматривается как одна из основных форм предложения.

Именно из-за такого превращения особых смысловых связей между глаголом и другими компонентами предложения в особый критерий для выделения основных форм предложения в «Грамматике немецкого языка» дается такая резкая оценка старому понятию «ядерного предложения» (Kernsatz), т. е. той части предложения, которая образуется его членами, безусловно необходимыми для его существования как грамматического единства²¹, что, примерно, соответствует еще более старому грамматическому понятию «der nackte Satz» (простое нераспространенное предложение). Учение о «ядерном предложении», способном распространяться второстепенными членами, трактуется здесь как формалистическое. Ему противопоставляется необходимость учитывать все компоненты предложения, которые участвуют в выражении каждого «способа видения» (Sehweise), лежащего в основе каждого предложения. Именно такие «способы видения» рассматриваются здесь как не подлежащие дальнейшему сведению единства, заранее данные родным языком каждому говорящему на нем как законченные единства для образования предложений. Избирая такое единство, говорящий тем самым решает вопрос о том «способе видения», в ракурсе которого будет построено его предложение, и ему остается только заполнить схему

²¹ «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache», стр. 435.

соответствующей основной формы семантически подходящими словами. Что касается возможностей индивидуального варьирования этих заранее данных «способов видения» и зависящих от них основных форм предложения, то они состоят в выборе зависимых «свободных», т. е. не необходимых в смысловом отношении членов предложения и определений, в замене членов предложения подчиненными предложениями, в порядке слов и в мелодике развертывания предложения²².

Однако такое обоснование отбора основных форм предложения смысловыми моментами, а в конечном счете идущим из концепций Л. Вейсбергера «способом видения», ведет к большим неясностям. Действительно, если все зависит от избираемого говорящим «способа видения», то получается, что в основе одного и того же определенного сочетания слов могут лежать разные «способы видения», в результате чего это сочетание может принадлежать в одном случае к одной, а в другом случае к другой основной форме предложений. Так, сочетание *Der Knabe läuft* может в одном случае выражать «способ видения», согласно которому глагол обозначает здесь «покоящееся в себе» и как бы возвращающееся обратно к субъекту действие, в результате чего данное сочетание оказывается законченным предложением, принадлежащим к основной форме предложений, лишенной восполнения. Но глагол в этом же сочетании может рассматриваться под ракурсом таких действий, которые «могут быть мыслимы лишь в пространстве и во времени»²³, в результате чего данное сочетание как таковое не образует полного предложения, т. е. оказывается предложением неполным, эллиптическим, а полное предложение должно было бы включать здесь еще компонент с локальным значением, например: *Der Knabe läuft in die Schule*.

Таким образом, сама структура предложения, данная в определенной системе синтаксически взаимосвязанных друг с другом морфологических форм, оказывается здесь недостаточной для определения того, является ли эта структура полной и к какой основной форме она относится. Для определения этого требуется еще знание «способа видения» говорящего — «способа видения», который

²² «Grammatik...», стр. 465.

²³ Там же, стр. 495.

реально может быть понят только из контекста и ситуации. Решающей для классификации основных форм предложения становится не их объективно данная структура, а психологическая установка говорящего. Но при всей важности психологической установки говорящего для конкретного оформления структуры предложения в речи, привносимые этой установкой сдвиги в значении и в форме предложения все же только наслаиваются на какие-то более устойчивые, более сложившиеся типы предложений. Другими словами, такое различие предложений по «способу видения» говорящего, которое не находит своего отражения в реальных особенностях морфологического набора необходимых компонентов предложения, должно рассматриваться в синтаксисе, но не в разделе, посвященном основным формам предложения, а в разделе о познавательной установке говорящего. Это — разные аспекты предложения.

В связи с этим полемика «Грамматики современного немецкого языка» против «формалистического» понятия «ядерного предложения» представляется неоправданной. «Ядерное предложение» (более точно было бы «ядро предложения»), способное распространяться второстепенными членами, действительно существует, и наиболее ясным и объективным способом его вычленения является ограничение его теми компонентами предложения, которые в состоянии «синтаксического покоя»²⁴ (т. е. при максимальном выключении воздействий со стороны ситуации и контекста) оказываются необходимыми для структурной завершенности предложения. Ведь по сути дела и в «Грамматике современного немецкого языка» такое «ядро» всегда выделяется. Но это делается, как мы видели, с учетом различий в «способе видения» говорящим отраженного в предложении участка действительности. Между тем при традиционном понимании функций «ядра предложения» это делается на основе устойчивых сочетательных свойств определенных морфологических разрядов и форм слов, т. е. независимо от субъективного подхода говорящего к конструированию данного предложения.

²⁴ O. Beha g h e l. Die Herstellung der syntaktischen Ruhelage im Deutschen. «Indogermanische Forschungen», 1903, Bd. XIV, стр. 438—459.

Другое дело, что при таком установлении «ядра предложения» на базе образующих его морфологических разрядов и форм слов надо весьма дробно и дифференцированно подходить к этим разрядам и формам, поскольку их сочетаемость может варьироваться в зависимости от семантики отдельных подразрядов или даже отдельных слов, принадлежащих к этим разрядам. Обязательная сочетаемость в определенном синтаксическом направлении, наличие которой и является основной предпосылкой для образования особой «основной формы» предложения, т. е. логико-грамматического типа предложения, может быть свойственна лишь части (иногда даже очень малой части) всего лексического состава данного морфологического разряда слов. Но надо подчеркнуть, что в теории грамматики этот момент стал учитываться уже давно. Вспомним старинное понятие «копулы», применяемое для языков, в которых морфологическая система связки полностью (за исключением супплетивности) подобна в принципе морфологической системе полнозначного глагола. Более важно, что уже в начале XX в. было обращено внимание и на то, что обязательная сочетаемость с некоторыми компонентами, прежде рассматривавшимися лишь как подчиненные члены группы сказуемого-глагола, свойственна и глаголам с семантикой не чистой связки, а нахождения, пребывания где-либо (во временном и местном значении).

Такая же дифференциация была намечена и в отношении различия в сочетаемости между непереходными и переходными глаголами. Правда, эта проблема оказалась значительно сложнее, поскольку, например, в индоевропейских языках существует большое количество непереходно-переходных глаголов, т. е. таких глаголов, которые, полностью сохраняя свою морфологическую форму и не меняя своей семантики сверх того минимума, который неизбежен при переключении действия, рассматриваемого лишь с точки зрения определения формы деятельности субъекта, на действие, рассматриваемое также с точки зрения его воздействия на какой-либо предмет, могут либо сами по себе быть достаточными для завершения конструкции предложения, либо стремиться к объекту. Так, глагол *pflügen* в немецком языке в сочетании с номинативным подлежащим может либо завершать предложение, либо вводить прямое дополнение. (В «Грам-

матике современного немецкого языка» это отразилось в том, что предложение *Der Bauer pflügt* рассматривается как одночленное предложение, а предложение *Der Bauer pflügt den Acker* — как двучленное.) Наличие таких непереходно-переходных глаголов, казалось бы, исключает возможность структурного разграничения типа предложений «деятель + действие» и типа предложений «деятель + действие + объект действия» на базе обязательной сочетаемости, оставляя возможность лишь контекстуально-смыслового различия этих типов. Но существуют (во всяком случае в целом ряде языков) и некоторые формальные, дополнительные структурные признаки, по меньшей мере поддерживающие такое контекстуально-смысловое разграничение этих типов предложения, а в какой-то мере даже обосновывающие его.

Для большого числа языков, как мы уже указывали, этот структурный признак состоит в наличии целого ряда глаголов чисто переходных, т. е. таких, которые обязательно требуют подключения к ним дополнения, без чего предложение окажется структурно незавершенным. Это, в первую очередь, глаголы с семантикой как бы «схемы действия», т. е. означающие такую внешнюю форму деятельности, которая требует своего насыщения каким-то предметным содержанием. Так, глагол «брать» означает действие само по себе бессодержательное, как бы пустое, обязательно предполагающее свою обращенность на какой-либо предмет. Это действие в минимальной мере может быть представлено как «покоящаяся в себе» деятельность субъекта, пребывающая при нем и возвращающаяся к нему. На базе этой смысловой неполноты глагола предмет действия, объект, при этом глаголе и при подобных ему глаголах становится необходимым и в структурном отношении — у глагола возникает обязательная сочетаемость, направленная к прямому дополнению. Таким образом, здесь образуется особый логико-грамматический тип предложения, выделенный структурными признаками. Противопоставление друг другу типов предложения с переходными и непереходными глаголами поддерживается во многих индоевропейских языках также наличием противопоставления между переходными и непереходными глаголами по семантике, восходящей к соотношению каузативных и некаузативных глаголов, например, русск. *пить* — *пить*, (*по*)*ложить* — (*по*)*лежать* и т. д.

Впрочем, в некоторых языках такое различие, прежде также имевшее место, постепенно устраняется: в английском языке возникает тенденция к тому, чтобы каждый глагол мог употребляться как интранзитивно, так и транзитивно, что связано с особыми тенденциями в развитии структуры английского предложения.

Наибольшее значение для выделения предложений с прямым дополнением при переходном глаголе как особого логико-грамматического типа предложений имеет тот факт, что предложения с прямым дополнением могут иметь, как правило, соответствие в виде предложения с пассивной конструкцией. Уже издавна отмечавшаяся взаимозависимость этих типов предложения (пассив, как известно, часто рассматривался как «перевернутая форма» актива), в новейшее время интерпретируемая как одна из важнейших структур, поддающихся трансформационному анализу, отделяет предложения с конструкцией «производитель действия + действие + предмет действия» (в соответствующем оформлении) от предложений с конструкцией «производитель действия или носитель состояния + действие или состояние» (также в соответствующем оформлении) как отдельные типы, хотя первый из них и строится на основе второго.

Вместе с тем, этот анализ показывает, что выделение той или иной конструкции предложения как особого логико-грамматического типа требует наличия у данной конструкции существенных формально-синтаксических черт, отграничивающих ее от всех остальных конструкций, в связи с чем и оказывается затруднительным признать все многообразие даже главных «основных форм предложения» в «Грамматике современного немецкого языка» подлинными логико-грамматическими типами предложения. Подчеркнем, однако, еще раз, что сама по себе та картина развертывания и осложнения подлинных логико-грамматических типов предложения в системе «основных форм предложения», которая дается в этой грамматике, представляет очень большой интерес.

В отличие от грамматики, выпущенной П. Греббе, грамматика Х. Бринкманна делает упор именно на самые основные логико-грамматические типы предложения, лежащие в основе множества более развернутых конструкций предложения. Именуются эти типы у Бринкманна «моделями предложения» и их всего четыре: 1) предложение,

выражающее процесс происшествия (Vorgangssatz), 2) предложение, выражающее действия (Handlungssatz), 3) адъективное предложение, 4) субстантивное предложение.

Каждый из этих типов анализируется с точки зрения тех более конкретных смысловых отношений, которые им передаются. Так, в предложениях, выражающих процесс, Бринкманн устанавливает 8 разных видов глагольного процесса:

1. «Жизнь как феномен», например: Es regnet; Dann wurde gewaschen и т. п. В этих предложениях выражаются процессы, воспринимаемые независимо от человека и «существующие лишь постольку, поскольку они совершаются». Они могут выступать лишь в небольшом числе грамматических форм (в 3-м лице единственного числа) — и то в специфических конструкциях, т. е. безличных конструкциях и безличном пассиве²⁵.

2. «Жизнь как судьба», например: Die Abstimmung ist (noch nicht) erfolgt и т. п.; здесь выступают глаголы, которые по своему значению не соотносятся с лицами, а обозначают события, совершающиеся независимо от участников речи, и выступают лишь в 3-м лице единственного числа. Бринкманн дает список из 14 подобных глаголов²⁶.

3. «Жизнь как существование», например: Es gibt Staaten; Verordnungen bestehen; Es fehlt an Verordnungen. В этом подтипе предложений выражается «бытие лиц, вещей и учреждений» как таковое. «Самой общей формулой» для выражения этой семантики является конструкция с es gibt. Но та же семантика предложения может быть выражена конструкциями с номинативным подлежащим с положительным значением при глаголах типа bestehen и с отрицательным значением при глаголах fehlen, mangeln и мн. др.²⁷

4. «Существование в пространстве», например: Er ist zu Hause; Köln liegt am Rhein. Задача предложений этого подтипа — выразить местоположение субъекта. Наиболее общим глаголом для выражения этой семантики является sein в значении sich befinden, затем sich befinden и целый ряд глаголов, выражающих нюансы этого

²⁵ Н. Brinkmann. Указ. соч., стр. 523—525.

²⁶ Там же, стр. 525—526.

²⁷ Там же, стр. 526—527.

значения [*leben, wohnen* и т. д. (12 глаголов)]. Аналогичное значение — в сочетании со связочным глаголом *sein* — могут выражать прилагательные, образованные от глаголов типа *sich befinden, befindlich, wohnhaft* и т. п. С этим подтипом связываются также предложения, выражающие пребывание во времени. В них используются частично те же, а частично особые глаголы (*dauern* и др.)²⁸.

5. «Процесс как проявление жизни», например: *Eine Ebene erstreckt sich; Das Kind spielt*²⁹. Это чрезвычайно широкий подтип, охватывающий множество явлений как в природе, так и в человеческой жизни. Для образования этих предложений служит большое число разнообразных глаголов, в том числе и транзитивных глаголов в том случае, когда они выражают имманентный процесс, т. е. когда «отвлекаются от объекта и взгляд покоится исключительно на субъекте». Так, многочисленные глаголы, выражающие деятельность человека, начинают выражать в этом случае «способ человека существовать». Всего указывается 5 способов превращения, означающих действие переходных глаголов, выражающих имманентный процесс, в непереходные, из которых отметим здесь только четвертый способ: перенос человеческих действий во вне-человеческую сферу (например, *Die Pyrenäen trennen Spanien von Frankreich*).

6. «Процесс как изменение», например, предложения, образованные на базе глаголов *fallen, kommen, sinken, fließen* и т. п. Причастие II от этих глаголов часто не может применяться для характеристики субъекта, так как между субъектом и глаголом здесь «в общем, отсутствует более тесная связь»³⁰. Изменения могут происходить как в местоположении, так и в состоянии (внешнем или внутреннем) лица, реже других видов субъекта.

7. «Процесс как обращение к другим людям», например: *Ich bin meinem Freund begegnet*. «Глагольный процесс наличествует здесь ради другого лица, получает смысл и цель благодаря отношению к другому лицу»³¹. Оформляется лицо, ради которого совершается процесс, дательным падежом. В очень многих случаях процесс может восприниматься здесь, однако, и «имманентно».

²⁸ Н. В r i n k m a n n. Указ. соч., стр. 527—528.

²⁹ Там же, стр. 531—535.

³⁰ Там же, стр. 535.

³¹ Там же, стр. 538.

8. «Расширение сферы субъекта», например: Der Saal faßt zweihundert Menschen; Das Haus kostet neunzigtausend Mark; Der Alte hatte graues Haar. Глагол haben, особенно важный для образования предложений этого подтипа, выражает, что «нечто имеется в наличии для субъекта»³².

Как видно из характеристики этих подтипов, критерием для их выделения, так же как для выделения основных «моделей предложения», служат у Бринкманна 1) морфологические различия в характере необходимых членов предложения, причем широко используются различия, связанные с возможностью или невозможностью образования всех форм глагольной парадигмы, 2) синонимически-трансформационные возможности (особенно возможность образования пассивной формы), 3) наличие семантически единых в определенном отношении рядов глаголов, причем эти глаголы полностью перечисляются, 4) сочетательные закономерности глагола («валентность» — Бринкманн употребляет этот термин вслед за Теньером), без четкого различения, однако, сочетаемости обязательной и факультативной сочетаемости. Последней у Бринкманна соответствует в основном «имманентность» или «абсолютность» глагола, но в некоторых случаях имманентность понимается скорее в обобщенном, чисто смысловом плане, а не как реальное синтаксическое свойство глагола, хотя и связанное с его семантикой. Во всяком случае при анализе седьмого подтипа в общем виде отмечается, что «имманентность» глагола остается здесь ненарушенной, хотя среди глаголов, образующих этот подтип, есть и такие, как widerfahren, passen и др.³³, которые в состоянии синтаксического покоя обязательно требуют восполнения в дательном падеже.

В этом сказывается некоторое преобладание смыслового момента над другими, более формальными, в системе «моделей» предложения Бринкманна.

Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что основные модели предложения у Бринкманна объединены по чисто смысловому признаку. Так, предложения со структурой «es gibt + винительный» и «haben + винитель-

³² Там же, стр. 541.

³³ Там же, стр. 538.

ный» рассматриваются как подтипы модели процессуального предложения, хотя «классической» формой этого типа является структура «номинативное подлежащее + переходный глагол». Учитывая этот момент, конструкции с *es gibt* и *haben* + винительный должны были бы трактоваться как некие переходные, пограничные подтипы предложения, с расхождением между своей формой и своим обобщенным грамматическим значением.

С другой стороны, формальный момент все же оказывается в системе Бринкманна настолько сильным, что несколько обедняет общую картину моделей предложения в немецком языке. А именно, как и в многих других системах, в системе Бринкманна формальным признаком предложения оказывается глагол (хотя бы связочный), в связи с чем полностью отсутствуют безглагольные логико-грамматические типы предложения. Так, выпадают односоставные бытийные номинативные предложения типа *Laue Wärme; Kühle tiefschwarze Nacht und helles Licht*. Между тем конструкции этой формы, хотя они и опираются в своей структуре на двусоставные предложения с семантикой существования, образуют особый, отнюдь не эллиптический тип предложения.

Таким образом, даже в чрезвычайно разработанной и углубленной системе моделей, т. е. логико-грамматических типов предложения Бринкманна, в которой четко выделены основные, решающие разновидности этих типов и использованы разные критерии для такого выделения, все же отсутствует полный охват существующих в соответствующем языке логико-грамматических типов предложения, а также есть кое-что спорное в распределении подтипов между основными типами.

Все это, так же как наши критические замечания при разборе систем Неса и Греббе, свидетельствует о чрезвычайной трудности классификации логико-грамматических типов предложения, как впрочем и классификации всех других основных единиц грамматического строя. Слишком сложно и многообразно пересекаются здесь различные смысловые и формальные стороны предложений как выразителей обобщенного логико-грамматического содержания, чтобы их можно было охватить логически стройной и четко разграниченной, непересекающейся системой логико-грамматических типов.

Поэтому (во всяком случае для очень многих язы-

ков,— в частности, для языков индоевропейских) при выделении логико-грамматических типов необходимо не только выделять основные, важнейшие типы, но учитывать и наличие переходных типов, относящихся, например, по форме к одному, а по значению — к другому основному типу. Надо также предусматривать возможность наличия более частных «периферийных» типов, которые по своему оформлению могут решительно отличаться от формального облика основных, важнейших типов.

В связи с этим надо подчеркнуть, что выделение логико-грамматических типов надо рассматривать как совершенно самостоятельную, чисто синтаксическую задачу, ни в коей мере не сводимую к выявлению сочетательных потенций (валентности) глагола. Конечно, глагол (в частности, в индоевропейских языках) играет исключительно большую роль в формировании предложения и используется для образования его наиболее важных логико-грамматических типов. Но ставить знак равенства между валентностью глагола и логико-грамматической типологией предложения никоим образом нельзя. Предложение есть именно предложение, использующее для своего построения различнейшие возможности морфологического строя и системы словосочетаний соответствующего языка, без обязательного ограничения сферой глагольных форм и глагольных сочетаний.

Другое дело, что и безглагольные логико-грамматические типы предложения в языках, в которых преобладают глагольные типы, так или иначе соотносятся с этими глагольными типами, так или иначе основываются на них. Так, номинативные бытийные предложения соотносятся с подлежащим двусоставного предложения, в частности, с подлежащим двусоставного глагольного предложения с обобщенным значением существования предмета (в немецком языке типа *Es ist Abend*). Очень ясно это проявляется при изменении временного плана. Номинативные бытийные предложения могут стоять только в настоящем времени; в прошедшем и в будущем времени при соответствующих именительных падежах появляется глагол существования в соответствующей форме. Например, в русском языке: *Вечер.— Был вечер.— Будет вечер*. Но этим не снимается тот факт, что в настоящем времени номинативные бытийные предложения образуют

совершенно особый, своеобразный логико-грамматический тип предложения. В некоторых языках он вообще не может быть заменен двусоставным предложением с глаголом *быть*: так, в русском языке предложения типа *Есть вечер* невозможны. Но и в тех языках, где такая трансформация формально возможна, двусоставная структура несет иную эмоциональную нагрузку, выражает иную познавательную установку и фактически далеко не всегда может заменить односоставную, чисто именную структуру в конкретном контексте. Например, в немецком языке трудно было бы без насилия над языком заменить в настоящем времени бытийный именительный падеж двусоставным бытийным предложением в вышеприведенном примере. Конструкция *Es ist laue Wärme, kühle tiefschwarze Nacht und helles Licht* звучит искусственно.

Другой вывод из анализа систем логико-грамматических типов предложения, разработанных У. Несом, П. Гребе и Х. Бринкманном, состоит в том, что, как нами уже неоднократно отмечалось, для выделения логико-грамматических типов предложения совершенно необходимо использование не одного, а целого ряда критериев. В этом смысле наиболее интересным является, как мы видели, подход к классификации логико-грамматических типов предложения у Бринкманна. Но очень сложным оказывается здесь вопрос о том, как соотносятся между собой фиксация лексико-смысловой емкости того или иного логико-грамматического типа предложений и выделение особых логико-грамматических типов или подтипов.

Конечно, вполне целесообразно для максимально детализованного анализа отдельных логико-грамматических типов предложения отметить те оттенки значений, которые могут быть в нем выявлены, и дать списки тех слов, которые могут участвовать в образовании данного типа, если возможности варьирования таких слов ограничены. Пусть даже полнота этих списков в большинстве случаев будет стоять под вопросом, поскольку всегда возможны сдвиги в значении слов и употребление слов в переносном значении. Как характеристика основного, отправного лексического состава соответствующих типов предложения такие списки окажутся все же очень полезными. Однако для самого установления набора логико-

грамматических типов предложения, для их выделения, такие списки сами по себе не могут быть достаточными. Для этой цели всегда необходимы какие-то формальные особенности, понимая здесь, естественно, форму в самом широком значении этого слова, т. е. в плане любых различий морфологического и синтаксического характера. А уже каждый из выделенных таким образом типов характеризуется затем в семантическом плане, т. е. присущим ему обобщенным грамматическим значением.

Этому не противоречит и то, что в некоторых случаях основанием для выделения особых разновидностей (подтипов или периферийных типов) логико-грамматических типов предложения является расхождение между формальной структурой и обобщенным грамматическим значением какого-либо соответственного специфического сочетания определенных лексем. Например, в той или иной форме проводимое рядом исследователей выделение в немецком языке как особого логико-грамматического типа или подтипа конструкции «haben + винительный падеж» основывается именно на том, что формальная структура этой конструкции «ведет» ее к обобщенному значению субъектно-объектного отношения, между тем как фактическое значение этой конструкции — наличие у подлежащего какого-то признака, состояние подлежащего. Выделение такого типа или подтипа не является чисто смысловым потому, что здесь приходит в столкновение формальная структура, характеризующаяся определенным грамматическим значением, с иным грамматическим значением, которое уже (пусть с теми или иными вариациями) закреплено за другим или за другими логико-грамматическими типами предложения. Это грамматическое значение, таким образом, не безразлично для системы логико-грамматических типов предложения данного языка, не является простым оттенком значения, которых может быть бесчисленное множество, а относится к тому набору значений, к выражению которых эта система вообще стремится.

Но и здесь, конечно, вполне возможны сложные пограничные случаи. Многообразие формальных средств, способных дифференцировать логико-грамматические типы предложений, многообразие смысловых связей между этими типами, их синонимии и омонимии и т. д. делает общую картину логико-грамматических типов

предложения чрезвычайно пестрой и противоречивой, полной переходов, подтипов и т. д., своеобразно складывающейся в каждом языке, несмотря на наличие существеннейших черт сходства (особенно в основных типах) между очень многими языками. Как и другие грамматические явления, система логико-грамматических типов предложения едва ли в каждом языке образует некую полевую структуру, в которой имеется некоторое число основных образований, характеризующихся полным совпадением между формой и значением, комплектностью всех признаков, свойственных этим образованиям, и рядом образований, в которых эти признаки представлены некомплектно и которые расположены между основными образованиями, на их периферии³⁴.

III

Одной из наиболее важных и вместе с тем спорных проблем, связанных с модальностью предложения, является соотношение таких грамматических значений, как, с одной стороны, утвердительность — отрицательность, с другой стороны, разные оттенки сомнения, уверенности и т. д.

Согласно одной точке зрения, все эти явления составляют разные виды модальности и относятся, сложным образом перекрещиваясь, к аспекту модальности предложения³⁵. Согласно другой точке зрения, это явления качественно совершенно различные, причем значение утвердительности — отрицательности не имеет никакого отношения к модальности, так что его надо рассматривать отнюдь не по аспекту модальности предложения, а каким-либо иным образом³⁶. В работах советских языковедов в последнее время решительно преобладает вторая точка зрения.

Это расхождение можно было бы, конечно, трактовать как чисто терминологическое и внешне классификационное и поэтому вообще не придавать ему сколько-нибудь существенного значения. Действительно, разве так

³⁴ В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М — Л., 1964, стр. 47—51.

³⁵ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1959, стр. 163—170.

³⁶ См.: Е. И. Шендельс. Отрицание как лингвистическое понятие. «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1959, т. XIX, стр. 138—140.

уж важно, будут ли рассматриваться соответствующие грамматические значения и формы их выражения внутри одного аспекта, аспекта модальности, или соотношение утвердительности — отрицательности и формы выражения этого отношения будут рассматриваться по особому, специально выделенному для этой цели аспекту, который можно условно назвать хотя бы «аспектом афирмативности» и который доведет общее число аспектов предложения в тех языках, о которых идет речь и в настоящей статье, до восьми? Ведь наличие самих этих явлений — как модальности предложения в ее обычном понимании, так и «афирмативности» предложения — никак не оказывается поколебленным при любом теоретическом решении этого вопроса, и исследовать эти явления можно, казалось бы, исходя из любого из этих двух подходов.

Но реальное лингвистическое значение имеет вопрос о том, как фактически соотносятся эти значения и формы их выражения в структуре предложения. А именно, просто ли они «рядоположны», т. е. проявляются ли они как строго параллельные в эвклидовском смысле стороны предложения, никак не задевающие друг друга и друг на друга не воздействующие или они находятся в каком-либо взаимодействии друг с другом, в какой-нибудь — пусть очень сложной и отдаленной — взаимозависимости.

Ведь разбиение разных грамматических значений предложения и форм выражения этих значений по разным аспектам отражает не что иное, как качественную раздельность этих значений, их «эвклидовский» параллелизм, отсутствие у них глубокого взаимодействия друг с другом. Каждый из аспектов предложения обладает определенным набором соотносящихся друг с другом грамматических значений, находящих свое формальное выражение.

В каждом аспекте имеется своя система отношений между типами предложений — система как противопоставлений, так и синонимических отношений, причем системы разных аспектов по существу не затрагивают друг друга. Они могут, правда, наложить друг на друга некоторые ограничения, вытекающие из тех или иных свойств тех или иных типов предложений того или иного аспекта. Так, возможности распространения основного костяка предложения второстепенными членами, предоставляемые закономерностями аспекта «степень полноты пред-

ложения», в разной степени используются в разных логико-грамматических типах предложения. Например, в односоставные бытийные номинативные предложения нельзя ввести качественные наречные обстоятельства, относящиеся к группе глагола. Но это лишь естественное и неизбежное следствие безглагольности этой конструкции и ее близости к подлежащему, т. е. самой структуры данного логико-грамматического типа предложений. Здесь нет никакого подлинного взаимодействие аспекта — ни правила сочетаемости, характерные для аспекта полноты предложения, не изменяют здесь каких-либо закономерностей в образовании и функционировании данного логико-грамматического типа предложений, ни закономерности данного логико-грамматического типа предложений не изменяют здесь правил сочетаемости, характерных для аспекта полноты предложения. Накладываясь друг на друга, эти правила и закономерности не создают каких-либо разновидностей и подтипов в системе каждого из этих аспектов, а только выявляют характерные черты соответствующих структур.

Так же обстоит дело, например, и с невозможностью образовать, как правило, побудительные предложения (по аспекту «коммуникативная задача предложения») от тех же односоставных бытийных номинативных предложений. Такая неполнота парадигмы этого логико-грамматического типа предложений по данному аспекту опять-таки лишь выявляет грамматико-смысловое своеобразие этого типа, его чисто именной, назывной характер, семантически не позволяющий превратить предмет, существование которого здесь выражается, в адресат, к которому направлено побуждение. Таким образом, и здесь никаких сдвигов в грамматических значениях данных типов предложения не наблюдается, никакого «взаимодеформирования» аспектов в процессе накладывания друг на друга закономерностей двух аспектов не происходит, а происходит лишь выявление характерных черт соответствующих структур.

Между тем при наложении друг на друга структур модальных в обычном значении этого слова и структур «афирмативных» результаты будут иные.

Смысл утвердительных предложений как таковых заключается, как это вытекает из самого названия этих предложений, в том, чтобы утвердить основное содержа-

ние предложения, выразить реальность этого содержания, т. е. организующего все предложение отношения между главными членами предложения (предикативного отношения). В предложении *Он пришел* дано такое утверждение реальности смысловой связи между подлежащим *он* и глагольным сказуемым *пришел*. Соответственно в предложении *Он не пришел* частица *не* выражает нереальности смысловой связи между *он* и *пришел*. (Синтаксическая связь как таковая здесь присутствует, но служит как раз для того, чтобы выразить реальность или, соответственно, нереальность данной смысловой связи)³⁷. Однако все это так только при отсутствии каких-либо усложняющих, «ненулевых» форм выражения «чистой» модальности — сослагательного наклонения, модальных членов предложения с неутвердительной семантикой и т. п. явлений, варьирующихся по разным языкам. При введении подобных форм, например, модальных слов типа русск. *кажется, пожалуй* и т. п. — «афирмативное» значение соответствующих предложений меняется. *Он, кажется, пришел* означает уже не подлинное, безусловное утверждение реальности смысловой связи между подлежащим и сказуемым, а только предположительное утверждение этой связи. Здесь нет уже достоверности, утверждаемой говорящим, а есть предположение. Модальный член предложения в этом случае, налагаясь на утвердительное значение предложения, видоизменяет это значение. И точно так же подобный модальный член предложения видоизменяет отрицательное значение предложения: *Он, кажется, не пришел*. Здесь уже нет достоверности отрицания, а есть отрицательность предположительная.

Но это неопровержимо свидетельствует о том, что значение «афирмативности» и модальное значение как таковое глубоко не безразличны друг к другу, взаимопроницаемы. Тем самым соотношение этих значений резко отличается от соотношения значений, принадлежащих к разным аспектам предложения. А из этого следует, что сами эти явления, «афирмативность» и «чистая модальность», не образуют отдельные, независимые друг от

³⁷ В. Г. Адмони. О модальности предложения. «Уч. зап. ЛГПИ», 1956, т. XXI, стр. 57 и след.

друга аспекты предложения, а относятся к одному, пусть очень своеобразному и сложному аспекту.

Дело, конечно, не в терминах. Но если мы называем отдельными аспектами предложения такие явления, как система его логико-грамматических типов, степень полноты предложения, коммуникативные задачи предложения и т. п., т. е. стороны предложения, взаимонепроницаемые с точки зрения существа своих значений, то нельзя называть отдельными аспектами и ставить рядом, как отдельные аспекты, «афирмативность» предложения и модальность предложения, поскольку они, как мы видели, взаимопроницаемы с точки зрения системы своих значений.

Различные формы выражения «чистой модальности» создают возможность многообразного варьирования «утвердительности» и «отрицательности» предложения по степени их силы. Даже оставаясь в пределах влияния модальных членов предложения, здесь можно наметить целую шкалу измерения утвердительности и отрицательности — от крайней степени их ослабления до крайней степени их подчеркивания. Аналогичную картину мы видим и в структуре непредикативных словосочетаний, где с помощью модальных членов предложения также создается целая градация оттенков утвердительности и отрицательности, например в менее употребительном, но все же возможном ряду: *этот несомненно больной человек; этот, кажется, больной человек; этот вряд ли больной человек.* «Афирмативные» и «чисто модальные» значения взаимодействуют и здесь, хотя такое взаимодействие прежде всего характерно именно для предложения.

Взаимодействие между «афирмативными» и «чисто модальными» значениями — по крайней мере, в отношении значительной части модальных форм — однонаправленно. Модальные члены предложения, как мы видели, оказывают давление на «афирмативное» значение предложения, выявляют его меру или даже деформируют его. Обратного давления, однако, не происходит. Правда, «чисто модальные» значения были бы невозможны без значения «афирмативности», основываются на нем и в своем существовании как бы предполагают его существование. Но, например, значение предположительности, свойственное модальному слову *возможно*, значение уси-

ливания «афирмативного» содержания предложения, свойственное модальному слову *несомненно* и т. д., остаются свойственными этим модальным словам в любых (с точки зрения «афирмативности») типах предложения. Значение «афирмативности» является в этом плане более глубинным, основным, а значение «чистой модальности» более внешним, наслаивающимся на значение «афирмативности». Но такой вид взаимодействия отнюдь не противоречит факту глубокого, внутриаспектного соотношения этих значений. Напротив, такое одностороннее взаимодействие только подтверждает и выявляет их связанность внутри единой системы, где одно значение является необходимой базой для развертывания другого, приобретающего большую устойчивость, но способного деформировать базисное значение.

Однако иногда против концепции, утверждающей принадлежность «афирмативности» и «чистой модальности» к одному аспекту предложения, выдвигается возражение, связанное с общей трактовкой этих явлений как грамматических категорий. А именно, «афирмативности» как категории объективной, отражающей реальные соотношения в действительности, «чистая модальность» противопоставляется как категория субъективная, выражающая отношение говорящего к действительности (или отношению содержания предложения к действительности)³⁸. С этой точки зрения обе эти категории оказываются в разных плоскостях грамматической системы, не могут быть сведены воедино в силу своего глубокого качественного различия.

Но эта точка зрения не подтверждается анализом данных категорий.

Суть вопроса заключается здесь в выяснении соотношения между субъективными и объективными (по терминологии А. М. Пешковского) категориями, т. е. в проблеме проявления установки говорящего по отношению к содержанию предложения.

С одной стороны, кажется бесспорным, что отношение говорящего к содержанию высказывания пронизывает все высказывание и отражается на всех его сторонах. Это касается любого аспекта предложения. Ведь даже привлечение того или иного логико-грамматического типа

³⁸ См., например: Е. И. Шендельс, Указ. соч., стр. 142.

предложения для языкового выражения какого-либо отношения действительности является в развитых языках чаще всего результатом определенного выбора со стороны говорящего, так как существует значительная синонимия логико-грамматических типов предложения, и одно и то же отношение реальной действительности может быть представлено средствами логико-грамматической типологии предложения разным образом. Также и степень полноты предложения в каждом отдельном случае для каждого данного предложения устанавливается говорящим, его стремлением наиболее широко охарактеризовать то отношение действительности, которое является основным содержанием его высказывания, или, напротив, ограничиться самым необходимым. Нет ни одного аспекта предложения, в котором выбор форм и типов не зависел бы так или иначе от вмешательства говорящего. В этом смысле весь строй предложения субъективен.

В связи с этим становится понятным, почему иногда делаются попытки вообще вывести типологию предложения из сферы «языка» и объявить ее целиком и полностью принадлежностью сферы «речи»³⁹. Раз весь выбор всех типов предложения зависит от говорящего и, тем самым, складывается в процессе коммуникации в момент речи, то он выпадает из сферы таких устойчивых, независимых от воли и чувства говорящего грамматических явлений, как, например, морфологическая структура языка.

Но формы и мера вмешательства говорящего в разные сферы грамматического строя, в частности, в организацию структур по разным аспектам предложения все же глубоко различны.

Есть такие аспекты, в которых сам языковой материал по своему существу направлен непосредственно на воспроизведение предметов, явлений, отношений и объективной действительности в их взаимосцепленности. Это — система логико-грамматических типов предложения, разные формы развернутости предложения, система связей между предложениями. Центр тяжести лежит здесь именно на том выражении, которое в соответствующих грамматических формах получают разного рода связи реального мира. Вмешательство говорящего проявляется

³⁹ См., например: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 35—36.

в этих аспектах лишь в моментах, наслаивающихся на это основное их содержание: в выборе именно данного, а не другого логико-грамматического типа предложения, той или иной его развернутости, той или иной его связи с другими предложениями. Само существо соответствующих структур этим вмешательством говорящего, этим его выбором не затрагивается.

Между тем в других аспектах предложения вмешательства говорящего, его коммуникативные замыслы, его отношение к содержанию высказывания оказываются основным, центральным моментом. Конечно, и все эти отношения и замыслы говорящего всегда даны в типизированном виде, т. е. не приобретают каждый раз новую форму, а выработаны в каждом языке как четкие, общезначимые структуры. Но смысл этих структур в данных аспектах состоит именно в том, чтобы оформить разные типы отношения говорящего к основному содержанию высказывания, разные типы тех коммуникативных заданий, которые говорящий ставит перед предложением.

Так, само название «познавательная установка говорящего» свидетельствует о том, что соответствующий аспект строится целиком в зависимости от подхода говорящего к основному содержанию предложения (движение от «данного» к «новому», выделение наиболее важного в предложении). Также очевидно, что весь смысл аспекта «эмоциональная насыщенность предложения» состоит в том, чтобы выявить разные степени эмоциональной «заряженности» говорящего при конструировании им соответствующего предложения. Наконец, очевидно и то, что аспект «коммуникативная задача предложения» целиком повернут к процессу речевой коммуникации, а именно к той задаче, которую данное предложение по воле говорящего должно играть в речевом общении.

Таким образом, само основное содержание этих аспектов неразрывно связано с позицией говорящего и с развертыванием процесса коммуникации. Именно в этом и заключается их субъективность, заставляющая рассматривать их, в терминологии А. М. Пешковского, как категории субъективно-объективные⁴⁰, или, в иной терминологии, учитывающей особую связанность этих форм с

⁴⁰ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 89.

коммуникативным процессом, как категории коммуникативно-грамматические⁴¹. Между тем категории первого типа, непосредственно выражающие как свое основное содержание связи действительности, являются категориями объективными или, соответственно, категориями логико-грамматическими.

Если теперь обратиться к наборам структур предложения, выражающим «чистую модальность» и «афирмативность», то здесь существенно следующее.

Оба эти набора по своему грамматическому значению относятся к сфере связи между предметами, явлениями и т. д. Тем самым они как-будто примыкают к категориям логико-грамматическим. Но они выражают не саму эту связь, не ее реальное предметное содержание, а только одну ее сторону. Они оба дают лишь характеристику этой связи с точки зрения ее наличия или отсутствия. Грамматические значения этих наборов тем самым накладываются на грамматические значения, свойственные логико-грамматическим типам предложения, т. е. на подлинные и бесспорные логико-грамматические значения. Здесь происходит как бы различная оценка подлинных логико-грамматических связей — оценка, как мы уже сказали, с точки зрения наличия или отсутствия этих связей.

Кто же производит эту оценку? Или ее никто не производит и она дается сама собой, как прямое отражение наличия или отсутствия этой связи с объективной действительностью?

В отношении «чистой модальности», особенно такого ее проявления, как система модальных членов предложения, никем, как будто, не отрицается, что эта оценка наличия или отсутствия связи между соответствующими компонентами предложения (в плане большей или меньшей достоверности такого наличия или отсутствия) производится говорящим. И это действительно дано самым наглядным образом. Нередко в состав модальных членов даже включаются местоименные компоненты, прямо выражающие тот факт, что соответствующая оценка достоверности производится с позиции говорящего. Так, в рус-

⁴¹ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка, стр. 12—13.

ском языке модальное *кажется* является сокращенным вариантом структуры *мне кажется* и нередко встречается еще в своей полной форме.

Однако далеко не у всех модальных членов можно непосредственно выразить подобную «субъективность» оценки достоверности. Например, при русском *возможно* нельзя ввести никакую местоименную форму. Тем не менее не вызывает никаких сомнений, что и модальные члены такого типа выражают позицию говорящего, т. е. носят коммуникативно-грамматический характер.

Но если это так, то нет никаких оснований считать невозможность подключения соответствующих местоименных форм к отрицанию (основному формальному средству выражения «афирмативности») доказательством «несубъективного» характера данного значения.

Таким образом, нет никаких формальных причин, чтобы отрицать и в отношении «афирмативных» типов предложения их «коммуникативно-грамматический» характер, т. е. тот факт, что они выражают оценку реальности основного содержания предложения с позиции говорящего.

Есть еще существенный (может быть, даже самый существенный) формальный момент, показывающий глубокую внутреннюю связь между модальными членами предложения и формами выражения «афирмативности». Это — их полный параллелизм в сфере диалогической речи. Как модальные члены предложения, так и специализированные на участие в диалоге формы выражения «афирмативности» (*да, нет*) способны сами по себе образовывать ответы на альтернативные вопросы. На вопрос: *Ты идешь?* можно ответить как *Может быть!* или *Вряд ли!*, так и *Да!* или *Нет!* А никакие другие формы выступить в этой роли не могут. Думается, что глубокое внутреннее родство этих структур тем самым оказывается вне сомнения.

Все это показывает, что «чистая модальность» и «афирмативность» — явления глубоко родственные, синтаксически параллельные. Поэтому нельзя резко противопоставлять их как явления «субъективные — объективные» (коммуникативно-грамматические) явлениям «объективным» (логико-грамматическим). Они образуют в целом одну обширную и сложную систему синтаксических форм и значений, в которой на одном фланге

(«афирмативном») «коммуникативность», связь с позицией говорящего, выражена менее явственно, но зато на другом фланге («чисто-модальном») эта связь дана с совершенной несомненностью. Поэтому в той сложной игре «субъективно-объективных» и «объективных» значений, которая пронизывает всю систему грамматических значений и о которой мы говорили выше, для всей этой системы модальности — афирмативности в целом явственно преобладают значения «субъективно-объективные», коммуникативно-грамматические.

Таким образом, «афирмативность» как явление языковое, как факт грамматического строя языка, выступает не как простое отражение и выражение в языке каких-то специфических явлений действительности, а как оценка реальности основного содержания предложения со стороны говорящего. А мера вмешательства говорящего в формирование данного значения иная, большая, более прямая, чем при формировании значений логико-грамматических типов предложения. Следовательно, «афирмативность» не только может быть, но и должна быть отнесена к одному аспекту с явлением «чистой модальности».

IV

За последние десятилетия аспект познавательной установки говорящего (актуальное или коммуникативное членение предложения) привлекал к себе особенно большое внимание исследователей. Остановимся на некоторых важнейших этапах в его разработке.

Существенным вкладом в исследование вопроса о выражении познавательной установки говорящего в структуре предложения была концепция Л. В. Щербы об одночленных и двучленных фразах, изложенная им в его «Фонетике французского языка»⁴². Согласно этой концепции, предложения могут выражать, независимо (или почти независимо) от своего грамматического состава, либо простую констатацию определенного явления, процесса и т. п., либо противопоставление друг другу двух частей предложения, осуществляемое говорящим с помощью средств интонации. Хотя эта концепция изложена очень кратко, она дает все основания полагать, что,

⁴² Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1953, стр. 123—124.

по мысли Л. В. Щербы, фразовая одночленность и дву-членность отнюдь не отрицают грамматического членения предложения, а восполняют его, наслаиваясь на него различным образом, т. е. представляют собой лишь один из аспектов предложения⁴³.

Однако основное значение среди работ, посвященных познавательной установке говорящего, имеют исследования чешского ученого В. Матезиуса⁴⁴, который, между прочим, ввел термин «актуальное коммуникативное членение предложения», применяемый сейчас чаще всего для обозначения движения предложения от «данного» (у Матезиуса — «основы высказывания») к «новому» (у Матезиуса — «ядро высказывания»). В. Матезиус подчеркивал также наличие «нерасчлененных высказываний», которые состоят только из ядра высказывания и лишены компонентов, служащих для введения этого ядра. Такими «нерасчлененными высказываниями» бывают, как правило, начальные предложения в связном повествовании.

В. Матезиус наметил несколько основных случаев построения предложения с точки зрения его актуального членения, способы использования порядка слов для фиксации этого членения, а также ряд других вопросов, связанных с языковой реализацией этого явления. Он подчеркивал также связь, существующую между особенностями грамматического строя данного языка и формами выражения в нем актуального членения предложения. В частности, он отмечал различия в этом отношении между чешским и английским языками, вызванные несвободным порядком слов в английском языке.

В советском языкознании в 40-е и 50-е годы проблема соотношения «данного» и «нового» — с употреблением именно этих терминов наиболее интенсивно разрабатывалась К. Г. Крушельницкой⁴⁵. Отношение между «дан-ным» и «новым» связывается ею, в частности, с категори-ей предикативности, поскольку коммуникативная нагрузка членов предложения является в своей субъектив-

⁴³ В. Г. Адмони. Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности. «Филол. науки», 1960, № 1.

⁴⁴ V. Mathesius. O tak zvaném aktuálním členení kětném. «Čeština a obecný jazykozpyt». Praha, 1947.

⁴⁵ К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. — ВЯ, 1946, № 5.

ности одной из форм отношения говорящего к высказываемому.

Большой отклик как в зарубежном, так и в советском языкознании получила построенная на материале немецкого языка концепция К. Бооста, который, опираясь на теорию немецкого предложения Э. Драха⁴⁶, рассматривает соотношение в предложении «данного» (по его терминологии «темы») и «нового» (по его терминологии «ремы») как момент, создающий напряжение в построении предложения⁴⁷. Исходя из специфических закономерностей строя немецкого языка, К. Боост придает особое значение при образовании этого напряжения порядку слов, особенно месту спрягаемой формы глагола и наиболее тесно связанных с этой формой компонентов предложения (вернее, группы сказуемого), но широко учитывает также роль интонации.

При всех различиях в концепциях В. Матезиуса, К. Г. Крушельницкой и К. Бооста и, несмотря на все то огромное значение, которое эти исследователи придавали актуальному членению предложения, они все же рассматривали это явление как одну из сторон предложения, не стремясь заслонить ею все остальные стороны. Между тем в 60-е годы появляются языковеды, которые во все большей мере выдвигают это явление как основное и решающее для понимания структуры предложения, низводя такой аспект, как «грамматическое членение предложения» (логико-грамматическую типологию предложения), до уровня внешних правил сочетаемости слов, которые никак не способны сами по себе образовывать предложение.

Такая установка намечается, например, в работах И. П. Распопова, давшего в своей книге «Актуальное членение предложения» краткий исторический очерк развития учения об актуальном членении предложения и наметившего ряд типов этого членения в современном русском языке⁴⁸. Хотя в этой книге, а также в своей докторской

⁴⁶ D. Drach. Grundgedanken der deutschen Satzlehre. Frankfurt/M., 1937.

⁴⁷ K. Boost. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzen. «Der Satz als Spannungsfeld». Berlin, 1955.

⁴⁸ И. П. Распопов. Актуальное членение предложения (На материале простого повествования, преимущественно в монологической речи). Уфа, 1961.

диссертации⁴⁹ он неоднократно отмечает большое значение для построения предложения его грамматического членения и необходимость учитывать взаимодействие грамматического и актуального членений предложений, он все же заявляет, что «грамматическое членение само по себе еще не обеспечивает структурного единства предложения»⁵⁰, а также что даже «грамматические типы с наличным сказуемым» сами по себе, «в отвлечении от речевой реализации», не могут рассматриваться «ни как предложения (в полном смысле слова), ни даже как потенциальные предложения», потому что в них нет «структурно выраженного соответствия тому или иному (притом вполне определенному) коммуникативному заданию»⁵¹. Помимо того, И. П. Распопов тяготеет к тому, чтобы отнести предикативное к сфере актуального членения предложения, хотя и останавливается здесь на полпути⁵².

Еще дальше И. П. Распопова идет в этом отношении О. А. Крылова-Самойленко, которая в своей статье (полемически направленной против ряда наших положений) прямо ограничивает предикативность лишь сферой актуального членения предложения и вообще считает, что только это членение превращает отрезок речи в предложение⁵³.

Так как статья О. А. Крыловой-Самойленко является выражением наиболее крайней точки зрения на роль актуального членения предложения для существования предложения и так как эта статья принадлежит к наиболее поздним высказываниям по этому вопросу, мы подвергнем ее более детальному разбору.

Идя вслед за В. Матезиусом и его учениками, О. А. Крылова-Самойленко отрицает, что необходимо различать «грамматическое предикативное связывание

⁴⁹ И. П. Распопов. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке. Автореф. докт. дисс. М., 1964.

⁵⁰ И. П. Распопов. Актуальное членение предложения, стр. 47.

⁵¹ Там же, стр. 48.

⁵² Там же, стр. 36—37.

⁵³ О. А. Крылова-Самойленко. О предикативности. «Филол. науки», 1965, № 1.

двух компонентов»⁵⁴, т. е. то предикативное отношение, которое организует логико-грамматические типы предложения и непосредственно проявляется обычно в отношении подлежащего и сказуемого, и «коммуникативно-индивидуальную предикативную связь», т. е. то связывание «основы предложения с его ядром», «данного» с «новым», «темы» с «ремой» и т. д., которое возникает в процессе коммуникации как актуальное членение предложения. Сама О. А. Крылова-Самойленко видит предикативность только во второй из этих связей, т. е. только в коммуникативно-индивидуальной предикации, только в коммуникативном соотнесении нового с данным. Поэтому предикативность полностью отграничивается в концепции О. А. Крыловой-Самойленко от сказуемого. Сказуемая форма (форма связи подлежащего и сказуемого) как средство выражения предикативности рассматривается здесь «как своего рода штамп в языке» и притом как такая форма, которая еще должна быть реализована в речи, «а здесь реализация никак не может быть оторвана от задач коммуникации; необходимо именно «динамическое связывание» этих компонентов в речи, без чего простое соединение данных языковых единиц образует не предикативное, а лишь атрибутивное сочетание... Приведем в качестве примера пословицы: «Вода свое возьмет. У воды — нос остер». Во второй пословице первому компоненту высказывания — «у воды» — «приписывается», предикативизируется содержание второго компонента «нос остер», причем отношения между коммуникативно-значимыми элементами этого словосочетания явно не предикативные, а атрибутивные (ср., с одной стороны: «У воды — острый нос», а с другой — «Нос у него — остер»). Следовательно, только процесс коммуникации определяет предикативность, вне коммуникации могут существовать только абстрактные схемы возможных сочетаний различных компонентов, скажем, им. пад. имени + глагол в спрягаемой форме или инфинитив + дат. пад. имени; им. пад. сущ. + им. пад. прилагательного и т. п., — сочетаний, могущих стать предикативными, но только в речи, только при наличии определенных комму-

⁵⁴ Здесь О. А. Крылова приводит формулировки и использует термины из нашей статьи «Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности».

никативных установок, реализация которых и состоит в акте предципирования, конституирующем предложение⁵⁵.

Мы привели эту длинную цитату потому, что в ней очень ясно высказана как основная концепция О. А. Крыловой-Самойленко, так и те предпосылки, из которых она исходит, и те выводы, к которым она неизбежно должна прийти и частично приходит.

Эта основная концепция — отсутствие в грамматической системе языка как такового (противопоставленного речи) таких синтаксических связей, которые оказались бы способными сами по себе образовывать предложение.

Важнейшая предпосылка этой концепции — представление о языке (в частности, о грамматической системе языка) как о складе мертвых форм, оживающих лишь при их активизации в речи.

А важнейшие выводы из этой концепции — отсутствие в языке системы моделей предложения и отсутствие качественных различий (с точки зрения их необходимости для конструирования предложения) между разными членами предложения и между разными синтаксическими связями. Первый вывод, правда, в статье О. А. Крыловой-Самойленко непосредственно как будто не сделан. Но он полностью вытекает из хода ее мыслей и уже делался другими исследователями, стоящими на точке зрения глубокой противоположности между языком и речью (например, А. И. Смирницким). Что же касается второго вывода, то он дан у О. А. Крыловой-Самойленко совершенно явственно. Из ряда мест ее статьи можно сделать заключение, что она признает различия между зависимыми и независимыми членами предложения, между однонаправленными и двунаправленными синтаксическими связями и т. п. Но качественные различия между членами предложения и синтаксическими связями с точки зрения их роли для образования предложения в статье игнорируются. Особенно заметно это при анализе одного из примеров, когда сочетание *нос остер* (в предложении *У воды — нос остер*) рассматривается как атрибутивное. Для исследовательницы здесь оказывается неважным то обстоятельство, что в современном русском языке форма *остер* никогда не может выступать в подлинно атрибутивной функции, т. е. в функции необособ-

⁵⁵ О. А. Крылова-Самойленко. Указ. соч., стр. 137.

ленного определения к существительному. Конкретное соотношение между определенной морфологической формой и определенной синтаксической функцией отбрасывается здесь как несущественное.

Крайне характерно, что О. А. Крылова-Самойленко иллюстрирует свое утверждение об атрибутивном характере рассматриваемого здесь сочетания еще следующей парой примеров, которые, очевидно, должны соответственно представлять атрибутивное и предикативное употребление данного прилагательного: *У воды — острый нос* и *Нос у него остер*. Исследовательницу не смущает даже, что в первом, атрибутивном примере прилагательное выступает в своей полной форме, что как раз противоречит попытке объявить атрибутивным в определенном контексте и сочетание *нос остер*.

Таким образом, с точки зрения О. А. Крыловой-Самойленко все члены предложения в плане своей необходимости для конструирования предложения уравниваются, и также уравниваются в этом плане взятые в системе языка, вне речи, все связи между компонентами предложения. Соотношение номинативного подлежащего и глагольного сказуемого оказывается столь же недостаточным для образования предложения как всякое другое словосочетание.

Но это противоречит самым основным и конкретным фактам жизни языка. Прежде всего тому факту, что при восприятии разных морфологических форм в их сочетании в данном языке у воспринимающего возникает различное восприятие этих форм и их сочетаний, даже когда они даны в максимальном удалении от каких-нибудь воздействий ситуации и контекста, с точки зрения их структурной завершенности. Сочетание *Он пришел*, написанное в изолированном виде, даже без заглавного *О* и без точки после *пришел*, вызывает впечатление структурной законченности, хотя бы для воспринимающего было совершенно неясно, кто этот «он», куда он пришел, и к чему вообще обо всем этом написано. Между тем, взятое также вне ситуации и контекста сочетание *напряженно дыша*, точно так же загадочное в чисто смысловом плане, не вызовет впечатления структурной завершенности, а заставит воспринимающего ощутить недостачу каких-то грамматических компонентов, на которые это сочетание могло бы структурно опереться.

И дело тут не в каких-то особенностях психической жизни человека. Моменты психические привлекаются здесь нами лишь в той мере, в какой функционирование языка вообще совершается в форме психической (вернее: психофизиологической) деятельности человека. Дело здесь в том, что определенным формам слов и их сочетаниям (в разных языках по-разному) свойственна разная мера способности создавать структурно (именно структурно) завершенные единства, так что они в этом отношении сами по себе, независимо от особенностей коммуникативного процесса, качественно различны, неравноправны.

Для подтверждения своей точки зрения О. А. Крылова-Самойленко приводит еще некоторые аргументы. Рассмотрим важнейшие из них.

Предвидя возражение, что наличие подлежащего и сказуемого всегда создает предложение и что поэтому предикаторное предложение определяется не только коммуникацией, но и языковым грамматическим строем как таковым, О. А. Крылова-Самойленко пытается опровергнуть это возражение следующими соображениями: «Во-первых, существуют высказывания без сказуемого, являющиеся тем не менее предложениями, например номинативные, а во-вторых, есть предложения, возникающие не как результат взаимного «приписывания», предикаторного этих двух формально-грамматических компонентов (очевидно, имеются в виду именно подлежащее и глагольное сказуемое.— В. А.), а как результат отнесения всего содержания высказывания к действительности в целом, без выделения тех или иных ее сторон»⁵⁶. При выдвигании последнего типа предложений автор ссылается на И. П. Распопова, называющего их «нерасчлененными высказываниями с нулевой основой»⁵⁷.

Непонятно, однако, каким образом наличие предложений, образующихся в этом своем качестве без использования формальной структуры «номинативное подлежащее+ глагольное сказуемое», может служить доказательством того, что предложения с такой структурой не обладают предикативностью, т. е. вообще не являются предложениями. Единственный правильный вывод из это-

⁵⁶ О. А. Крылова-Самойленко. Указ. соч., стр. 138.

⁵⁷ См.: И. П. Распопов. Актуальное членение предложения, стр. 61.

го факта — это вывод о том, что такая структура («имя + глагол») не является единственно возможной и необходимой в языках рассматриваемого типа, что структура предложения может быть весьма многообразной. А такой вывод, кстати, сделал бы неизбежной постановку вопроса о том, какими факторами вызвано это многообразие, в чем основание использования именно данных форм (например, именительного падежа) для массового, типологически закрепленного образования предложений. И тогда легко было бы убедиться, что такое широкое использование этих более кратких, односоставных форм опирается на соответствующую роль этих форм в более развернутых, двусоставных структурах предложения, причем соотношение между ними весьма сложное и многообразное. В частности, именительный падеж, образующий предложение, может опираться как на подлежащее, так и на сказуемое двусоставного предложения⁵⁸. Определенная иерархия и взаимозависимость форм предложения существует так же, как существует определенная иерархия и взаимозависимость во всех остальных сферах грамматического строя, причем только такая иерархия и взаимозависимость и делает грамматический строй не просто беспорядочным набором отдельных форм, а подлинной системой.

В самом начале своей статьи О. А. Крылова-Самойленко аргументирует невозможность наличия предикативности в отношениях между именным подлежащим и глагольным сказуемым, в частности, тем, что при одном и том же направлении морфологической зависимости «направление коммуникативной, актуальной зависимости может быть различным»⁵⁹. Иллюстрируется это утверждение следующим образом: если в примерах типа *Он идет* — *он* вовлекается в предложение, чтобы получить свое определение в сказуемом, то в примерах типа *Идет он*, *Идет Костя* и т. п. (в ответ на вопрос *Кто это идет?*) «направление коммуникативной зависимости оказывается противоположным: здесь, в сущности, сказуемое получает свое определение через подлежащее»⁶⁰.

Но здесь совершенно неверно понимается та устрем-

⁵⁸ См.: А. М. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 3. М., 1954.

⁵⁹ О. А. Крылова-Самойленко. Указ. соч., стр. 135.

⁶⁰ Там же, стр. 135.

ленность подлежащего к сказуемому, которая служит одним из основных признаков сказуемого отношения, воплощающего в себе предикативность в сфере двусоставных типов предложения. Эта устремленность подлежащего к сказуемому отнюдь не является коммуникативной, актуальной, как ее рассматривает О. А. Крылова-Самойленко.

Эта устремленность заложена в подлежащем использовании именительного падежа независимо от актуального членения предложения. В предложении *Идет он* (в ответе на вопрос *Кто это идет?*) форма *он* вовлекается в предложение, чтобы устремиться к форме сказуемого *идет* в совершенно той же степени, что и в предложении *Он идет*. В этом устремлении реализуется синтаксическая роль данного именительного падежа, потому что никакого другого задания в данной структуре предложения у этого *он* нет, потому что эта форма может существовать в данном предложении только в своем отношении к глагольной форме, хотя бы это отношение было выражено в форме проекции к глагольному сказуемому, содержащемуся в вопросе (на вопрос *Кто это идет?* обычной формой ответа будет просто *Он*). От того, что *он* в плане актуального членения предложения определяет здесь *идет*, эта форма отнюдь не перестает нуждаться в форме *идет*, хотя бы связь между ними была дана в форме проекции. Здесь наличествует тот особый случай обязательной сочетаемости морфологических форм, который не совпадает с обычным направлением обязательной сочетаемости от зависимого члена к господствующему, но который тем не менее является чисто языковой, синтаксической закономерностью, закрепленной в устойчивых структурах предложения⁶¹. Кстати, именно этот факт устойчивой, необходимой синтаксической связи между именным подлежащим и глагольным сказуемым лег в основу положений некоторых исследователей (в частности, Л. Теньера) о том, что глагол является ядром предложения и тем его членом, который господствует над всеми остальными, причем подлежащее в именительном падеже приравнивается к объекту в косвенных падежах.

С другой стороны, та морфологическая зависимость,

⁶¹ В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. — ВЯ, 1958, № 1.

которая существует у сказуемого глагола по отношению к именному подлежащему, отнюдь не является простоморфологической зависимостью. Имеющее здесь место согласование (в тех языках, в которых оно наблюдается), как и всякое согласование, есть одновременно явление, касающееся морфологической структуры слова, и явление, принадлежащее к синтаксической системе языка. Это — морфологические изменения с синтаксическим содержанием, существующие в сфере синтаксических связей между словами и служащие оформлению этих связей.

Таким образом, соотношение между согласованием сказуемого с подлежащим и взаимонаправленностью подлежащего и сказуемого не есть отношение между «морфологической зависимостью» одного из этих компонентов от другого и их альтернативной, различно направленной зависимостью в сфере актуального членения предложения, а есть отношение в сфере предложения, непосредственно не зависящее от актуального членения. Хотя по мнению О. А. Крыловой-Самойленко, получается, что оба эти явления принадлежат к совершенно различным несоизмеримым пластам языка и речи, в действительности же оба они относятся к синтаксису (к той его области, которая не связана с актуальным членением предложения), и поэтому не только могут, но и должны быть увязаны в единой синтаксической системе.

Основная аргументация О. А. Крыловой-Самойленко, в конечном счете направленная на доказательство того, что отношение между грамматическим подлежащим и грамматическим сказуемым не образует предложения, оказывается несостоятельной. Предложение со своей типологией существует как определенная языковая реальность и в отвлечении от познавательной установки говорящего (актуального членения предложения). Рассмотрение грамматического членения предложения, а именно структуры предложения с точки зрения компонентов, необходимых для его образования в условиях максимальной выключенности из условий ситуации и контекста (в условиях максимального «синтаксического покоя»), т. е. рассмотрение логико-грамматических типов предложения, является не пустой абстракцией, а установлением реально существующих, исключительно важных черт предложения.

Это, конечно, никак не означает, что сомнению подвергается та большая роль, которая принадлежит актуальному членению предложения при изменениях структуры предложения в процессе его функционирования, т. е. при его полном включении в условия ситуации и контекста. Но вопрос ведь вообще не стоит так, что надо выбирать либо одно, либо другое. Ошибка как О. А. Крыловой-Самойленко, так и некоторых других языковедов состоит прежде всего именно в том, что они хотят абсолютизировать роль одного из этих моментов, роль актуального членения предложения, выводя систему логико-грамматических типов предложения за пределы структуры предложения как такового. Истина заключается в том, что и тот, и другой момент являются объективно существующими сторонами, аспектами предложения и что предложение не может быть всесторонне раскрыто без анализа этих, а также и ряда других аспектов.

Обратимся теперь к одному, более частному вопросу, который, однако, играет чрезвычайно большую роль в статье О. А. Крыловой-Самойленко,— к вопросу о том, можно ли считать отношение между подлежащим и сказуемым в соответствующих двусоставных логико-грамматических типах предложения в чем-то аналогичным отношению между «новым» и «данным», «темой» и «ремой» и т. п. в актуальном членении предложения. Надо сказать, что даже при таком решении вопроса, которое означало бы принципиальное признание полного несовпадения между этими отношениями, никак не был бы поколеблен тезис, утверждающий как актуальное членение предложения, так и логико-грамматическую типологию предложения особыми аспектами предложения, учет которых необходим для раскрытия всей его системы. Ведь в разных аспектах предложения возможно образование структуры предложения с помощью отношений разного вида. Поэтому признание полной разнородности отношений между подлежащим и сказуемым в логико-грамматических типах предложения и между «новым» и «данным» в актуальном членении предложения означало бы лишь желательность терминологического размежевания между этими отношениями. То есть здесь следовало бы либо сохранить термин предикативность за одним из этих отношений, заменив его каким-либо другим термином применительно к другому отношению, либо вообще отка-

заться от этого термина и назвать оба рассматриваемые здесь отношения другими терминами.

Но глубокая внутренняя близость между обоими этими отношениями все же несомненна. Вся суть отношения между подлежащим и сказуемым в двусоставном предложении состоит в их взаимной устремленности друг к другу, в двусторонности их отношения. Они не могут существовать друг без друга. И также — вопреки мнению О. А. Крыловой-Самойленко⁶² — взаимно устремлены друг к другу «новое» и «данное» в актуальном членении предложения: не только «данное» стремится к «новому», но и «новое» ориентировано на старое, вводится в предложение через «данное» и может быть полностью раскрыто лишь через свою связь с данным, даже если эта связь дана только в проекции на контекст или ситуацию. Так, в диалоге очень часто ответная реплика содержит лишь то, что является новым с точки зрения всего соответствующего диалогического единства — например, *Когда ты придешь? — Завтра*. Но в этом *Завтра* заключена прямая проекция на *Когда ты придешь*, и подлинный смысл этого «нового» может быть понят только при обращении к тому «данному», которое содержится в вопросе.

Эта взаимообращенность друг к другу компонентов отношений как в двусоставных логико-грамматических типах предложения, так и в актуальном членении предложения и позволяет считать их явлениями родственными, параллельными. И этим они оба обладают определенным сходством с тем отношением, которое под наименованием предикативности существует в структуре суждения, и которое в свое время было выделено и осознано как логическая категория как раз на базе грамматического строения двусоставного предложения, а именно логико-грамматического типа предложения с именным сказуемым. Ведь и в суждении оба его основных члена существуют как члены суждения лишь в своей взаимосвязанности, в своем отношении друг к другу. Именно поэтому, т. е. в силу этого внутреннего сходства, термин предикативность смог издавна применяться для обозначения отношения между подлежащим и сказуемым, а с недавних пор стал

⁶² См.: В. Г. Адмони. Структура предложения. «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении». Л., 1935.

применяться и для обозначения отношения между «дан-ным» и «новым» в структуре, образуемой актуальным членением предложения.

Конечно, все эти три отношения (в двусоставной структуре предложения, в актуальном членении предложения и в суждении) не абсолютно подобны, имеют свои особенности. Но их сходство все же носит очень глубокий характер и, что очень важно, не случайно, а объясняется тем, что все эти три отношения восходят, каждое по-своему, к одному и тому же источнику, а именно так или иначе отражают одни и те же общие черты, вообще свойственные человеческой мысли как психическому процессу. Основная суть человеческой мысли состоит ведь в том, чтобы связывать понятия. Всякое постижение, всякая информация могут быть достигнуты лишь путем такого связывания понятий. И это связывание понятий в мысли, всегда динамическое, образует тот реальный процесс, который рассматривается с точки зрения своей познавательной сути в логике в качестве суждения, который запечатлелся в системе логико-грамматических типов предложения (в грамматической структуре каждого языка по-своему) в форме предикативного отношения между подлежащим и сказуемым, который заново образуется (впрочем, также по определенным, хотя и очень многообразным типам) при актуальном членении предложения как отношение между «данным» и «новым». Нет никаких оснований для того, чтобы считать невозможным сохранение термина «предикативность» для обозначения отношения между грамматическим подлежащим и сказуемым даже в том случае, если мы употребляем этот термин и для обозначения отношения между «данным» и «новым» при актуальном членении предложения. Но естественно, что вполне возможно — и даже целесообразно — ввести некоторые терминологические уточнения, чтобы предотвратить неясность при употреблении этого термина, который рискует стать слишком многозначным.

Такие терминологические уточнения могут быть самые различные. В свое время мы предложили называть предикативность, наличествующую в двусоставных логико-грамматических типах предложения предикативностью сказуемой или просто сказуемостью, а предикативность, наличествующую в актуальном членении предложения, — предикативностью коммуникативной или инди-

видуально-коммуникативной. Ни на одном из этих терминов мы, естественно, не настаиваем. Но нам кажется все же существенным, чтобы вводимые здесь термины не только разграничивали соответствующие отношения, но и показывали их глубокое внутреннее сходство.

Внутреннее сходство между грамматической предикативностью и предикативностью индивидуально-коммуникативной может рассматриваться и в генетическом плане. Поскольку все логико-грамматические типы предложения в специфической для данного языка форме фиксируют, в конечном счете, определенные ходы человеческой мысли, направленной на отражение определенного отношения действительности, то тем самым в них закрепляются определенные типические формы познавательной установки говорящего, определенные, устойчивые формы движения от «данного» к «новому». Например, повторяющееся бесчисленное число раз движение человеческой мысли от носителя состояния как «данного» к состоянию как «новому» могло отразиться и отразилось в множестве языков в создании специфических логико-грамматических типов, в которых носитель состояния — подлежащее оказывается связанным предикативной связью со сказуемым (именным, или глагольным, или глагольно-именным), выражающим состояние. То же касается таких отношений действительности, как отношение «производитель действия — действие», или в обратном движении, — отношение объекта действия и действия и т. д.

Но важнее для нас тот факт, что, как уже здесь подчеркивалось, на эти отработанные, устойчивые схемы движения от «данного» к «новому», запечатлевшиеся в логико-грамматических типах предложения, в каждом конкретном предложении наслаивается та или иная индивидуально-коммуникативная предикативность, которая может либо совпадать в своем строении с грамматической предикативностью соответствующего логико-грамматического типа, либо не совпадать с ним. И мы говорим здесь о том, что индивидуально-коммуникативная предикативность наслаивается на грамматическую предикативность, то есть что актуальное членение предложения (познавательная установка говорящего) наслаивается на грамматическое строение предложения (на тот или иной его логико-грамматический тип), а не наоборот, именно потому, что логико-грамматические типы предложения

являются более устойчивыми и оправданными для всей грамматической системы языка, в меньшей мере зависят от бесконечно меняющихся условий ситуаций и контекста. Более изменчивое, лабильное наслаивается здесь (что и соответствует природе сложных языковых образований) на более постоянное, стабильное, а не наоборот.

Конечно, и формы выражения актуального членения предложения в каждом языке не бесконечно разнообразны. Как мы отмечали еще много лет тому назад, существует определенная типология и форм предложения, различающихся по своей познавательной установке⁶³. Для русского языка такую типологию наметил, отнюдь не исчерпывая, правда, материала, особенно в сфере более развернутых структур предложения и в жанре научной и технической литературы, как мы указывали, И. П. Распопов. Но эта типология может быть раскрыта и выработана, только отталкиваясь от непосредственно грамматической структуры предложения, от системы логико-грамматических типов предложения и системы распространения необходимого структурного костяка этих типов, на основе этих систем. Это видно, в частности, из той типологии, которую предлагает И. П. Распопов. Он выделяет свои «коммуникативно-синтаксические типы простых повествовательных предложений», по своей собственной формулировке, «в зависимости от того, какие именно грамматические члены включаются в состав названных компонентов актуального членения, как они перераспределяют между собой коммуникативную нагрузку, отвечая задаче целенаправленного сообщения мысли...»⁶⁴.

* * *

Мы коснулись, естественно, далеко не всех спорных проблем, «аспектологии» и типологии предложения, которые затрагивались в последние годы, далеко не всех актуальных вопросов этой сферы синтаксического строя.

Остановимся в заключение лишь на нескольких таких вопросах.

Способность полноценно участвовать во всех (или почти во всех) аспектах предложения, не быть нейтральной

⁶³ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка, стр. 226—232.

⁶⁴ И. П. Распопов. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы..., стр. 8.

зованной по отношению к этим аспектам, является одним из важнейших критериев для решения вопроса о том, в какой степени та или иная структура может рассматриваться как предложение.

Каждый из семи рассмотренных здесь аспектов предложения есть не что иное, как определенная система признаков, одним из которых должно обладать каждое языковое образование для того, чтобы играть роль предложения (в языке такого типа, который мы здесь имели в виду).

Поэтому неверны, как мы уже подчеркивали ранее, все попытки противопоставить какой-либо один аспект всем остальным и объявить его единственно существенным для предложения. В частности, не выдерживает критики стремление выдвинуть в качестве единственного явления, образующего предложение в отличие от всех остальных синтаксических единиц, коммуникативное (актуальное) членение предложения. Коммуникативное членение предложения действительно присутствует в каждом предложении, но в каждом предложении присутствуют также его принадлежность к тому или иному логико-грамматическому типу предложения, определенная модальность, определенная степень распространенности (полноты) — хотя бы в форме отсутствия каких-либо отклонений от необходимого состава того или иного логико-грамматического типа, определенная связь с другими предложениями — хотя бы в форме отсутствия этих связей, определенная коммуникативная задача (в смысле повествовательности и т. д.), определенная насыщенность эмоциональностью.

Можно, конечно, различать аспекты предложения по самым различным линиям, чтобы нащупать их соотносительную «важность». Например, их можно различать с точки зрения того, насколько обязательно соответствующий аспект должен быть выражен в каждом предложении как бы «положительно», т. е. реализоваться в наличных, материально данных, а не нулевых признаках. Так, аспект полноты предложения, как только что было отмечено выше, нередко может характеризоваться отсутствием каких-либо отклонений от того набора членов, который необходим для образования соответствующего логико-грамматического типа предложений. Между тем в своем отнесении к любому логико-грамматическому типу каж-

дое предложение должно выразить это свое отнесение специфическим оформлением своих необходимых членов. Но от этого аспект полноты предложения не перестает быть необходимым аспектом предложения — конечно, если отвлечься от вопросов генетических и не обращаться к тем древним этапам языкового развития, когда, как это можно предположить, вообще еще не было распространения основного состава предложений (кстати, сам этот состав был тогда, очевидно, совсем иным, чем в каких-либо известных нам языках).

Более существенной представляется нам другая возможность дифференциации аспектов предложения. Это — дифференциация с точки зрения как бы их «базирования» друг на друге. Так, совершенно ясно, что модальность и различные формы полноты предложения наслаиваются на логико-грамматические типы предложения, а не наоборот. Ясно также, что познавательная установка говорящего (актуальное членение предложения) наслаивается как на логико-грамматические типы предложения с их модальностью, так и на формы их полноты и даже на их связь с другими предложениями в развернутой речи. Представляется бесспорным, что наиболее «глубинным», базисным аспектом является здесь аспект логико-грамматических типов предложения — аспект, который выявляет структуры исключительно устойчивые, отработанные в сочетаниях устойчивых морфологических форм. Именно на этот аспект с его типологией, так или иначе наслаиваются все остальные аспекты предложения со всей своей типологией, образуя то исключительно сложное переплетение языковых структур, которое и является типологией предложения.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
В. Н. ЯРЦЕВА. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	5
Н. Д. АРУТЮНОВА. О ЗНАЧИМЫХ ЕДИНИЦАХ ЯЗЫКА	58
М. М. ГУХМАН. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И СТРУКТУРА ПАРАДИГМ	117
Т. В. БУЛЫГИНА. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ	175
В. Г. АДМОНИ. ТИПОЛОГИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	232

Исследования по общей теории грамматики

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *В. К. Романов*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 17/V 1968 г. Подписано к печати 21/VIII 1968 г.

Формат 84×108¹/₃₂ Бумага типогр. № 1

Физ. печ. л. 9,25 Усл. печ. л. 15,44 Уч.-изд. л. 15,7

Тираж 5000 экз. Т-11765 Тип. зак. 5196.

Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

**В МАГАЗИНАХ
«АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЮТСЯ
В ПРОДАЖЕ КНИГИ
ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ:**

**Библиографический указатель литературы
по русскому языкознанию. 1825—1880.**

Вып. 3. 1955. 255 стр. 1 р. 02 к.

Вып. 4. История русского литературного языка. Стилистика и культура речи. 1956.

583 стр. 1 р. 66 к.

Вып. 5. Памятники русского языка. 1957. 680 стр. 1 р. 80 к.

Вып. 6. Учебники и методическая литература. 1957.

290 стр. 85 коп.

Вып. 7. Украинский и белорусский языки. Сравнительное языкознание. Историография русского языкознания. 1958. 554 стр. 50 коп.

Вып. 8. Алфавитный указатель к выпускам 1—7. 1959.

444 стр. 1 р. 75 к.

Вопросы составления описательных грамматик. Сборник статей. 1961.

280 стр. 1 р. 52 к.

Лексико-семантические группы глаголов. Сборник упражнений по французскому языку. 1963.

64 стр. 17 коп.

Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 5. 1962.

223 стр. 1 р. 30 к.

Материалы и исследования по лексике русского языка. XVIII в. 1965.

311 стр. 1 р. 55 к.

Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия.

Т. 2. 1961. 200 стр. 1 р. 10 к.

Т. 3. 1962. 176 стр. 1 р. 02 к.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в строе сложноподчиненного предложения. 1964.

263 стр. 1 р. 26 к.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. 1964.

599 стр. 2 р. 65 к.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний. 1964.

304 стр. 1 р. 41 к.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложений. 1964.

499 стр. 2 р. 20 к.

Проблемы современного русского правописания. 1964.

176 стр. 44 коп.

Если Вы хотите приобрести эти или другие книги издательства «Наука», направляйте заказы в магазин «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

*Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
Баку, ул. Джапаридзе, 13;
Душанбе, пр. Ленина, 95;
Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303;
Киев, ул. Ленина, 42;
Ленинград, Литейный пр., 57;
Москва, ул. Вавилова, 55/5;
Новосибирск, Красный пр., 51;
Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
Ташкент, ул. Карла Маркса, 28;
Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
Уфа, Проспект Октября, 129;
Уфа, Коммунистическая ул., 49;
Фрунзе, бульвар Дзержинского, 41;
Харьков, Уфимский пер., 4/6.*